

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

№ 3.

Мартъ 1916 года.

СОДЕРЖАНІЕ:

По поводу прекращенія редакторской дѣятельности К. Е. Истомина. П. Красина	237—252
Современная война и русскіе религіозно-національные идеалы. Е. П. Бѣлоусова	253—268
Заѣты Ѳ. М. Достоевскаго русскому обществу. С. Горскаго	269—292
Интимный уголокъ души современной учащейся молодежи. Прот. Н. Липскаго	293—313
Психологія отроческаго возраста. В. А. Тихоширова	314—360
Толстовцы въ деревнѣ и князь Халкевъ. Свяд. І. Приходина	361—388
Нотинная наука и „лжецы отъ науки“. П. Кратирова	384—390
Библиографія М. П. и А. К.	391—396
Опытъ нравственнаго православнаго Богословія въ аподогическомъ освѣщеніи. (Отдѣльное приложен.). Проф.-прот. Н. Стеллецкаго	149—84

ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Каплуновская улица, д. № 4.

1916.

ЖУРНАЛЪ

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ЖУРНАЛОВЪ:

1) Журнала богословско-философскаго и 2) Журнала „Пастырь и Паства“.

Сохраняя апологетическое направлѣніе, первый журналъ попрежнему дастъ статьи научно-церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ будутъ помѣщаться изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Въ журналъ же „Пастырь и паства“ войдутъ статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера.

Журналъ „ВѢра и Разумъ“ будетъ выходить одинъ разъ въ мѣсяць а „Пастырь и Паства“—еженедѣльно.

Оба журнала, по возможности не уменьшая количества печатныхъ листовъ, попрежнему дадутъ восемнадцать и болѣе печатныхъ листовъ въ мѣсяць т. е. годовое изданіе ихъ останется прежнее.

Цѣна за годовое изданіе обоихъ журналовъ внутри Россіи 10 р., за границу 12 р. съ пересылкою; отдѣльно же—„ВѢра и Разумъ“ семь рублей въ годъ, а „Пастырь и Паства“— три рубля.

Разсрочка въ уплатѣ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Харьковѣ:** въ редакціи журналъ «ВѢра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія л. нѣ; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петроградѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала „ВѢра и Разумъ“ можно получать полныя комплекты изданія 1914 г. и 1915 г. за **8 руб.** съ перес. За другіе годовыя экземпляры журнала могутъ быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

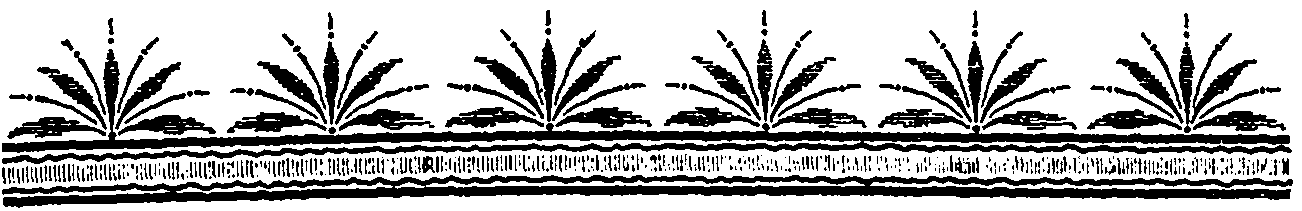
Пісці вооїмєч.

Вторю разумьбаємъ,

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 20 Марта 1916 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Толминъ

По поводу прекращения редакторской дѣятельности К. Е. Истомина.

Въ началѣ февраля н. г. почтенный редакторъ нашего журнала д. с. с. Константинъ Евстафьевичъ Истоминъ обратился къ Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Антонію съ просьбой объ освобожденіи его отъ исполненія обязанностей редактора журн. „Вѣра и Разумъ“ по старости лѣтъ и слабости силъ, а къ концу этого мѣсяца всѣ редакціонныя дѣла переданы были новому составу редакціи, и, такимъ образомъ, непрерывно въ теченіе многихъ лѣтъ продолжавшаяся редакторская работа К. Е. прервалась. Эта работа продолжалась такъ долго, была такъ плодотворна, имѣла такое высокое значеніе не только для нашего журнала и для харьковской епархіи, но и для всей русской духовной журналистики, всей православной богословской науки и русской церкви, что имя К. Е. никогда не можетъ быть забыто и въ предѣлахъ и далеко за предѣлами Харьковской епархіи. Всѣ истинные друзья богословской науки и христіанской философіи будутъ всегда съ благодарностью вспоминать скромнаго труженика, который въ тиши редакторскаго кабинета, незамѣтно для постороннихъ глазъ, не всегда и не всѣми цѣнимый по достоинству, проработалъ добрую половину средней человѣческой жизни (32 года), отдалъ любимому дѣлу всѣ богатія силы своего ума, свои многостороннія знанія, свой завидный житейскій опытъ, всю свою любовь, всю свою душу. Забыть такого преданнаго своему дѣлу работника, замолчать такую исключительную по своей продолжительности, выдающуюся по своей высокой полезности дѣятельность — невозможно. Отдавая нѣсколько страницъ журнала маленькой справкѣ о

дѣятельности К. Е. и небольшой характеристикѣ его редакторской личности, мы не только лично себѣ доставляемъ высокое удовольствіе—выраженія чувства искренняго уваженія и преклоненія предъ тридцатилѣтнимъ подвигомъ патріарха русской богословской журналистики, не только уплачиваемъ маленькую часть неоплатнаго долга журнала своему многолѣтнему руководителю, но и исполняемъ свою обязанность предъ читателями, которые, хотя и не видятъ, но всегда чувствуютъ въ журналѣ душу его редактора, для которыхъ, поэтому, онъ далеко не является чужимъ. Мы не беремъ на себя смѣлости дать исчерпывающую характеристику дѣятельности почтеннѣйшаго К. Е., обрисовать полностью его выдающуюся богато одаренную личность, для этого небольшой замѣтки мало, это задача будущаго историка журнала и помѣстной харьковской церкви; мы ограничимся самыми необходимыми замѣчаніями. Редакторская дѣятельность К. Е., начавшись съ перваго дня существованія журнала, безъ перерыва продолжалась до настоящаго времени, онъ все время принималъ въ немъ самое близкое, самое непосредственное руководственное участіе. Совершенно нельзя представить журналъ внѣ личности К. Е., исторія его дѣятельности—это исторія журнала и наоборотъ. Вотъ почему поставивши своей цѣлью дать очеркъ этой дѣятельности, мы должны будемъ вкратцѣ прослѣдить исторію нашего журнала ¹⁾.

„Вѣра и Разумъ“—начинаетъ свое существованіе съ 1884 г. Основателемъ журнала былъ пріснопамятный святитель харьковской епархіи Архіепископъ Амвросій (Ключаревъ). Но мысль объ изданіи въ Харьковѣ солиднаго богословскаго органа и не только мысль, а и попытки, болѣе или менѣе успѣшныя, ея практическаго осуществленія—были не новыми. По словамъ К. Е., Архіеп. Амвросій осуществилъ то, что раньше его хотѣлъ и пытался сдѣлать одинъ изъ его предшественниковъ Арх. Макарій (Булгаковъ), впоследствии Митрополитъ Московскій, при которомъ началъ было выходить въ Харьковѣ двухнедѣльный богословскій журналъ—„Духовный Дневникъ“. Журналъ предпо-

¹⁾ К. Е. съ любезно подѣлился съ нами своими воспоминаніями, касающимися исторіи возмужденія журнала и его жизни за 32 года.

жено было поставить серьезно, научно, но дѣло на этотъ разъ не пошло: просуществовавъ нѣсколько лѣтъ, журналъ пересталъ выходить (кажется рѣшающее значеніе въ прекращеніи изданія имѣлъ переводъ Арх. Макарія изъ Харькова). Кромѣ этого издавался тогда же—въ 60-ые годы въ Харьковѣ и другой, небольшой, но довольно солидный по времени и условіямъ, журналъ профессоромъ Харьк. Университета прот. В. И. Добротворскимъ—„Духовный Вѣстникъ“. Но и этотъ журналъ, какъ и Макарьевскій, ко времени вступленія Архіеп. Амвросія на Харьковскую кафедру прекратилъ свое существованіе и Преосвященному Амвросію приходилось начинать все дѣло сызнова. Почти сейчасъ по своемъ прибытіи въ Харьковъ онъ обратилъ вниманіе на издававшіеся (подъ ред. прот. І. Чижевскаго) здѣсь по обычному типу Епарх. Вѣдом. и нашелъ ихъ не только недостаточными для такого крупнаго просвѣщеннаго центра какъ Харьковъ, но даже неудовлетворяющими своему прямому назначенію—обслуживанію нуждъ мѣстнаго духовенства. У него тогда же зарождается мысль продолжить начинавшееся другими, но неудавшееся дѣло изданія большаго журнала, съ задачами еще болѣе широкими, чѣмъ тѣ, какими задавались прежніе издатели. Но осуществляетъ это намѣреніе онъ не сразу. Сначала дѣлается попытка обновить и улучшить Епарх. Вѣдомости. Съ этою цѣлью созвано было особое совѣщаніе изъ представителей семинарской корпораціи, нѣкоторыхъ профессоровъ университета, и харьковскихъ пастырей. Поручено было разнымъ лицамъ (гл. обр. изъ семинарской корпораціи) составить статьи для журнала. Конст. Евст—чъ, тогда уже почтенный инспекторъ семинаріи (дѣло было въ 1882 г., а К. Е. поступилъ на службу въ Харьк. Сем. въ 1856 году), пишетъ статью „Православный Востокъ въ минувшемъ году“. Статья понравилась Архіепископу, онъ обратилъ вниманіе на автора и предоставилъ ему руководящее значеніе въ преобразованномъ епархіальномъ органѣ, который теперь издается при семинаріи—подъ редакторствомъ—сначала (NN 1—14) ея Ректора Прот. М. Разногорскаго, затѣмъ, послѣ его перевода,—К. Е. Истомина (NN 15—29), а къ концу году новаго Ректора Прот. І. Кратарова, и обслуживается, гл. обр., семинарскими силами. К. Е., кромѣ указанной, пишетъ рядъ

другихъ, обширныхъ статей: *Христіанскій Западъ въ минувшемъ году*, *Справедливо ли социалисты пользуются Евангельскимъ ученіемъ въ подтвержденіе своихъ воззрѣній*, *Церковная Наука*, *Православные юго-славянскіе народы въ Австріи*, и др.; имъ же, повидимому, пишутся и редакціонныя статьи,—словомъ преобразование журнала главною своею тяжестью легло на К. Е. и онъ понесъ эту первую ношу съ охотой и пользою для дѣла. Обновленіе журнала сразу было замѣчено, редакція слышитъ одобрительные отзывы, получаетъ поощренія „со стороны людей опытныхъ въ духовно-литературномъ дѣлѣ, ... занимающихъ выдающееся положеніе въ духовно-учебной и духовно-административной сферѣ“, и особенно цѣнное для нея сочувствіе со стороны „сельскихъ читателей, преимущественно со стороны сельскаго духовенства“¹⁾. И это совершенно понятно: журналъ замѣтно „помолодѣлъ“; преобладавшій прежде проповѣдническій (большею частью очень несовершенный) матеріалъ (К. Е. говоритъ, что, принимая редакцію, онъ получилъ цѣлыя груды проповѣдей) теперь занимаетъ очень скромное мѣсто; проповѣди, конечно, не устраняются изъ журнала, но между ними дѣлается строгій выборъ и помѣщаются только самыя выдающіяся, а такихъ было очень немного; главнымъ же образомъ журналъ теперь заполняется статьями научно-богословскаго и церковно-публицистическаго характера. Весьма характерны программныя заявленія новой редакціи (мы ихъ приводимъ въ небольшомъ извлеченіи, потому что въ значительной степени они характеризуютъ редакторскую программу самого К. Е., его первоначальные идеалы): „нѣтъ сомнѣнія, что литературное дѣло вообще и духовно-литературное въ частности, можетъ развиваться только при живомъ обмѣнѣ мыслей между читающими и пишущими, при взаимномъ довѣріи между ними и въ особенности при нравственной поддержкѣ; тамъ же, гдѣ этого нѣтъ, тамъ можетъ существовать литература только официальная, дѣловая, обязательная, или литература для собственнаго писательскаго удовольствія, но ужъ никакъ не литература въ собственномъ и строгомъ смыслѣ

¹⁾ № 26 Епарх. Вѣд. 1883 г. „Нѣсколько словъ къ нашимъ читателямъ“. Здѣсь приводятся выдержки изъ письма одного сельскаго батюшки съ весьма лестными для К. Е. отзывами.

слова, какъ живой или желательный отвѣтъ на ясно поставленные вопросы современной жизнью въ той или другой ея сферѣ“ (золотыя слова, которыя должны быть девизомъ всякаго живого журнала). Съ такой дороги редакція общается никогда не сходить; поэтому ее такъ радуютъ отклики читателей. Журналъ хочетъ служить „христіанской религіозно-нравственной истинѣ не только въ ея отвлеченіи, или научной разработкѣ, но еще болѣе въ ея живомъ и разнообразномъ соприкосновеніи съ живой дѣйствительностью“. Онъ ставитъ себѣ цѣлью „освѣщеніе мѣстныхъ особенностей религіозно-нравственной жизни“ и для достиженія ея ищетъ сотрудничества мѣстныхъ силъ „и особенно сельскаго духовенства“, подбодряя его къ литературной работѣ. Хочетъ быть не только „сословнымъ, кружковымъ органомъ печати“, а—выразителемъ „общественныхъ религіозно-нравственныхъ интересовъ“... Съ такимъ характеромъ мы и находимъ преобразованные Епарх. Вѣд. за одинъ годъ ихъ существованія (1883-й). Но и въ такомъ улучшенномъ видѣ они не удовлетворяли просвѣщеннаго Архипастыря и его ближайшихъ сотрудниковъ. Епарх. Вѣдом. не были и не могли быть большимъ церковнымъ журналомъ, который бы всегда стоялъ на высотѣ богословской науки и былъ способенъ вполнѣ удовлетворять духовные запросы просвѣщеннаго русскаго общества и образованныхъ пастырей; обновленные Епарх. Вѣдом. оставались, хотя и улучшеннымъ, но все таки мѣстнымъ епархіальнымъ органомъ. Архіеп. Амвросій хочетъ создать журналъ не для удовлетворенія только потребностей духовенства Харьк. епархіи и даже не для нуждъ только помѣстной харьковской церкви,—задача, которую выполняли и выполняютъ, б. ч., епархіальные органы,—онъ задумываетъ журналъ, который бы могъ имѣть интересъ и значеніе для всего образованнаго русскаго общества. Назрѣваетъ мысль объ изданіи такого журнала, какимъ сталъ потомъ журналъ „Вѣра и Разумъ“. Преосвященный начинаетъ дѣйствовать. Входитъ въ сношеніе съ разными лицами, которыя могли быть полезными для будущаго журнала. Бывшій тогда Оберъ-Прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ первоначально не проявилъ особаго сочувствія къ начинанію Архіеп. Амвросія, совѣтовалъ бросить эту затѣю, потому что, повидимому, не вѣрилъ въ

способность семинаріи нести на своихъ плечахъ такой серьезный органъ богословско-философской мысли. Но энергичный Епископъ не поколебался въ своемъ стремленіи и журналъ былъ учрежденъ: въ январѣ 1884 г. вышелъ его первый номеръ. Приглашены были крупные профессорскіе силы; между прочимъ для философскаго отдѣла Преосвященный самъ приглашаетъ професс. Моск. Дух. Акад. В. Д. Кудрявцева, а К. Е.—чу поручаетъ пригласить проф. Кіевск. Дух. Акад. П. И. Линицкаго,—оба охотно откликнулись и своими трудами долго заполняли страницы философскаго отдѣла „Вѣра и Разумъ“ (профессору Кудрявцеву принадлежит и первоначальная мысль названія журнала,—сообщаетъ К. Е.). Съ этого момента К. Е. становится все въ болѣе и болѣе близкое и непосредственное отношеніе къ журналу, не прекращавшееся уже въ теченіе всей его жизни до настоящаго времени. Какъ талантливый сотрудникъ онъ помещаетъ въ новомъ журналѣ рядъ серьезныхъ изслѣдованій богословско-философскаго характера; какъ ближайшій помощникъ Преосвящ. Амвросія онъ постепенно возлагаетъ на себя тяжелую редакторскую работу, сначала не имѣя официально этого имени (официальнымъ редакторомъ былъ Ректоръ Семинаріи), а потомъ уже къ концу святительскаго служенія Архіеп. Амвросія (1899 г.) и съ официальнымъ именемъ редактора. Эта официальная перемѣна только закрѣпила и объявила вслухъ то, что людямъ близкимъ къ журналу было извѣстно съ самаго начала: что большая часть редакторской работы лежала на К. Е. Правда, Архіеп. Амвросій былъ не только высокимъ покровителемъ и идейнымъ вдохновителемъ журнала, но и его непосредственнымъ руководителемъ, вникавшимъ во всѣ мелочи журнальнаго дѣла (почти всѣ статьи просматриваемы были имъ лично и составъ каждой выходящей книжки, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, опредѣлялся при его участіи),—но главная тяжесть редакторской работы лежала все таки на К. Е. Онъ былъ „правою рукою“ Архіеп. Амвросія (такъ, самъ онъ называлъ себя), но это не была рука, не вѣдавшая, что думала и чего хотѣла голова: К. Е. былъ не простымъ исполнителемъ чужой воли и мысли, а талантливымъ сотрудникомъ, посвященнымъ во всѣ планы вдохновителя, идейно ему близкимъ, умѣвшимъ понимать его мысли и осуществлять его

намѣренія,—не за страхъ, а за совѣсть—душевно, любовно преданнымъ дѣлу. Покойный Архіепископъ, по словамъ К. Е., приблизилъ его къ себѣ и довѣрилъ ему журналъ, не сразу, а послѣ продолжительнаго искуса: онъ долго и тщательно испытывалъ его, но за то потомъ уже никогда, до самой кончины своей, не прекращалъ и не ослаблялъ этого довѣрія и расположенія. Въ ту пору, воспоминаетъ К. Е., работать въ журналѣ можно было спокойно, не испытывая тревогъ за матеріальное положеніе журнала: эта сторона, какъ и все другое, служила предметомъ самой живой заботы Архіепископа Амвросія (былъ такой моментъ, когда журналъ испытывалъ довольно сильныя матеріальныя затрудненія, когда у него образовался дефицитъ, Преосвященный быстро пришелъ на помощь: обратился къ своимъ московскимъ друзьямъ и одинъ изъ нихъ далъ нужную сумму, кажется 3000 руб.). Обеспеченности матеріальной соответствовало и научное состояніе журнала: профессора Академіи, Университетовъ, образованные пастыри и самъ Архіеп. Амвросій украшали журналъ своими произведеніями. Журналъ получилъ признаніе и высокую оцѣнку какъ въ духовномъ мірѣ, такъ и въ свѣтскихъ образованныхъ кругахъ, не порвавшихъ связей съ Церковью. Между другими богословскими журналами онъ занялъ не послѣднее мѣсто. Этому успѣху и росту журнала послѣ Преосвящ. Амвросія несомнѣнно содѣйствовалъ больше всего его фактическій редакторъ—К. Е. Истоминъ. Онъ, какъ мы говорили уже, пользовался постоянными указаніями и помощію Архіепископа, это ободряло и до извѣстной степени уменьшало личную отвѣтственность, но тяжести редакторскаго труда не ослабляло, особенно къ концу жизни Архіепископа, когда онъ одряхлѣлъ, потерялъ слухъ и когда не могъ уже удѣлять журналу столько силъ и вниманія, какъ въ началѣ своего служенія. Приходилось все больше и больше работать самому К. Е.—чу, а вмѣстѣ принимать на себя все большую и большую отвѣтственность за состояніе журнала. Къ этому времени относится официальное назначеніе К. Е. редакторомъ. Увеличеніе работы и отвѣтственности не только не уменьшаетъ энергии, въ это время уже очень опытнаго редактора, а еще больше ее повышаетъ, онъ весь уходитъ въ журнальную работу и врядъ ли что нибудь его интересуетъ больше, чѣмъ журналъ, онъ

отдаетъ ему и свои силы и свое время почти безраздѣльно. Такъ проходитъ первый періодъ въ редакторской дѣятельности К. Е.—ча и вмѣстѣ первый періодъ въ жизни журнала, періодъ первоначальнаго созиданія и устройства его, періодъ и первыхъ успѣховъ его,—трудный, а вмѣстѣ и славный для тѣхъ, которые выносили его на своихъ рукахъ, создали своими трудами ему успѣхъ и значеніе. Но вотъ Преосвящ. Амвросій умираетъ. Журналь (въ научной его части) остается почти всецѣло на попеченіи К. Е. (трудъ редакторскій, конечно, всегда раздѣлялся ректорами семинаріи, но по многосложности своихъ обязанностей, они никогда не могли, разумѣется, посвящать ему столько времени и силъ, сколько онъ требуетъ). Преемники на харьковской кафедрѣ Архіеп. Амвросія не чуждаются журнала, оказываютъ ему свое архипастырское вниманіе, а вмѣстѣ и его почтенному редактору, который вскорѣ послѣ смерти Архіеп. Амвросія оставляетъ службу въ Семинаріи (1902 г.) и уже безраздѣльно отдаетъ себя журналу. Но такой исключительной о себѣ заботливости, какъ со стороны Арх. Амвросія въ это время журналъ уже не встрѣчаетъ. Однако и при менѣе благопріятныхъ условіяхъ для своего существованія, руководимый опытнымъ кормчимъ (К. Е.), онъ продолжаетъ неизмѣнно стоять на высотѣ богословской науки и требованій религіозно-философской мысли, предлагая своимъ читателямъ произведенія профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній и вообще солиднѣйшихъ представителей богословскаго и философскаго знанія неуклонно идетъ къ поставленной цѣли твердо держать свое знамя съ начертаннымъ на немъ девизомъ: πισταί υμῶν, ревностно служить всеми силами вѣрующаго разума святой церкви. Плодотворно служить, не смотря на то, что въ этотъ періодъ начинаютъ давать себя чувствовать неблагоприятныя для журнала, мѣстныя теченія; именно теперь К. Е. начинаетъ испытывать тревогу за судьбу жарнала: тревога какъ оказалось, была напрасной, опасенія значительно преувеличенными, но дѣло касалось судьбы любимаго, собственными трудами и заботами, многолѣтними и неусыпными, взлелѣяннаго дѣтища, а въ такомъ случаѣ и небольшія опасности могли пугать и преувеличивались. Бережно храня свое сокровище, отстаивая его отъ явныхъ и тайныхъ, дѣйствительныхъ и кажущихся недобро-

желателей, К. Е., хотя и обремененный годами, твердо шагаетъ по давно намѣченному пути... Такъ прошло тридцать съ лишнимъ лѣтъ упорной самоотверженной, не для всѣхъ замѣтной и видимой, но чрезвычайно отвѣтственной и трудной работы, которая давала, конечно, много чистыхъ радостей, но гораздо больше огорченій и скорбей. Силы начали слабѣть, почувствовалась потребность въ давно заслуженномъ почетномъ отдыхѣ (К. Е-чу въ наст. вр. болѣе 80 лѣтъ), честный труженникъ, испытанный работникъ долженъ былъ передать любимое дѣло въ другія руки. Передать въ такой моментъ, когда всѣ друзья журнала пріободрились, когда для него стала заниматься заря новой жизни и онъ снова получилъ въ лицѣ вступившаго на Харьковскую кафедру Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Антонія просвѣщеннѣйшаго, ученаго и благожелательнаго руководителя; когда, благодаря неутомимой энергіи и высокой пастырской ревности новаго Архипастыря епархіальная жизнь забила ключемъ, ожили дремавшія силы и духъ жизни широкой струей влился во всѣ епархіальныя учрежденія. Волна общаго оживленія докатилась и до журнала Вѣра и Разумъ, передъ нимъ стали раскрываться новые горизонты, новыя, болѣе широкія, дали живой работы въ связи съ новыми потребностями жизни церкви и русскаго народа. Оставить журналъ въ такой отвѣтственный и серьезный моментъ его старому работнику и тяжело, а вмѣстѣ и утѣшительно: признана жизненная необходимость журнала, на него возложены важныя задачи, съ нимъ связаны новыя надежды, а К. Е., только объ одномъ и говорилъ, только одного и хотѣлъ, оставляя журналъ: его существованія и его преуспѣванія.

Таковы важнѣйшіе моменты въ дѣятельности нашего почтеннаго редактора. О многомъ мы не могли сказать, далеко не все намъ извѣстно: фактическія свѣдѣнія мы черпали, главнымъ образомъ, изъ словъ самого К. Е., а онъ, охотно сообщая все, что касается жизни журнала и заслугъ другихъ лицъ, трудившихся ему на пользу, скромно умолкалъ, когда мы интересовались его собственной дѣятельностью и его личными заслугами. Но и этотъ краткій и блѣдный перечень важнѣйшихъ событій изъ жизни журнала въ редакторство К. Е. даетъ намъ полное право признать высокія заслуги его перваго редактора, перваго не столько

по времени (официально, какъ мы сказали, онъ получилъ это званіе уже на исходѣ второго десятка своей дѣятельности), сколько по тому значенію, какое онъ имѣлъ для журнала.

Онъ отдалъ ему почти все, что имѣлъ, а имѣлъ онъ такъ много, какъ рѣдко кто имѣетъ. Въ его личности сочетались удивительнымъ образомъ, кажется, всѣ качества, какія необходимы для редактора серьезнаго богословско-философскаго журнала. Отъ природы онъ былъ одаренъ блестящими и разнообразными духовными дарованіями—глубокимъ умомъ, яснымъ сознаниемъ, отличной памятью, неослабной энергіей, твердой волей. Данные Богомъ таланты не были зарыты въ землю, К. Е. ихъ удесятирилъ. Школа и собственная умственная работа сдѣлали изъ него отличнаго, широко и разносторонне образованнаго ученаго. Нѣтъ, кажется, ни одной богословской или философской науки, которая была бы ему чуждой, въ которой онъ не чувствовалъ бы себя какъ дома; состоя на педагогической службѣ около 50 лѣтъ (17 лѣтъ преподавателемъ и 29 лѣтъ инспекторомъ) онъ разновременно преподавалъ чуть не всѣ науки семинарскаго курса. Многообразная, широкая научная освѣдомленность К. Е. прямо поразительна. И это не поверхностная диллетантская освѣдомленность, это подлинныя и глубокія знанія, продуманныя и проверенныя. Замѣчанія и совѣты, которые онъ давалъ авторамъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, всегда были мѣтки, основательны и чрезвычайно ими цѣнились. О томъ же свидѣлствуютъ и его научныя работы. Мы упоминали уже о тѣхъ статьяхъ, которыя писалъ онъ для преобразованныхъ Вспарх. Вѣдом., и въ нихъ достаточно проявляется это качество его ума—разносторонняя научная освѣдомленность. Еще яснѣе объ этомъ говорятъ его работы, помѣщавшіяся разновременно въ журналѣ Вѣра и Разумъ. Онъ даетъ отличный переводъ, снабженный научнымъ комментариемъ Лейбница (переводъ къ сожалѣнію не доведенъ до конца) и другихъ философовъ, пишетъ статьи по философскимъ вопросамъ; полемизируетъ, и очень удачно съ Вл. С. Соловьевымъ; отзывается на самые разнообразные запросы церковной жизни; рѣшаетъ богословскіе вопросы—экзегетическаго, апологетическаго, историческаго и т. п. характера; пишетъ по вопросамъ педагогическимъ и т. д. и т. д. (таковы, напр.,

его статьи: Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи слова Божія; Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству; Основныя задачи нашей народной школы; Современная апологія Талмуда и талмудистовъ; Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій; О славянскомъ богослуженіи на западѣ; О православной и протестантской импровизаци; и мн. др.). И во всѣхъ своихъ сужденіяхъ держится на строго научной почвѣ, все проникнуто у него глубокой философской мыслью; эта философская складка сквозитъ у него всюду, онъ любитъ и чтитъ подлинную философію и самъ является философомъ во всемъ, что говоритъ и пишетъ, философомъ старой марки—глубокимъ, основательнымъ, серьезнымъ. Онъ принципиальный идейный сторонникъ единенія вѣры и истинной науки, серьезный поборникъ разумной вѣры, талантливый проповѣдникъ христіанской философіи. „Искать истину, стремиться къ ней или даже поддерживать и одушевлять стремленіе къ ней другихъ людей, на нашъ взглядъ дѣло вполне христіанское, вполне достойное духовнаго журнала“ пишетъ онъ въ отвѣтъ нѣкому Потулову, который усмотрѣлъ въ статьѣ проф. Кудрявцева.—„Возможна ли философія“ печатавшейся въ Вѣрѣ и Разумѣ,—безбожіе и въ философскомъ направленіи журнала—опасность для вѣры. „Наука свободна... она имѣетъ право изслѣдовать все“. „Свящ. Писаніе не есть мягкое возглавіе для нашей лѣлости и безпечности. Помогая разуму человѣческому въ дѣлѣ усвоенія религіозной истины, открывая ему эту истину, оно требуетъ самодѣятельности нашего разума въ дѣлѣ пониманія остальныхъ истинъ“. „Православная церковь требуетъ отъ насъ, чтобы мы не вѣрили слѣпо ничему... она отвергаетъ слѣпую вѣру какъ нравственный порокъ, она требуетъ разумнаго пониманія какъ естественнаго, такъ и сверхъестественнаго“¹⁾. Такъ думаетъ, такъ пишетъ и такіе взгляды проводитъ К. Е. въ редактируемомъ имъ журналѣ. Онъ не останав-

¹⁾ Означенныя цит. мы дѣлаемъ по небольшой брошюрѣ, въ изд. журн. „Ребусъ“, помѣстившей цѣликомъ ст. К. Е. (изъ Вѣры и Разума) съ лестнымъ для него отзывомъ—„Богословско-философскій журналъ о спиритизмѣ“ СПб. 1885 (см. с. 7, 15, 11, 22). Эту брошюру предложилъ намъ самъ К. Е. для ознакомленія съ нѣкоторыми его взглядами.

ливается передъ тѣмъ, что нѣкоторыя статьи могутъ показаться среднему читателю слишкомъ отвлеченными, слишкомъ сухими и научными, если находить, что онѣ содѣйствуютъ проясненію истины. Онъ думаетъ, что серьезный журналъ не всегда обязанъ считаться съ преобладающими вкусами своихъ читателей,—иногда онъ можетъ пойти и въ разрѣзъ съ ними,—что онъ долженъ не только идти навстрѣчу ихъ требованіямъ, но и имъ предъявлять свои; давать имъ своими статьями не „мягкое возглавіе“ для легкаго отдохновенія, но серьезный матеріалъ для серьезной умственной работы. Не всѣ примутъ полностью такой взглядъ, но никто не откажетъ приверженцамъ его въ высокомъ идеализмѣ и рыцарской преданности благороднѣйшимъ традиціямъ служенія чистой наукѣ. Настойчивое осуществленіе такого взгляда дало К. Е. чуне мало идейныхъ противниковъ и причинило ему не мало тревогъ. Онъ рѣшительно отказывается отъ непрошенныхъ друзей, вродѣ указаннаго Потулова; христіанская истина, по его мнѣнію, не нуждается въ нихъ: „Господи, избавь ее отъ подобныхъ друзей и защитниковъ, а съ врагами она сама справится“—пишетъ онъ тамъ же. И вообще онъ не ищетъ друзей, онъ честно идетъ своей дорогой, не расшаркиваясь направо и на лѣво, не сворачивая ни въ какую сторону.

Богато одаренный отъ природы, широко образованный, К. Е. обладалъ при этомъ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и способностью къ усидчивой работѣ,—качествами, цѣнными для всякаго работника, а для редактора журнала особенно необходимыми. Весь громадный матеріалъ, поступавшій въ редакцію онъ прочитывалъ самостоятельно, нерѣдко производя значительныя исправленія, сокращая, видоизмѣняя и дополняя. Онъ никогда не полагался на отзывы своихъ сотрудниковъ, когда они у него были (недолгое время два помощника), вотъ почему онъ такъ легко расстался съ ними. А что значитъ перечитать груды рукописнаго матеріала, особенно тамъ, гдѣ только очень немногіе прибѣгаютъ къ услугамъ ремингтоновъ, это можетъ понять вполнѣ только тотъ, кто хотя немного имѣлъ съ этимъ дѣло: тутъ требуется не только длительное духовное напряженіе, но и неослабное напряженіе зрѣнія; иногда отъ одной „хорошей“ рукописи въ глазахъ темнѣетъ, а такихъ рукописей въ ре-

дакціонномъ портфелѣ К. Е. меньше сотни, кажется, никогда не бывало. Понятно почему иногда очень чувствительные авторы выражали сѣтованія на то, что рукописи задерживаются редакціей дольше, чѣмъ имъ хотѣлось и казалось бы,—это далеко не всегда зависитъ отъ доброй воли редактора. Но не только нужно было читать и править рукописи, переписываться съ авторами, имѣть постоянное общеніе съ типографіей, вести (послѣднюю) корректуру (К. Е. велъ ее всегда или полностью или дѣлилъ съ другимъ редакторомъ),—но нужно было внимательно слѣдить и за текущей литературой; не говоримъ уже о томъ, что въ теченіе 20 лѣтъ К. Е. одновременно несъ многосложныя обязанности инспектора Семинаріи. И онъ успѣвалъ все дѣлать: изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяць книжка журнала ыходила исправно, задержекъ никогда не бывало.

Въ своихъ дѣловыхъ отношеніяхъ К. Е. проявлялъ неизмѣнное ко всѣмъ благожелательство, полное расположеніе, вниманіе, постоянную готовность оказать услугу, помочь, посовѣтовать. Зная съ какой чуткостью принимаются часто авторами не совсѣмъ благопріятные отзывы объ ихъ работахъ, даже простой отказъ въ помѣщеніи ихъ статей,—К. Е. давалъ свои заключенія съ необыкновенной осторожностью и тонкой деликатностью, и отказывать онъ умѣлъ, совершенно не задѣвая авторскаго самолюбія, что въ особенности цѣнно по отношенію къ начинающимъ авторамъ, гдѣ иногда одно неосторожное замѣчаніе можетъ отбить охоту къ литературной работѣ у человѣка, весьма иногда къ ней способнаго. И не только съ авторами-сотрудниками, но и съ самыми маленькими труженниками печатнаго слова, до типографскихъ служащихъ включительно, К. Е. обходился внимательно, корректно и ласково,—и среди нихъ онъ оставилъ по себѣ добрую память, уходъ его и тамъ вызвалъ искреннее сожалѣніе. У него было рѣдкое умѣнье жить съ людьми въ мирѣ и трудиться съ ними въ добромъ согласіи; очень рѣдко онъ раздражался; никогда никого не оскорбилъ и не обидѣлъ.

Благожелательный, мягкій, деликатный, снисходительный къ другимъ, К. Е. всегда отличался большою скромностью, когда дѣло касалось его. Онъ всегда ставитъ себя на второй планъ, отодвигаетъ въ тѣнь; онъ съ большимъ

усиліемъ и съ большими умолчаніями говорить о себѣ, о своей дѣятельности въ журналѣ, о своихъ заслугахъ передъ нимъ и наоборотъ съ любовью и охотой вспоминаетъ всѣхъ, въ разное время трудившихся для журнала или оказавшихъ какія либо услуги ему лично, онъ никого не забылъ, для всѣхъ у него есть доброе слово; даже о тѣхъ, которые не проявляли къ нему особаго расположенія, онъ отзывается безъ всякой вражды, вспоминаетъ то, что было хорошаго въ ихъ отношеніяхъ къ нему и совершенно, кажется, не помнить худого. Почитаемый и уважаемый всѣми, не только близко его знавшими, но и тѣми, кому хоть одинъ разъ приходилось имѣть съ нимъ дѣло, онъ никому не казался недоступнымъ, важнымъ, тѣмъ болѣе гордымъ; ни тѣни высокомерія, даже обыкновенной холодности или отчужденности къ кому бы то ни было,—простой, доступный, снисходительный и скромный всегда и со всѣми. Никогда онъ не пользовался своимъ вліяніемъ, своею близостью и связями съ людьми, властью имущими, не только, чтобы обидѣть когонибудь или выгоду получить, но даже, чтобы себя оградить отъ нѣкоторыхъ неприятностей; онъ терпѣливо ихъ переносилъ, когда они случались, самъ улаживалъ возникавшія затрудненія, иногда—съ уколами для средняго самолюбія очень чувствительными,—но утруждать собою другихъ, прибѣгать къ содѣйствию сильныхъ покровителей своихъ онъ никогда себѣ не позволялъ.

Необходимо указать еще одно, совершенно незамѣнимое качество у нашего почтеннаго редактора, это—преданнѣйшая любовь его къ своему журналу. Вся его дѣятельность краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о ней и намъ нѣтъ нужды распространяться о томъ, что ясно слѣдуетъ изъ приведенныхъ фактовъ. Врядъ ли мы преувеличимъ, если скажемъ, что журналъ былъ для него самымъ дорогимъ, самымъ близкимъ изъ всего, что дорого и близко ему было въ жизни. Онъ могъ многое забыть, отъ многого отказаться, многимъ пожертвовать, но забыть журналъ онъ никогда не могъ и, думаемъ, совершенно не сможетъ. И совершенно, конечно, нельзя сказать, что выгоды или особый почетъ давало положеніе редактора К. В-чу. Что касается перваго, то при своихъ дарованіяхъ, со значительно меньшей затратой и времени, и труда, и нервной энергіи, онъ могъ получить

тоже и гораздо больше. Что касается второго, то не нужно забывать, что, неся на своихъ плечахъ журналъ почти во всей его тяжести, К. Е., въ теченіи 16 лѣтъ не имѣлъ даже вполне имъ заслуженнаго права—видѣть свое имя помѣщеннымъ на послѣдней страницѣ въ послѣдней строчкѣ, тамъ стояло не два, а одно имя. Нужно было потрудиться около двухъ десятковъ лѣтъ, чтобы получить то, что ему по праву принадлежало съ самаго начала. Только большая совершенно безкорыстная любовь и исключительная скромность могутъ объяснить то, что К. Е., принимая почти всю работу и значительную долю отвѣтственности на себя, всю честь этой работы уступалъ другому. Даже теперь, передавая редакціонный портфель, онъ не перестаетъ думать о журналѣ онъ не одинъ разъ повторилъ намъ: „берегите журналъ“, „держите его на высотѣ“ „работайте, не смущаясь и не останавливаясь“ передъ возможными невзгодами, и т. д., и т. п. Сколько трогательной любви, сколько нѣжной заботливости въ этихъ завѣтахъ стараго редактора! Хочется сказать ему: работать будемъ и беречь будемъ насколько силъ хватить и умѣнья, потому что Ваше созданіе и намъ дорого и близко; только чувствуемъ мы, что нѣтъ у насъ Вашихъ силъ, Вашихъ знаній и Вашего большого опыта, у насъ есть только любовь и желаніе работать. Мы стоимъ въ началѣ пути, съ такою славою вами пройденнаго и вашъ образъ будетъ служить для насъ лучезарнымъ маякомъ; въ Вашемъ примѣрѣ Ваши преемники всегда будутъ находить и ободреніе и одушевленіе для своей работы. Хочется еще сказать въ утѣшеніе уходящему о томъ, что такъ волновало его всегда и беспокоитъ теперь: жизни журнала ничто не угрожаетъ, онъ долженъ и будетъ продолжать свою полезную дѣятельность, исторія его впереди; Вы написали, хотя и лучшую, но только первую ея главу; теперь, когда назрѣваютъ важныя реформы въ русской церкви, когда жизнь всего русскаго общества, сдвинувшись съ вѣковыхъ устоевъ, утверждается на новыхъ, ему открывается еще болѣе широкое поле дѣятельности; въ связи съ требованіями времени онъ будетъ видоизмѣнять свое содержаніе, такъ какъ его задача—отражать жизнь церкви и общества, откликаться по возможности на всѣ духовныя переживанія современнаго человѣка и помогать служителямъ церкви въ ихъ трудномъ подвигѣ,—но

онъ останется самимъ собою, не измѣнитъ своему девизу;— въ это мы вѣримъ непоколебимо...

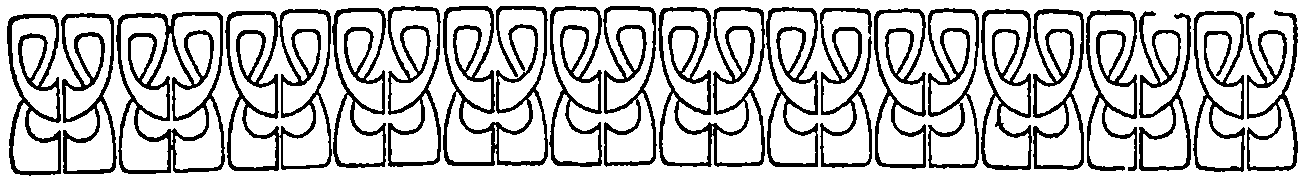
Счастливымъ сознаниемъ честно исполненнаго долга передъ русской Церковью и русскимъ обществомъ, получившій, далеко не всѣми труженниками получаемую, награду: видѣть плоды трудовъ своихъ, утѣшаться тѣмъ, что вспаханное и засѣянное собственными руками непочатое поле, дало богатую жатву, насыщающую многихъ жаждущихъ духовной пищи,—К. Е. можетъ спокойно глядѣть въ будущее, не тревожась за жизнь своего журнала.

Отъ всей души, отъ сердца, исполненнаго глубокаго почтенія, желаемъ, чтобы Богъ укрѣпилъ уставшія силы вѣрнаго труженника на нивѣ духовнаго просвѣщенія, послалъ ему утѣшеніе въ продолженіе многихъ лѣтъ видѣть и убѣждаться въ томъ, что не напрасно потрачены его труды, что фундаментъ, имъ заложенный, крѣпокъ и зданіе, на немъ построенное, стоитъ нерушимо.

Журналъ никогда не забудетъ своего перваго редактора—устроителя, никогда не станетъ онъ ему чужимъ, всегда будетъ желаннымъ гостемъ; имя его золотыми буквами будетъ записано на первыхъ страницахъ его исторіи, навсегда останется въ благодарной памяти читателей, сотрудниковъ и всѣхъ друзей журнала.

П. Красинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА

и русскіе религіозно-національные идеалы.

Россия переживаетъ сейчасъ знаменательный историческій моментъ. „Намъ суждено быть свидѣтелями и участниками величайшей міровой борьбы, борьбы двухъ, взаимно-исключающихъ другъ друга, началъ: борьбы идеи мира, свободы народовъ и права—противъ идей всепоглощающаго милитаризма, безправія и грубаго насилія. Стремленію къ мирной трудовой жизни и спокойному, свободному сожителству народовъ на основѣ взаимнаго уваженія противопоставлена идея крови и желѣза, порабощенія себѣ всего міра, подчиненія его своеобразной культурѣ германской и бронированному кулаку“¹⁾.

Если таковъ смыслъ настоящей борьбы народовъ и если нашему отечеству приходится играть сейчасъ одну изъ самыхъ главныхъ ролей въ развернувшейся міровой драмѣ, то вполне естественно стремленіе русскихъ людей не только осмыслить переживаемыя событія, но и, поставивъ ихъ въ связь со всѣмъ прошлымъ русской исторіи и сдѣлавъ возможный прогнозъ грядущихъ, тѣсно связанныхъ съ переживаемымъ моментомъ, событій,—вспомнить свои заветные національные идеалы и думы, оживить свои историческія надежды и сдѣлать, если это возможно, переоцѣнку многихъ важныхъ историческихъ цѣнностей. Міровая война, естественно, выдвигаетъ на сцену міровой важности вопросы: эта война есть борьба національностей и культуръ. „Всѣ важнѣйшія нити міровыхъ судебъ сплелись нынѣ въ одинъ трагическій узелъ; война ведется за выборъ основныхъ путей человѣческаго духа“²⁾.

¹⁾ Изъ рѣчи Предсѣдателя Госуд. Думы 27 Янв. 1915 г.

²⁾ Вяч. Ивановъ. Русск. Мысль 1914 г., Декабрь.

Какова же роль въ этой борьбѣ нашего отечества? Какіе идеалы будущаго рисуются сейчасъ въ русскомъ народномъ сознаніи и что представляется намъ въ далекой, повидимому, перспективѣ конца этой ужасной борьбы? Невольно приходится задумываться въ настоящій моментъ надъ этими вопросами и того или иного рѣшенія ихъ искать не только въ духовномъ содержаніи современной жизни русскаго народа, но и въ исторіи русскаго религиозно-національнаго самосознанія, въ прошломъ русской культуры.

Обращаясь къ исторіи русскаго національнаго самосознанія, мы видимъ, что вопросъ о томъ, что такое Россія, какъ самостоятельное національное цѣлое, и каковы ея будущіе культурные пути,—остро поставленъ былъ и рѣшенъ еще въ первой половинѣ XIX вѣка славянофилами.

Мы не намѣрены сейчасъ излагать взгляды писателей славянофильской школы подробно; мы коснемся лишь историко-политическихъ воззрѣній двухъ замѣчательныхъ русскихъ писателей, ученыхъ публицистовъ, которые, хотя и не сопричиляются собственно къ представителямъ славянофильской школы, но болѣе всѣхъ другихъ сдѣлали для теоретическаго, научнаго обоснованія славянофильскихъ идей,—Н. Я. Данилевскаго и К. Н. Леонтьева¹⁾. Удивительна судьба этихъ выдающихся русскихъ людей. Высокодаровитые (даже гениальные, какъ ихъ иногда называютъ), научно-образованные, болѣе другихъ посвятившіе свои силы изученію и обоснованію національной идеи и создавшіе такіе научно-литературные труды по этому вопросу, которые должны были составить эпоху въ исторіи русскаго національнаго самосознанія, они и при жизни своей мало признавались современниками и по смерти не были достойно оцѣнены потомками. Почему же?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ, намъ кажется, нужно искать прежде всего въ самомъ характерѣ этихъ писателей и ихъ твореній. Если, какъ говоритъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ идейныхъ противниковъ названныхъ писателей—В. С. Соловьевъ,—въ области публицистики, соціально-идейнаго

¹⁾ Мы останавливаемся сейчасъ, главнымъ образомъ, на двухъ книгахъ этихъ писателей: „Россія и Европа“ Данилевскаго и „Востокъ, Россія и Славянство“ Леонтьева.

проповѣдничества, быстрое вліяніе и большое значеніе достигаются писателями-оппортунистами,—удовлетворяющими наличнымъ вкусомъ и инстинктамъ толпы, служащими ближайшимъ интересамъ современности¹⁾,—то названные писатели не принадлежали къ подобному разряду публицистовъ. Они были слишкомъ оригинальны и высоки въ умственномъ отношеніи, глубоки въ отношеніи своихъ убѣжденій и въ то же время „эстетически прихотливы“²⁾ для того, чтобы быть любезно принятыми широкой русской публикой.

Но, съ другой стороны, есть и иныя причины непопулярности этихъ писателей,—болѣе серьезныя и коренящіяся въ самомъ характерѣ и содержаніи ихъ литературно-публицистическихъ трудовъ. Очевидно, самыя идеи, носителями и проповѣдниками которыхъ были эти писатели, не были популярны въ широкихъ кругахъ русской интеллигенціи. Идея самостоятельнаго, независимаго отъ другихъ народовъ, существованія и мірового предназначенія славянскихъ и, въ частности, русскаго народовъ была очень нелюбезно принята въ нашемъ отечествѣ. Когда,—въ первой половинѣ 19-го вѣка,—несомнѣнно лучшіе русскіе люди, составившіе небольшой кружокъ, обратились съ призывомъ къ русскому обществу возвратиться къ основнымъ исконнымъ началамъ своей народности, признать специфическія особенности психическаго строя русскаго народа кореннымъ началомъ русской культуры,—то эти благороднѣйшіе люди встрѣчены были одними, кое-гдѣ, съ недоумѣніемъ и удивленіемъ, а въ большинствѣ случаевъ—съ грубыми насмѣшками и издѣвательствомъ. Ясно было, что русскіе люди, обнаружившіе въ своей исторіи столько слѣпой подражательности всему, приходившему съ Запада, подавленные иногда дѣйствительнымъ, а часто и искусственнымъ авторитетомъ Европы, боясь проявить свою собственную инициативу, страшились даже самой мысли и возможности какого-то самостоятельнаго русскаго культурнаго пути. Славянофиламъ, какъ известно, суждено было вступить въ ожесточенную борьбу съ такъ называемыми западниками и эта борьба, не прекращающаяся въ нѣкоторыхъ областяхъ жизни даже и до-

¹⁾ В. Соловьевъ. Собр. соч., т. IX изд. „Просвѣщеніе“, стр. 401.

²⁾ В. Соловьевъ. Тамъ же.

нынѣ, лучше всего свидѣтельствуемъ о непопулярности, неприемлемости, такъ сказать, для большинства русскихъ интеллигентныхъ людей, славянофильскихъ идей.

Не вдаваясь въ подробную характеристику славянофильства, остановимся сейчасъ на одномъ изъ самыхъ видныхъ теоретиковъ его—Н. Я. Данилевскомъ и его книгѣ „Россія и Европа“¹⁾. Въ этой книгѣ Данилевскій подробно и научно обосновываетъ главный славянофильскій тезисъ, состоящій въ томъ, что каждый самостоятельный народъ, каждое историческое племя—призваны осуществлять въ своей жизни начала, коренящіяся въ особенностяхъ ихъ психическаго строя, самостоятельно исполнять свою историческую миссію. Если же этого нѣтъ, если тотъ или другой народъ не въ состояніи быть культурно независимымъ, сказать міру свое собственное слово, то онъ является народомъ неисторическимъ, онъ ооувсѣмъ пропадаетъ для исторіи, превращаясь въ простой этнографическій матеріалъ, въ удобреніе почвы для развитія другихъ самостоятельныхъ культуръ.

Обоснованію этого взгляда служить впервые провозглашенная Данилевскимъ такъ называемая „Теорія культурно-историческихъ типовъ“. Съ точки зрѣнія этой теоріи, человѣческій прогрессъ не есть непрерывное и послѣдовательное движеніе впередъ, развитіе какого-либо одного начала, въ каковомъ процессѣ принимаютъ послѣдовательное участіе всѣ народы, выступающіе постепенно на историческое поприще. Прогрессъ, по Данилевскому,—это постепенное откровеніе міру все новыхъ и новыхъ сторонъ человѣческаго духа. Всѣ историческіе народы принимаютъ въ этомъ участіе, но не всѣ они развиваютъ одно и то же начало. Независимо другъ отъ друга, каждый изъ нихъ дѣлаетъ свое дѣло: ихъ общая задача—проявить всѣ способности человѣческаго духа и съ этой цѣлю—исходить все поле человѣческой культуры и во всѣхъ направленіяхъ. Въ этой, обще-человѣческой работѣ принимаютъ участіе только тѣ народы и племена, которые въ состояніи сказать

¹⁾ С. П. В. 1871 г. Изд. Тов. „Общ. Польза“.

міру свое собственное слово, образовать самостоятельный „культурно-историческій типъ“. Такихъ типовъ Данилевскій насчитываетъ много. Эти типы, правда, не всецѣло отъединенно и независимо дѣйствуютъ въ исторіи; они иногда могутъ, до нѣкоторой степени, вліять другъ на друга, но они совершенно самостоятельны въ самомъ главномъ и существенномъ,—въ основныхъ началахъ культуры, которыя присущи тому или другому культурно-историческому типу. Эти начала, являющіяся специфическими особенностями національности того или другого типа, непередаваемы.

Всѣ славянскіе народы составляютъ особый самостоятельный „культурно-историческій типъ“, религіозная сторона культурной дѣятельности котораго составляетъ, его специфическую особенность. „Со стороны объективной, фактической русскому и большинству прочихъ славянскихъ народовъ достался историческій жребій быть вмѣстѣ съ Греками главными хранителями живого преданія религіозной истины-православія, и такимъ образомъ быть продолжателями великаго дѣла, выпавшаго на долю Израиля и Византіи; быть народами богоизбранными. Со стороны субъективной, психической—Русскіе и прочіе Славяне одарены жаждой религіозной истины, что подтверждается какъ нормальными проявленіями, такъ и самыми искаженіями этого духовнаго стремленія“¹⁾).

Нельзя не отмѣтить, что, не смотря на необыкновенную логическую стройность, силу и убѣдительность доказательствъ, приведенныхъ въ книгѣ Данилевскаго, чего не могли не признать нѣкоторые авторитетные критики ея²⁾),—все же громадное большинство изъ нихъ отнеслось къ „новоизмышленной“ теоріи неблагосклонно. Такъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ критиковъ теоріи Данилевскаго, В. С. Соловьевъ, призналъ взгляды Данилевскаго принципиально неприемлемыми и научно-необоснованными³⁾).

Не намъ рѣшать вопросъ о томъ, насколько обоснованы научно воззрѣнія Данилевскаго. Этотъ вопросъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ представителей науки, даже и не мо-

¹⁾ Н. Данилевскій. „Россія и Европа“, стр. 511.

²⁾ К. Бестужевъ-Рюминъ. „Теорія культурно-историческихъ типовъ“.

³⁾ В. Соловьевъ. „Национальный вопросъ въ Россіи“.

жетъ быть въ настоящее время рѣшенъ удовлетворительно¹⁾. Мы хотимъ обратить сейчасъ вниманіе на тѣ изъ „пророчествъ“ Данилевскаго о Россіи и славянствѣ, которыя въ настоящій, переживаемый нами, знаменательный историческій моментъ, по нашему мнѣнію, должны имѣть большой интересъ для всѣхъ русскихъ людей.

Въ своей книгѣ Данилевскій, въ связи съ теоріей „культурно-историческихъ типовъ“, рѣшаетъ еще вопросъ о томъ, что такое въ своей „исторіи и духѣ“ Европа по сравненію съ Россіей и почему первая враждебна второй. По этому поводу Данилевскій говоритъ, что слово „Европа“ имѣетъ смыслъ не географическій, а культурно-историческій, что это есть сама „романо-германская цивилизація“. Враждебность по отношенію къ намъ этой именно „Европы“ не случайна, а глубока и непримирима. Россія не можетъ принадлежать къ Европѣ; Европа не признаетъ насъ своими, видитъ въ славянствѣ чуждую себѣ стихію, съ которой сродниться никогда не въ состояніи. Однимъ словомъ, по Данилевскому, Россіи предстоитъ не миръ, а лишь борьба съ романо-германской Европой,—борьба не на жизнь, а на смерть.

Можемъ ли мы теперь согласиться съ этимъ мнѣніемъ Данилевскаго? Современная дѣйствительность, повидимому, не оправдываетъ это предсказаніе его. Россія, правда, ведетъ сейчасъ отчаянную борьбу, но не со всей Европой, а только частью ея,—не съ романо-германскимъ міромъ, а лишь—съ германскимъ, который, въ свою очередь, объединился съ чуждымъ Европѣ по происхожденію мадыаро-турецкимъ міромъ. И несомнѣнно, что не за себя только, не за свои лишь собственные, или даже славянскіе, интересы борется сейчасъ Россія: она борется и за вселенскій, сверхнародный идеалъ правды, мира и справедливости. „Что восторжествуетъ на землѣ—миръ или мечъ, честный трудъ или облекшееся въ государственное всеоружіе хищничество“?²⁾—этотъ вопросъ стоитъ сейчасъ предъ Россіей и она, борясь противъ международнаго хищничества и насилія, воплощеннаго въ воинствующемъ германизмѣ, спасаетъ не себя только, какъ національное тѣло, но и высшіе, сверхнаціональные идеалы человѣчества.

¹⁾ В. Завитневичъ. „Русскіе славянофилы“, Кіевъ 1915 г. стр. 9—10.

²⁾ Вяч. Ивановъ. Русск. Мысль 1914 г., Декабрь, стр. 106.

Не совсѣмъ правъ Данилевскій и въ своей характеристикѣ „романо-германскихъ“ народовъ. Эти народы характеризуются у него одной, всѣмъ имъ будто бы свойственной, чертой—насильственностью. Факты, очевидцами которыхъ являемся мы, не совсѣмъ соотвѣтствуютъ этому утвержденію нашего историка. Мы видимъ, что въ современной Европѣ есть не только, дѣйствительно, народы, воплотившіе во всѣхъ областяхъ жизни идею насилія, сдѣлавшіе ее и высшимъ принципомъ международныхъ отношеній („сила выше права“),—но и народы, противящіеся насилію, готовые, какъ, напр., бельгійцы, пожертвовать жизнью и цѣлостью своего государства, лишь бы спасти свою честь и достоинство. И къ этимъ народамъ въ настоящій моментъ у насъ не только нѣтъ вражды, но и устанавливается съ ними братство какъ по оружію, такъ и въ особенности, по сознанію общности культурно-историческихъ и моральныхъ задачъ. Европа, которая Данилевскому представлялась такой однородной, монолитной, теперь оказывается принципиально раздѣленной на двѣ части: латинскую и германскую. И въ эту войну, повидимому, латинскій геній впервые осозналъ въ полной силѣ какъ свою непримиримую противоположность германскому, такъ и свое близкое родство, по духу, съ геніемъ славянскимъ. Въ настоящее время для насъ ясно лишь одно: германскій міръ и Россія, стоящая во главѣ славянства,—это, дѣйствительно, два существенно различные культурно-историческіе типа, ведущіе человечество къ разнымъ цѣлямъ и различными путями. „Цѣль Германіи—культура вещественная, требующая для своего успѣха милитаризма; цѣль Россіи—культура духа, основанная на принципѣ братскаго единенія людей и требующая для своего торжества христіанской любви“¹⁾.

Такимъ образомъ, въ настоящій моментъ не находятъ себѣ подтвержденія „пророчество“ Данилевскаго о необходимости—для нашего торжества—нашей рѣшительной борьбы со всей Европой. Данилевскій утверждаетъ, что Европа, уже прожившая цвѣтуцій періодъ своего культурнаго развитія и клонящаяся къ упадку, не допуститъ безъ отчаянной борьбы, чтобы Россія заняла подобающее ей мѣсто

¹⁾ В. Завитневичъ. „Русскіе славянофилы“. Кіевъ 1915 г., стр. 46.

главы новаго, славянскаго, культурно-историческаго типа. Прежде всего, разумѣется, вопросъ о томъ, что Европа изжила свои силы и культурно клонится къ упадку,—вопросъ спорный. Затѣмъ, очень сомнительно предположеніе, будто намъ предстоитъ торжество только послѣ побѣды надъ всей Европой. Подобное предположеніе могло бы имѣть смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы въ настоящее время Россія на знамени своемъ написала старую славянофильскую и въ то же время ультра-націоналистическую мечту о русскомъ народѣ, какъ исключительно мессіаническомъ, въ отличіе отъ прочихъ, какъ единственномъ въ мірѣ народѣ-богоносцѣ, носителѣ истинной культуры,—въ связи съ презрительными отзывами о „гниломъ Западѣ“. Ясно, что эта славянофильская формула въ настоящее время не можетъ быть принята во всей своей цѣлости даже самыми горячими русскими патриотами.

Для всѣхъ очевидно, что наша родина вступила въ эту ужасную борьбу не подъ однимъ лишь знаменемъ національности или вѣры: въ настоящій моментъ она руководится еще болѣе высокимъ нравственнымъ началомъ. „Задача, навязанная намъ исторіей,—говоритъ одинъ современный публицистъ,—чужда противоположности Востока и Запада: она въ одинаковой мѣрѣ возвышается надъ антагонизмомъ племеннымъ и вѣроисповѣднымъ. Это—задача по существу сверхнародная, универсальная,—задача всеобщаго политическаго возрожденія всѣхъ поработенныхъ національностей.. Въ этомъ совпадении національнаго интереса съ идеалами справедливаго, христіанскаго отношенія къ другимъ національностямъ заключается великое счастье Россіи. Ея важнѣйшая международная задача есть вмѣстѣ съ тѣмъ и возвышенная нравственная и религіозная задача, ибо это—задача христіанскаго разрѣшенія національнаго вопроса“¹⁾.

Наличность такого нравственно-высокаго мотива въ политической русской идеологіи, на самомъ дѣлѣ, фактъ первостепенной важности. Дѣйствительно, если бы мы, согласно пророчеству Данилевскаго, выступали сейчасъ лишь въ качествѣ непримиримыхъ противниковъ всей Европы, имѣя

¹⁾ Кн. Е. Трубецкой. Русск. Мысль 1914 г. Декабрь.

въ виду только благо славянскихъ народовъ, какъ отдѣльнаго „культурно-историческаго типа“, то международная политика Россіи не имѣла бы въ основѣ своей нравственно-христіанскаго начала. Къ тому же и практически эта политика была бы едва ли цѣлесообразна; какъ защитники только славянскихъ интересовъ, мы скорѣе могли бы возстановить противъ себя другіе народы и не достигли бы поставленныхъ себѣ цѣлей.

Теперь мы должны перейти къ самому важному пункту культурно-политической программы Данилевскаго: вопросу о Царьградѣ, или такъ называемой восточной проблемѣ. Но этотъ вопросъ подробнѣе разработанъ у другого замѣчательнаго теоретика славянофильства К. Леонтьева, къ которому мы теперь и обратимся.

Необходимо замѣтить, что К. Леонтьевъ, этотъ „геніальный поэтъ византизма и всеславянства“, какъ называютъ его въ нѣкоторыхъ соціально-консервативныхъ кругахъ ¹⁾, или „геніальный философъ реакціонной политики“, какъ величаютъ его въ современныхъ либеральныхъ кругахъ ²⁾, — былъ фанатичнымъ проповѣдникомъ своеобразной, оригинальной славянской культуры, самостоятельнаго славянскаго „бытія“. Его литературно-публицистическіе труды по восточному вопросу — книги пророческія, книги яркихъ предвѣстій и проницаній въ смыслъ великихъ событій, свидѣтелемъ которыхъ является наше время. Трудъ К. Леонтьева „Византизмъ и Славянство“ — это, какъ говоритъ одинъ современный публицистъ, — „ключъ ко всей русской исторіи, это раскрытіе всего смысла русской культуры, всего нашего назначенія, то вѣщее созданіе, которое принадлежитъ вѣкамъ и оцѣнивается исторіей“ ³⁾.

„У Россіи, — говоритъ К. Леонтьевъ, — особая политическая судьба. Интересы ея носятъ какой то нравственный характеръ поддержки слабѣйшаго, угнетеннаго. Она поставила себѣ правиломъ поддерживать и защищать права христіанъ. Интересы ея совпадаютъ съ желаніями слабѣйшихъ. Это историческій фатумъ“ ⁴⁾. Не оправдывается ли въ наши

¹⁾ „Нов. Время“ № 13163. „Царьградъ и всеславянство“.

²⁾ Бердяевъ. „Sub specie aeternitatis“.

³⁾ Нов. Время, № 13163.

⁴⁾ К. Леонтьевъ. „Востокъ, Россія и Славянство“, стр. 29.

дни это замѣчательное слово Леонтьева объ историческомъ назначеніи Россіи!

Мысль о всеславянствѣ—главная основная мысль всѣхъ политическихъ пророчествъ Леонтьева, но необходимо имѣть въ виду, что Леонтьевъ предуказываетъ особый, оригинальный характеръ всеславянскаго союза.

Главная политическая формула Леонтьева слѣдующая. „Для существованія славянъ необходима мощь Россіи. Для силы Россіи необходимъ византизмъ. Тотъ, кто потрясаетъ авторитетъ византизма, подкапывается подъ основы русскаго государства. Тотъ, кто воюетъ противъ византизма, воюетъ косвенно и противъ всего славянства,—ибо что такое племенное славянство безъ отвлеченнаго славизма?—Неорганическая масса, легко расторгаемая вдребезги, легко сливающаяся съ республиканской всеевропой! А славизмъ отвлеченный, такъ или иначе, но съ византизмомъ долженъ сопрягаться. Другого крѣпкаго дисциплинирующаго начала у славянъ разбросанныхъ мы не видимъ... оно единственный надежный памятникъ нашего не только русскаго, но и всеславянскаго охраненія“... „Византизмъ есть своего рода образованность или культура, имѣющая свои опредѣленные признаки, начала и историческія послѣдствія“¹⁾.

Вотъ объ этой то особой славянской культурѣ, которая бы могла спаять славянство, сдѣлать его самостоятельнымъ и независимымъ отъ Европы, какъ представительницы особой неславянской культуры, — говорить болѣе всего Леонтьевъ.

„Представляя себѣ мысленно византизмъ, мы видимъ предъ собою какъ бы строгій, ясный планъ обширнаго и помѣстительнаго зданія. Мы знаемъ, что византизмъ въ государствѣ значитъ самодержавіе. Въ религіи онъ значитъ христіанство съ опредѣленными чертами, отличающими его отъ западныхъ церквей, отъ ересей и расколовъ. Въ нравственномъ мірѣ мы знаемъ, что византійскій идеалъ не имѣетъ (преувеличеннаго понятія о личности человѣческой, что онъ отвергаетъ надежду на всеобщее благоденствіе народовъ, знаемъ разочарованіе византизма во всемъ земномъ“²⁾.

¹⁾ К. Леонтьевъ. „Вост., Россія и Слав.“, стр. 165.

²⁾ Тамъ же, стр. 113—114.

Представителемъ этой культуры въ настоящее время, по Леонтьеву, является Россія; это—не страна, не государство только, а цѣлый особый міръ¹⁾, имѣющій свой самобытный стиль, свою душу, великую судьбу и назначеніе. Историческое назначеніе Россіи опредѣляется отнюдь не племенными особенностями русскаго народа: ея задачи не только славянскія, т. е. племенные, но „культурно-обобщающія“. „Россія,—говоритъ Леонтьевъ,—не была и не будетъ чисто славянской державой. Чисто славянское содержаніе слишкомъ бѣдно для ея всемірнаго духа“²⁾. Она есть носительница великихъ и нравственно-высокихъ идей. Она мистична, и пути ея—это пути высшихъ идей и влеченій.

Россія, воспитанная въ духѣ византійскихъ началъ и, во влѣдствіе этого, являющаяся самодовлѣющей и великой культурной цѣнностью, не растворившейся въ потокѣ западно-европейскаго „эгалитарно-либеральнаго прогресса“,—должна поставить византизмъ краеугольнымъ камнемъ воспитанія и всего прочаго славянства. Только въ этомъ видитъ Леонтьевъ великую культурно-историческую миссію Россіи по отношенію къ славянству, а не въ племенномъ объединеніи славянъ, которое одно, само по себѣ, можетъ оказаться даже вреднымъ для Россіи, какъ государства³⁾. Въ политическомъ отношеніи для Россіи полезно даже быть въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ другихъ славянъ, при необходимости, однако, ихъ „тяготѣнія на почтительномъ разстояніи“⁴⁾ къ русскому колоссу, являющемуся опорой ихъ не только духовнаго, но и физическаго бытія. Но это тяготѣніе славянъ къ Россіи явится само собой. Главное—дать имъ почувствовать всю силу и великую значимость того культурно-историческаго начала (византизма), благодаря которому мы, русскіе, стали тѣмъ, чѣмъ являемся въ настоящее время, т. е. великой Россіей. Славяне должны почерпнуть въ этомъ началѣ неизсякаемый запасъ духовной силы для своего будущаго историческаго существованія,—найти въ немъ себѣ то же, что нашла Россія.

Для Россіи же византизмъ явился поистинѣ животворнымъ началомъ.

1) Тамъ же, стр. 19.

2) Тамъ же, стр. 19.

3) Тамъ же, стр. 18.

4) В. Леонтьевъ, Тамъ же, стр. 257.

Онъ явился творческой силой русской государственности, религіи, общественности и семейственности. „Византизмъ организовалъ насъ, система византійскихъ идей создала наше величіе, сопрягаясь съ нашими патріархальными простыми началами, съ нашимъ грубымъ славянскимъ матеріаломъ“¹⁾. Византизмъ—это наша нервная система, наша національная психологія²⁾. „Туть и смиреніе, и мистицизмъ, и духовный индивидуализмъ и охранительныя наклонности,—весь тотъ цементъ, который держитъ и гармонизируетъ зданіе русской государственности. Монархическое начало проникаетъ всю Русь насквозь, государственная идея преобладаетъ въ мельчайшихъ тканяхъ быта,—покорность, неподвижность, равнодушіе къ матеріальнымъ условіямъ и подъемъ духа въ минуты, когда угрожаетъ опасность царю и религіи, государственный инстинктъ народа, религіозный скрѣпъ многоплеменнаго и междоусобнаго русскаго славянства и объединеніе Руси на этомъ скрѣпѣ, автономная личность въ быту и вѣрноподданная въ государственномъ смыслѣ, наконецъ, главное, нашъ „талантъ повиновенія“ (опредѣленіе Карлейля), нашъ нравственный принципъ мірового бытія,—вотъ что созидаетъ и просвѣщаетъ необъятную Русь“³⁾.

Вотъ почему, по мнѣнію Леонтьева, „измѣняя даже въ тайныхъ помыслахъ нашихъ этому началу (византизму), мы погубимъ Россію, ибо тайные помыслы рано или поздно могутъ найти себѣ случай для практическаго выраженія“⁴⁾.

Только при условіи усвоенія и проведенія въ жизнь этого животворнаго начала всѣми славянскими народами можно надѣяться на свѣтлое будущее славянства; только тогда можно будетъ увидѣть „новое разнообразіе въ единствѣ, всеславянское цвѣтеніе съ Россіей во главѣ“⁵⁾. Это оригинальная форма союзнаго государственнаго быта, въ которой одинъ, несравненно большій, членъ будетъ органически преобладать надъ меньшими, чтобы вышло именно то приблизительное согласіе, котораго вовсе не доставило на Западѣ до сихъ поръ⁶⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 145.

²⁾ Тамъ же, стр. 139.

³⁾ Нов. Вр. № 13163.

⁴⁾ К. Леонтьевъ. Тамъ же, стр. 145.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 255.

⁶⁾ Тамъ же.

Леонтьевъ очень боится, чтобы будущій всеславянскій союзъ или федерація, въ необходимость образованія которой онъ вѣритъ,—не уклонились отъ своего историческаго призванія: быть стражемъ восточнаго православія; славянскій вопросъ для Леонтьева—это вопросъ судьбы православія. Онъ страстно желаетъ видѣть не только племенное славянское объединеніе, завладѣніе Царьградомъ, изгнаніе турокъ изъ Европы и пр., но и, главнымъ образомъ, духовное единство славянъ на почвѣ православія. „Панславизмъ—неизбѣжность, говоритъ Леонтьевъ.—но панславизмъ православный есть спасеніе, а панславизмъ либеральный есть гибель прежде всего для Россіи“¹⁾.

На развалинахъ Турціи Леонтьеву рисуется въ будущемъ всеславянское объединеніе, подъ религіозно-нравственной гегемоніей Россіи, на берегахъ Босфора—возрожденный Царьградъ, новый Римъ славянства, центръ византійско-славянской духовной культуры.

Интересны разсужденія Леонтьева о Царьградѣ. Царьградъ—это наша духовная отчизна, центръ нашего духовнаго и государственнаго притяженія. „Кромѣ насъ, никто не долженъ смѣть и думать о Босфорѣ“... „Намъ прежде всего нуженъ вселенскій престолъ на Босфорѣ для дальнѣйшаго церковнаго домостроительства“... Великій день „разсѣченія Гордіева узла на Босфорѣ“—это поднятіе Креста надъ Св. Софіей русской рукой²⁾. „При самомъ искреннемъ удаленіи русскаго правительства того или другого періода отъ мысли завладѣть Босфоромъ, судьба Россіи, ея роковой ростъ, которому нельзя положить предѣла до тѣхъ поръ, пока она не исполнитъ своего назначенія, ея религіозныя преданія, ея коммерческіе интересы, т. е. самыя идеальныя и самыя грубыя ея побужденія влекутъ ее къ неизбѣжному завладѣнію Босфоромъ. Здѣсь будетъ центръ „великаго восточно-православнаго союза“ съ Россіей во главѣ³⁾. Вотъ тотъ высокій религіозный идеалъ, ради котораго Леонтьевъ желаетъ славянскаго объединенія, но онъ рѣшительно отрицаетъ необходимость этого объединенія для какого либо неглубокаго, „неказистаго“, свренькаго идеала

¹⁾ Тамъ же, стр. 364.

²⁾ Тамъ же, стр. 310.

³⁾ Тамъ же, стр. 347, 454.

племенного объединенія и „либерально-эгалитарнаго прогресса“.

Что особенно важно замѣтить при сужденіи объ этихъ религіозно-политическихъ воззрѣніяхъ Леонтьева,—такъ это то обстоятельство, что они высказаны были въ самое несоотвѣтствующее для нихъ время, послѣ Берлинскаго конгресса, когда многіе русскіе люди принуждены были отказаться отъ мысли о благопріятномъ для Россіи рѣшеніи восточнаго вопроса. И тогда, конечно, никто не слушалъ эти „безумныя“ рѣчи Леонтьева; онѣ казались почти для всѣхъ нелѣпыми, совершенно несоотвѣтствующими историческому моменту. А между тѣмъ, въ наши дни эти рѣчи кажутся гениальными пророчествами; къ нимъ прислушиваться сейчасъ заставляетъ неумолимая логика историческихъ событій. Если отбросить нѣкоторыя крайнія мнѣнія нашего публициста, то окажется, что въ настоящее время, постепенно исполняется многое изъ того, что предвѣщалъ онъ: и все-славянская миссія Россіи, и распаденіе Турціи, и судьба Царьграда. Въ настоящій моментъ частью разыгрываются, частью подготавливаются такіа событія, которыя знаменуютъ для Россіи, дѣйствительно открытіе новой національно-культурной эпохи ея исторической жизни. Россія, воспитанница и наслѣдница Византии, воспріявшая элементы византийской культуры и обогатившая ими содержаніе своей собственной національной культуры,—сейчасъ чрезъ Царьградъ прорубаетъ себѣ новое окно въ Европу, имѣя въ виду выступить тамъ уже не какъ ученица Запада, а какъ представительница особаго культурнаго міра, съ своимъ собственнымъ лицомъ и новымъ словомъ. Вотъ почему въ настоящее время нельзя игнорировать литературно-публицистическіе труды Леонтьева: только теперь многія идеи его становятся ясными, всѣмъ доступными, злободневными и въ высокой степени серьезными.

Грозный и знаменательный историческій моментъ переживаемъ мы. Съ величайшимъ напряженіемъ борется Россія съ возставшими на нее со всѣхъ сторонъ врагами. Сейчасъ уже нѣтъ, разумѣется, того идейнаго раздѣленія среди русскихъ людей на два взаимноотрицающихъ лагеря (славянофилы и западники), которое имѣло мѣсто раньше: въ великой исторической драмѣ какъ бы перерабатываются

идейныя основы нашей жизни и на нихъ воздвигается новое зданіе единой, глубоко сознающей свое призваніе, свою мощь и историческія задачи, Россіи. И если бы кому-либо изъ группы тѣхъ людей, къ которымъ принадлежали и характеризуемые нами писатели, пришлось дожить до нашихъ дней, то этотъ человѣкъ, несомнѣнно, въ настоящій моментъ исполнился бы глубокаго душевнаго удовлетворенія и радости, въ сознаніи того, что Россія познала свое славянское призваніе и творить всеславянское дѣло, какъ великую міровую задачу. Несомнѣнно, что сейчасъ мечты многихъ русскихъ людей осуществляются. Наша родина переживаетъ напряженіе своихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ, и для насъ особенно важна эта, такъ сказать, духовная мобилизація Россіи.

Все лучшее, что скрывалось доселѣ въ душахъ множества русскихъ людей, является на свѣтъ Божій. Важно не то только, что Россія и съ ней почти всѣ славянскіе народы духовно объединились въ борьбѣ съ общимъ врагомъ. Наша родина идетъ сейчасъ на бранный пиръ, какъ защитница правды и свободы. Она идетъ туда, какъ провозвѣстница новой, славянской культуры, культуры сердца, христіанскаго смиренія и идеализма,—неизмѣримо превосходящей германскую, только умственную и матеріальную, культуру. Несомнѣнно, что основой такой культуры можетъ быть только христіанская религія, и если мы видимъ, что на почвѣ этой же религіи у нашихъ враговъ возросли сѣмена другой „сверхчеловѣческой“ культуры, ставящей грубую силу выше всякихъ Божескихъ и человѣческихъ законовъ,—то причину этого слѣдуетъ искать не въ христіанствѣ, самомъ по себѣ, а скорѣе въ томъ „внѣрелигіозномъ гуманизмѣ и изсушившемъ, обвѣднившемъ и обмірщившемъ христіанство протестантизмѣ“, который подмѣнилъ истинное христіанство и низвелъ его до степени практической міровой морали ¹⁾).

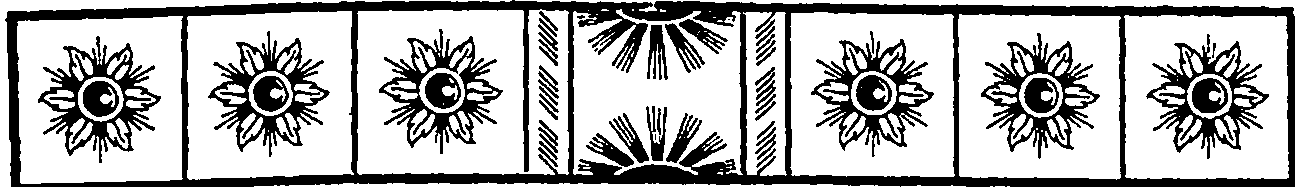
Несомнѣнно, что настоящій великій историческій моментъ является знаменательнымъ въ смыслѣ возрожденія духовныхъ силъ Россіи. Объ этомъ моментѣ страстно мечтали многіе изъ идейныхъ руководителей славянофиловъ.

1) С. Булгаковъ. Русск. Мысль 1914 г., Декабрь.

Если все великое въ исторіи творится вѣрою, то русскій народъ и его великая, доблестная армія, творящая сейчасъ на поляхъ битвъ многіе ратные подвиги, совершаютъ вмѣстѣ еще и другой, не менѣе великій подвигъ, подвигъ вѣры, смиренія, страданія. Будемъ же достойны этого подвига. „Явимъ себя достойными ниспосланнаго намъ жребія и, вѣрные въ надеждѣ, твердые въ упованіи, будемъ лелѣять и возвращать въ сердцахъ нашихъ грядущую, чаемую Россію, и не только Россію, но то, что выше и дороже Россіи, душу ея, святую Русь“.

Е. П. Бьлоусовъ.

Завѣты Ф. М. Достоевскаго русскому обществу.

Ф. М. Достоевскій является горячимъ защитникомъ національныхъ началъ народной жизни. Его настроеніе выразилъ Н. А. Некрасовъ въ поэмѣ „Несчастные“, гдѣ говорить о Кротѣ, подѣ образомъ котораго онъ выставилъ Достоевскаго:

„Онъ не жалѣлъ, что мы не нѣмцы,
Онъ говорилъ: во многомъ насъ
Опередили иноземцы;
Но мы догонимъ въ добрый часъ!
Лишь Богъ помогъ бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольнѣй,—
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знаетъ середины—
Черна— куда ни погляди!
Но не проѣлъ до сердцевины
Ее порокъ. Въ ея груди
Бѣжитъ потокъ живой и чистый
Лице нѣмыхъ народныхъ силъ:
Такъ подѣ корой Сибири льдистой
Золотоносныхъ много жилъ“.

Углубившись въ самое сердце, народныхъ стремленій, проникнувъ, благодаря особой чуткости, къ душевнымъ явленіямъ, въ самую глубину, народныхъ тайниковъ, Ф. М. Достоевскій выступаетъ на защиту народныхъ началъ жизни съ такой глубиной психологическихъ обоснованій сво-

ихъ положеній, съ такимъ тонкимъ анализомъ народнаго самосознанія, которые заставляють смотрѣть на него не только какъ на бытописателя народныхъ настроеній, но и какъ на прозорливца судебъ русскаго народа. Вотъ почему въ настоящее время, когда въ Россіи наблюдается благородный подъемъ народнаго духа, завѣты его заслуживаютъ особеннаго вниманія,—тѣмъ болѣе, что онъ былъ не только писатель художникъ, но и глубокій мыслитель, взгляды котораго—плодъ долготлѣтнихъ наблюденій надъ жизнью народа, плодъ всей его многотрудной жизни, купленный цѣною великихъ страданій, душевныхъ волненій, сердечныхъ мукъ.

Принимая фактъ приобщенія Петромъ Великимъ Россіи къ Западу, какъ фактъ исторически вѣрный, подсказанный Преобразователю ходомъ исторической жизни, Достоевскій сознаетъ, что формы, въ какихъ вылился этотъ фактъ, были не русскія, не національныя (Полн. собр. соч. Ѳ. М. Достоевскаго. Изд. 1895 г. СПБ. т. IX, 104, 91 и др.) Современники Петра и ближайшія къ его времени поколѣнія торопливо бросились захватывать пріятные плоды западной цивилизаціи, причемъ преимущественное вниманіе обратили на внѣшній блескъ новинки и въ догонѣ за чужимъ забыли родное, оторвались отъ родной почвы, заболѣли „чужебѣсіемъ“ и вмѣстѣ съ русскою бородою и русскимъ кафтаномъ оставили и тѣ народныя начала жизни, безъ которыхъ немислима русская жизнь. На все русское, хотя бы было оно и хорошее, стали смотрѣть пренебрежительно. „Мы боялись, говорить Достоевскій, сознаться въ нашихъ оригинальностяхъ, прятали ихъ не только предъ иностранцами, но даже предъ собою; стыдились, что мы еще носимъ на себѣ какой нибудь свой отпечатокъ и никакъ не можемъ стать европейцами“ (IX, 12). Русскій „хотѣлъ казаться поскорѣй французомъ или англичаниномъ, именно затѣмъ, чтобы и его поскорѣй приняли за такого же, который нигдѣ и никогда не стыдится своего лица“ (IX, 324). Европа, послѣ реформы Петра, стала для русскихъ второй матерью (XI, 543), къ которой такъ сильно привязался русскій человѣкъ, что сталъ забывать мать родившую—Россію.

Вотъ эту то ошибку прежнихъ поколѣній и нужно исправить, чтобы снова стать настоящими русскими, а не быть „переводомъ съ иностраннаго“, какъ отзывается о героѣ романа „Преступленіе и Наказаніе“ Раскольниковѣ его товарищъ Разумихинѣ. Достоевскій видѣлъ, что „новая Русь уже помаленьку ощупывается, уже помаленьку сознаетъ себя“ (IX, 17). И съ вѣрой въ эту новую Русь онъ призываетъ русское общество къ сохраненію особенностей народнаго духа, проповѣдуя возрожденіе Россіи на національныхъ началахъ, съ принятіемъ отъ Запада только того, что не противно народному духу и не умаляетъ особенностей нашего народа.

Достоевскій предупреждаетъ читателя: „я неисправимый идеалистъ; я ищу святынь, я люблю ихъ, мое сердце ихъ жаждетъ, потому что я такъ созданъ, что не могу жить безъ святынь“ (X, 89). Эти святыни, вдохновляющія его на подвигъ, украшающія его жизнь и творчество—святыни народныя, святыни русскія: русская вѣра, русское православіе, что самъ народъ русскій считаетъ за свою святыню, въ чемъ его идеалы, въ чемъ его правда и истина жизни (X, 312.—313).

Въ національныхъ особенностяхъ русскаго народа Достоевскій видитъ воплощеніе Христовой истины, ясно выраженной въ Православіи. Изъ воздѣйствія ея на складъ русской національности онъ выводитъ все идеальное, чистое, прочное, сильное въ русскомъ народѣ. Вліяніемъ Православія онъ объясняетъ тотъ фактъ, что въ русскомъ человѣкѣ и русскомъ обществѣ всегда было непрекращающееся стремленіе къ исканію правды Божіей, нравственныхъ принциповъ и къ проведенію ихъ въ жизни. Сила русскаго народа и состоитъ въ томъ, что онъ, поставляя вездѣ и всегда цѣлью своей жизни проявленіе Божіей правды, тѣмъ самымъ неослабно поддерживаетъ духъ жизни и неустанно подтверждаетъ свое бытіе, какъ устойчивой націи съ опредѣленнымъ характеромъ. Думы о праведной землѣ и праведномъ человѣкѣ издавна тревожатъ русскаго человѣка и даютъ смыслъ его жизни. „Съ самаго начала народа русскаго и его государства, съ самаго крещенія земли русской, начали устремляться изъ нее паломники во святыя земли, ко Гробу Господню, на Афонъ и проч... Такова уже русская

народная черта историческая, что покаянные подвиги хожденія ко святымъ мѣстамъ онъ издревле еще высоко цѣнилъ. Сердцемъ его всегда влекло туда—черта историческая. Люди безъ гроша, старики, отставные солдаты, старыя бабы, совершенно не зная географіи, уходили изъ селеній своихъ съ нищенскими котомками своими за плечами, и дѣйствительно, иногда послѣ безчисленныхъ бѣдствій, достигали святыхъ земель... Некрасовъ, создавая своего великаго „Власа“, какъ великій художникъ, не могъ и вообразить его себѣ иначе, какъ въ веригахъ въ покаянномъ скитальчествѣ. Черта эта въ жизни нашего народа—историческая, на которую невозможно не обратить вниманія, даже и потому, только, что ея нѣтъ болѣе ни въ одномъ европейскомъ народѣ“ (XI, 265). Вотъ почему Достоевскій, вѣря, что „будетъ правда на землѣ, что наступитъ царство Христово“, предугадываетъ, что выявленію этой правды въ условіяхъ личной и общественной жизни, государственной и политической призвана служить Россія, какъ народность, свойства которой близко подходят къ идеямъ Христа.

И это—не холодная теорія мечтателя; это—глубокое убѣжденіе мыслителя, дошедшаго до своего „вѣрую“ чрезъ горнило сомнѣній, чрезъ пріобщеніе къ народу, чрезъ непосредственное общеніе съ народной жизнью. Въ началѣ своей дѣятельности Достоевскій стоялъ на сторонѣ Запада, сдѣлался горячимъ защитникомъ тѣхъ передовыхъ идей, которыя потрясали основы общественной и государственной жизни Запада и постепенно загрязняли русскую душу. Увлеченіе западными идеями довело его до эшафота, который по царскому приказу замѣненъ четырьмя годами каторги. Здѣсь, на каторгѣ, среди отверженныхъ, Достоевскій и позналъ по настоящему русскаго человѣка. Здѣсь онъ увидѣлъ народъ, „узналъ его, жилъ съ нимъ довольно, ѣлъ съ нимъ, спалъ съ нимъ и самъ „къ злодѣямъ причтенъ былъ“, работалъ съ нимъ настоящей мозольной работой“ (XI, 475). Подъ вліяніемъ близкаго знакомства съ народомъ Достоевскій возрождается къ новой жизни, къ новымъ трудамъ, къ елуженію идеѣ вѣчной правды. „Отъ народа, признается онъ, я принялъ вновь въ свою душу Христа, Котораго узналъ въ родительскомъ домѣ еще ребенкомъ и котораго утратилъ было, когда преобразился въ свою очередь въ „европейскаго либерала“ (ibid).

Узнавъ русскую душу, приобщившись къ обществу русскихъ людей, Достоевскій сталъ строже относиться къ Западу. Не отрицая западной цивилизаци, онъ сторонился односторонности ея и искренно сожалѣлъ тѣхъ русскихъ, которые, не усвоивъ народнаго, искали западнаго. Наблюдая за теченіемъ жизни въ разнообразіи ея проявленій, Достоевскій видѣлъ, что весь строй западной жизни—частной и общественной, строй западной мысли принялъ одностороннее направленіе съ исключительнымъ стремленіемъ къ куску хлѣба, къ комфорту жизни, къ мишурности и внѣшнему блеску,—съ забвеніемъ запросовъ челоѳческаго духа, —съ устройствомъ жизни на принужденіи и господствѣ однихъ надъ другими. Забытъ здѣсь Христось, искажены Его идеалы. И Европа оказалась безпомощною въ благоустройствѣ своей жизни, хотя въ ея распоряженіи было такое сильное орудіе, какъ наука. Ей ли поэтому благоустроить жизнь русскаго народа, который и по складу мышленія и по условіямъ историческаго развитія не похожъ на нее и имѣетъ свою индивидуальность, свою личность! Европа отвергла то, чѣмъ собственно и живъ русскій челоѳкъ—„высшую половину челоѳческаго существа“. На мѣсто социально-политическихъ идей запада нужно поставить христіанское просвѣщеніе и идеалы церковныя; вѣрѣ въ Европу нужно противопоставить вѣру Христову.

Такъ какъ вѣра Христова непоколебимо хранится въ Россіи, въ русскомъ православіи, то Россіи и нужно теперь оцѣнить хранимую ею драгоцѣнность—и въ томъ залогъ развитія Россіи, въ томъ ея исключительное положеніе среди другихъ народовъ. Въ то время, какъ Европа идетъ къ паденію—Россія направляется къ могуществу и славѣ. Теперь „Россія еще молода и только собирается жить“ (IX, 103); но въ будущемъ возможно, что „останется только одинъ колоссъ на континентѣ Европы—Россія“. Но не результатомъ политики или военныхъ побѣдъ будетъ такое положеніе ея, а слѣдствіемъ выявленія правды русской. Искаженное христіанство Запада въ формѣ переходящаго въ идолопоклонство католицизма и „исполинскими шагами переходящаго въ атеизмъ“ протестантства, уже далеко отъ правды Божіей. Ликъ Христовъ затемненъ на Западѣ. Но онъ ясно видѣнъ на Востокѣ (X, 224, 441). Потому „будущ-

ность Европы принадлежить Россіи“ (X, 153). Вѣра въ русскую правду (X, 216 и др.), въ русское чутье, живучесть русскаго духа (X, 219), Достоевскій признаеть, что „въ судьбахъ настоящихъ и въ судьбахъ будущихъ православнаго христіанства—въ томъ заключена вся идея народа русскаго, въ томъ его служеніе Христу и жажда подвига за Христа“ (X, 440). Уже „до-петровская Россія была дѣятельна и крѣпка, хотя и медленно слагалась политически; она выработала себѣ единство и готовилась закрѣпить свои окраины; про себя же понимала, что несетъ внутри себя драгоцѣнность, которой нѣтъ нигдѣ больше—Православіе, что она—хранительница Христовой истины, настоящаго Христова образа“ (X, 224). Вотъ почему Достоевскому было скучно, тяжело и обидно смотрѣть на русское общество, которое не знаетъ себѣ надлежащей цѣны, какъ непріятно ему было смотрѣть на скучныхъ участниковъ бала. „Всѣ въ новыхъ костюмахъ и никто не умѣеть носить костюмъ; всѣ самолюбивы и никто не умѣеть себя показать; всѣ завистливы и всѣ молчатъ и сторонятся... И пришла мнѣ въ голову одна фантастическая и до нельзя дикая мысль: „ну что, подумалъ я, если бы всѣ эти милые и почтенные гости захотѣли, хоть на мигъ одинъ, стать искренними и простодушными,—во что обратилась бы тогда эта душная зала? Что, если-бъ каждый изъ нихъ вдругъ узналъ, сколько заключено въ немъ прямотушия, честности, самой искренней сердечной веселости, чистоты, великодушныхъ чувствъ, добрыхъ желаній, ума,—куда ума!—остроумія самаго тонкаго, самаго сообщительнаго, и это въ каждомъ, рѣшительно въ каждомъ изъ нихъ!“ Да, господа, въ каждомъ изъ васъ все это есть и заключено, и никто-то, никто-то изъ васъ про это ничего не знаетъ“ (X, 12). И это не призывъ къ гордости, а призывъ къ самопознанію и къ возвышенію своей личности, призывъ стать тѣмъ, чѣмъ должно быть...

Націонализмъ Достоевскаго—не самонадѣянность, не любованье своей красотой, а вѣра въ силы народныя, вѣра въ дѣло русское. Принимая во вниманіе особенности русской національности, Достоевскій, какъ проповѣдникъ дѣятельной любви, признаеть за Россіей значеніе великаго мисіонера среди другихъ народовъ. Россія предназначена стать орудіемъ осуществленія Царства Божія на землѣ, устроенія

„всенародной и вселенской церкви“. „Надо, чтобы и въ политическихъ организамахъ была признаваема та же правда, та самая Христова правда, какъ и для каждаго вѣрующаго“ (XI, 56). „Древняя Россія въ замкнутости своей *готовилась быть не права*,—не права предъ челоѳчествомъ, рѣшивъ бездѣтельно оставить драгоцѣнность свою, свое православіе при себѣ, и замкнуться отъ Европы, т. е. отъ челоѳчества, въ родѣ иныхъ раскольниковъ, которые не станутъ ѳсть изъ одной съ вами посуды и считаютъ за святость каждый завести свою чашку и ложку... Съ Петровской реформой явилось расширение взгляда непримѣрное“ (X, 224). „Реформа внесла къ намъ великій элементъ общечелоѳчности, заставила насъ осмыслить его и поставила его въ нашемъ будущемъ какъ главное назначеніе наше, какъ законъ природы нашей, какъ главнѣйшую цѣль всѣхъ стремленій русской силы и русскаго духа“ (IX, 157).

Вотъ что говоритъ Достоевскій о значеніи реформы Петра Великаго, которая, приблизивъ Западъ къ Россіи, точнѣе отмѣтила назначеніе Россіи. „Петръ почувствовалъ въ себѣ какимъ то инстинктомъ новую силу и угадалъ потребность расширения взгляда и поля дѣйствія для всѣхъ Русскихъ—потребность, скрытую въ нихъ бессознательно и вырывавшуюся наружу и которая была въ ихъ крови еще съ славянскихъ временъ“ (IX, 24). „Это потребность наша всеслуженія челоѳчеству, даже въ ущербъ иногда собственнымъ и крупнымъ ближайшимъ интересамъ, это примиреніе наше съ цивилизаціями западныхъ народовъ, познаніе и *извиненіе* ихъ идеаловъ, хотя бы они и не ладили съ нашими, это нажитая нами способность, въ каждой изъ европейскихъ цивилизацій, или вѣрнѣе—въ каждой изъ европейскихъ личностей, открывать и находить заключающуюся въ ней истину, не смотря даже на многое, съ чѣмъ нельзя согласиться. Это, наконецъ, потребность быть прежде всего справедливыми и искать лишь истины. Однимъ словомъ, это, можетъ быть, и есть начало, первый шагъ того дѣятельнаго приложенія нашей драгоцѣнности, нашего Православія, къ всеслуженію челоѳчеству,—къ чему оно и предназначено и что собственно и составляетъ настоящую сущность его. Такимъ образомъ, чрезъ реформу Петра произошло расширение прежней же нашей идеи, русской мо-

сковской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание ея: мы сознали тѣмъ самымъ всемірное назначеніе наше, личность и роль нашу въ человѣчествѣ, и не могли не сознать, что назначеніе и роль эта не похожи на таковыя же у другихъ народовъ, ибо тамъ каждая народная личность живетъ единственно для себя и въ себя, а мы начнемъ теперь, когда пришло время, именно съ того, что станемъ всѣмъ слугами, для всеобщаго примиренія. И это вовсе не позорно, напротивъ, въ этомъ величіе наше, потому что все это ведетъ къ окончательному единенію человечества" (X, 225). И это не измѣна народнымъ началамъ; это—приложеніе народныхъ началъ къ дѣлу. Уже „въ лицѣ Петра мы видимъ примѣръ того, на что можетъ рѣшиться русскій человѣкъ, когда онъ выживетъ себѣ полное убѣжденіе и почувствуетъ, что пора пришла, а въ немъ уже созрѣли и сказались новыя силы... И кто знаетъ, господа иноземцы, можетъ быть, Россіи именно предназначено ждать, пока вы кончите; тѣмъ временемъ проникнуться вашей идеей, понять ваши идеалы, возвысить ихъ до общечеловѣческаго значенія, и, наконецъ, свободной отъ всякихъ постороннихъ, сословныхъ и почвенныхъ интересовъ, двинуться въ новую, широкую, еще невѣдомую въ исторіи дѣятельность, начавъ съ того, чѣмъ вы кончите, и увлечь васъ всѣхъ за собою" (IX, 24). Достоевскій вѣритъ, что въ планахъ божественныхъ Россіи предназначено „изречь окончательное слово великой общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону" (XI, 470). Вотъ почему и герои Достоевскаго, на сторонѣ которыхъ самъ авторъ, выступаютъ предъ читателемъ, какъ люди горячаго сердца, открытаго для всѣхъ и каждаго, какъ общіе доброжелатели, какъ сторонники всеобщаго примиренія, какъ проповѣдники людскаго единенія. Вотъ „ранній человѣколюбецъ" Алеша Карамазовъ съ его заботой о всѣхъ и каждомъ; вотъ старецъ Зосима всѣхъ умиротворяющій; вотъ „идіотъ" князь Мышкинъ, заключающій въ свое сердце друзей и враговъ и жертвующій всѣмъ для себя дорогимъ для общаго мира; вотъ даже дѣти, дающіе на могилѣ Илюши другъ другу руки въ знакъ единенія и дружной работы. Вотъ и некрасовскій „Власъ", собирающій крупицы добра по всѣмъ людямъ; вотъ и Алеко Пушкина—русскій скиталецъ, ищущій всеобщаго счастья.

Мы видимъ, что Достоевскій націоналистъ. Но национализмъ его не самозамкнутый. Петръ Великій, расширивъ кругозоръ русскій, привелъ насъ къ убѣжденію, что европейцевъ бояться не нужно, какъ боялись раньше, что истинная цивилизація только привноситъ новый элементъ въ нашу народную жизнь, даетъ намъ новое оружіе для будущихъ подвиговъ (IX, 16). Если же приходится иногда осторожно относиться къ западной наукѣ, то потому, что „прививка науки, плоды ея зависятъ отъ національныхъ особенностей, т. е. отъ почвы и народнаго характера“ (IX, 17). А „русская нація—необычайное явленіе въ исторіи всего человѣчества“ (IX, 21). „Съ нами согласятся, заявляетъ Достоевскій, что въ русскомъ характерѣ замѣчается рѣзкое отличіе отъ европейскаго, рѣзкая особенность, что въ немъ попреимуществу выступаетъ способность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловѣчности“. (IX, 23). Потому то и „назначеніе русскаго человѣка есть безпорно всеевропейское и всемірное. Стать настоящимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ, можетъ быть, и значить только стать братомъ всѣхъ людей, всечеловѣкомъ, если хотите... И вполслѣдствіи,—я вѣрю въ это,—мы, т. е., конечно, не мы, а будущіе грядущіе русскіе люди поймутъ уже всѣ до одинаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской душѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всеобъединяющей, вмѣстить въ нее съ братскою любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ, можетъ быть, и изречь окончательное слово великой общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону. Знаю, слишкомъ знаю, что слова мои могутъ показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что ихъ высказалъ. Да и высказывалась эта мысль уже не разъ; я ничуть не новое говорю. Главное, все это покажется самонадѣяннымъ: „это намъ то, дескать, нашей то нищей, нашей то грубой землѣ такой удѣлъ? Это намъ то предназначено высказать новое слово“? Что же, развѣ я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я лишь говорю братствѣ людей и о томъ, что ко всемірному, ко всечело-

вѣчески-братскому единенію сердце русское, можетъ быть, изъ всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено; вижу слѣды сего въ нашей исторіи, въ нашихъ даровитыхъ людяхъ, въ художественномъ гениі Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю въ рабскомъ видѣ исходилъ, благословляя, Христосъ. Почему же не вмѣстить намъ послѣдняго слова Его“ (XI, 469—470)?...

Если же русскій народъ, „инстинктомъ угадываетъ общечеловѣческую черту въ самыхъ рѣзкихъ исключительностяхъ другихъ народовъ“ (IX, 23), тѣмъ болѣе близокъ онъ къ народамъ, имѣющимъ съ нимъ природное родство, каковыми являются всѣ славяне. Вотъ почему Достоевскій, проповѣдникъ общечеловѣчности русскаго народа, въ то же время убѣжденный панславянистъ. Могущественная и независимая Россія, хранительница Православія, приняла въ свое время знамя Востока—двуглаваго орла и тѣмъ уже самымъ сказала міру, что она беретъ на себя обязательство покровительствовать тѣмъ, которые жили подъ двуглавымъ орломъ. Россія во главѣ всего православнаго міра и должна объединить подъ своимъ главенствомъ всѣ славянскія народности; она должна стать центромъ (XI, 40), спайкой тѣхъ народовъ, которые, какъ подмѣтилъ Достоевскій, несмотря на общность интересовъ и даже единства крови славянской, несмотря на общее несчастье—гоненіе отъ турокъ, все еще дѣлятся между собою, не довѣряютъ одинъ другому, не оказываютъ должной поддержки одинъ другому. И уже давно Россія, какъ магнитъ, притягиваетъ къ себѣ вниманіе славянскихъ народовъ (XI, 377). Равно сами славяне смотрятъ на Россію; давно и Россія наблюдаетъ за славянами. Еще въ Московскомъ царствѣ была славянская идея, касающаяся восточнаго вопроса. Петръ Великій эту идею перенесъ и въ Петербургъ (XI, 312). Россія должна явить себя покровительницей и даже предводительницей славянъ. Не владычица и не госпожа славянъ. Она, а мать (X, 228), въ которой ихъ опора и защита. И въ славянскихъ земляхъ вѣрятъ въ Россію, видятъ въ ней спасительницу отъ турокъ. Надежда на Россію поддерживаетъ ихъ въ тяжелые дни испытаній. Когда Сербія въ 1876 году выступила на защиту своихъ пограничныхъ турками правъ, то она, разумѣется, знала, что „окончательная судьба ее за-

висить отъ Россіи“ (X, 222—223). „Народъ нашъ любитъ разсказывать всеславное и великое житіе своего великаго, цѣломудреннаго и смиреннаго христіанскаго богатыря Ильи-Муромца, подвижника за правду, освободителя бѣдныхъ и слабыхъ, смиреннаго и непревозносящагося, вѣрнаго и сердцемъ чистаго. И имѣя, чтя и любя такого богатыря,—народу ли нашему не вѣровать и въ торжество приниженныхъ теперь народовъ и братьевъ нашихъ на Востокѣ“ (XI, 78—79). Достоевскій предвидѣлъ, что когда Россія поддержитъ младшихъ братьевъ, то невзгоды ихъ кончатся. Онъ вѣрилъ, что Россія должна дойти до Золотого Рога, древнюю святыню славянства—Константинополь взять себѣ (X, 226) и устроить здѣсь центръ славянства. Онъ вѣрилъ, что „будетъ настоящее воздвиженіе Христовой истины, сохраняющейся на Востокѣ, настоящее новое воздвиженіе креста Христова и окончательное слово Православія“ (X, 229). Начало тому положено въ выступленіи Россіи на защиту славянскаго дѣла. Конечно, для этого и отъ Россіи потребуются великія жертвы. Но Россія искупительныхъ жертвъ не боится. Россія считаетъ за выгоду защищать справедливость, если-бы даже для этого потребовалось идти на явную жертву (X, 223). Чужимъ интересамъ Россія служила всегда, служила безкорыстно. Это ее личность; въ томъ ужъ ее назначеніе (*ibid*). „Жить высшею жизнью, великою жизнью, свѣтить міру безкорыстной и чистой идеей, воплотить и создать въ концѣ концовъ великій и мощный организмъ братскаго союза племенъ, создать этотъ организмъ не политическимъ насиліемъ, не мечемъ, а убѣжденіемъ, примѣромъ, любовью, безкорыстіемъ, свѣтомъ; вознести наконецъ малыхъ сихъ (славянскіе народы) до себя и до понятія ими материнства ея призванія—вотъ цѣль Россіи, вотъ ея выгоды, если хотите“ (XI, 379). „А Россію спасетъ Господь, какъ спасалъ уже много разъ“ (II, 375), говоритъ Достоевскій устами любимаго своего героя старца Зосимы. И „кто вѣритъ въ Русь, тотъ знаетъ, что вынесетъ она все рѣшительно“ (XI, 213).

Достоевскій предвидѣлъ, что Россію ждетъ новое испытаніе, которое идетъ вслѣдъ за балканскими событіями. За восточнымъ вопросомъ встаетъ вопросъ европейскій. Народы запада, привыкшіе смотрѣть на Россію, какъ на страну

варварскую, замѣчаютъ, что она, пробужденная Петромъ, поднимается во весь свой исполинскій ростъ. Вопросъ восточный—понять былъ русскимъ народомъ, какъ вопросъ самаго Православія. „Но если народъ понимаетъ славянскій и вообще Восточный вопросъ лишь въ значеніи судьбы Православія, то отсюда ясно, что дѣло это уже не случайное, не временное, и не внѣшнее лишь политическое, а касается самой сущности русскаго народа, стало быть, вѣчное и всегдашнее до самаго конечнаго своего разрѣшенія. Россія уже не можетъ отказаться отъ движенія своего на Востокъ въ этомъ смыслѣ и не можетъ измѣнить его цѣли, ибо она отказалась бы тогда отъ самой себя. И если временно, параллельно съ обстоятельствами, вопросъ этотъ и могъ, и несомнѣнно долженъ былъ принимать иногда направленіе иное, если даже и хотѣли и должны были мы уступать иногда обстоятельствамъ, сдерживать наши стремленія, то все же, въ цѣломъ, вопросъ этотъ, какъ сущность самой жизни народа Русскаго долженъ достигнуть когда нибудь необходимо главной цѣли своей, т. е. соединенія всѣхъ православныхъ племенъ во Христѣ и братствѣ... Въ этомъ отношеніи Европа, не совсѣмъ понимая наши національные идеалы, т. е. мѣряя ихъ на свой аршинъ и приписывая намъ лишь жажду захвата, насилія, покоренія земель,—въ то же время очень хорошо понимаетъ насущный смыслъ дѣла. Не въ томъ для нея вовсе дѣло, что мы теперь не захватимъ земель и обѣщаемся ничего не захватывать: для нее гораздо важнѣе то, что мы, все еще по прежнему и повсегдашнему, неуклонны въ своемъ намѣреніи помогать славянамъ и никогда отъ этой помощи не намѣрены отказаться. Если же и теперь это совершится и мы славянамъ поможемъ, то мы, въ глазахъ Европы, приложимъ—де новый камень къ той крѣпости, которую постепенно воздвигаемъ на Востокъ, какъ убѣждена вся Европа,—противъ нея. Ибо, помогая славянамъ, мы тѣмъ самымъ продолжаемъ укоренять и укрѣплять вѣру въ славянахъ въ Россію и въ ея могущество, и все болѣе и болѣе приучаемъ ихъ смотрѣть на Россію какъ на ихъ солнце, какъ на центръ всего славянства и даже всего Востока. А это укрѣпленіе идеи стоитъ въ глазахъ Европы завоеваній, несмотря даже на всѣ уступки, которыя готова сдѣлать Россія, честно и вѣрно, для успокоенія

Европы. Европа слишкомъ хорошо понимаетъ, что въ этомъ насажденіи идеи и заключается пока вся главная сущность дѣла, а не въ однихъ только вещественныхъ приобрѣтеніяхъ на Балканскомъ полуостровѣ. Понимаетъ тоже Европа, что и русская политика великолѣпно сознаетъ про всю эту сущность своей задачи“ (X, 441—442).

Тревога изъ за восточнаго вопроса особенно замѣтна среди тѣхъ народовъ, которые больше заинтересованы въ судьбахъ славянства, которые ближе другихъ соприкасаются съ Балканами. Таковыми являются Германія и Австрія. Съ разгромомъ непобѣдимой дотолѣ Франціи, владычицы міра, германецъ увѣренъ, что онъ—глава міра и возрожденія (XI, 6). Но владычество его оспаривается теперь Россіей, и потому онъ не можетъ не презирать славянскую идею (XI, 7) и защитниковъ ея. Нѣмцы давно знакомы съ Россіей; но до послѣдняго времени Россія была для нихъ сырымъ матеріаломъ, который можно использовать съ большою для себя выгодой. Уже давно „пріѣзжаютъ къ намъ нѣмцы всякіе: и безъ царя въ головѣ, и такіе, у которыхъ есть свой король въ Швабіи, и ученые, съ серьезною цѣлью узнать, описать и такимъ образомъ быть полезными наукѣ Россіи, и неученые простолюдины съ болѣе скромною, но добросовѣстною цѣлью печь булки и коптить колбасы—разные Веберы и Людекенсы. Иные даже принимаютъ себѣ „разъ на всегда за правило и даже за священную обязанность“ знакомить русскую публику съ разными европейскими рѣдкостями и потому являются съ разными великанами и великаншами, съ ученымъ суркомъ или обезьяною, нарочно выдуманною нѣмцами для русскаго удовольствія“ (IX, 7). Россія же, постепенно освобождаясь отъ чужеземной опеки, сама покровительствуетъ другимъ и даже сама Германія нуждается въ союзѣ Россіи, каковой союзъ, однако, невозможенъ въ виду различія настроеній двухъ народовъ и ихъ политическихъ задачъ. Германія, во все продолженіе своей исторіи только протестовавшая, не можетъ не протестовать и теперь, когда на Востокѣ поднялся русскій колоссъ съ своей богатырской силой и выссокой идеей, когда русскіе снимаютъ съ себя „тину вѣковъ“ и замышляютъ дѣло безъ согласія нѣмцевъ. И нѣмцы не простятъ Россіи ея самонадѣянности. О томъ хорошо знаютъ и въ Австріи, интересы которой столкнутъ

лись съ интересами Россіи на тѣхъ же Балканахъ. „Берлинъ никогда не отдастъ насъ Россіи“, заявляютъ австрійцы. „О, Берлинъ допустить, можетъ быть, чтобы мы подрались съ Россіей, но единственно для своего удовольствія и чтобы получше высмотрѣть: кто кого и какія у каждаго изъ насъ средства? Но если Россія насъ побѣдитъ и сильно припретъ насъ къ стѣнѣ, то Берлинъ скажетъ ей: „стой, Россія!“—и въ большую, т. е. въ очень большую обиду, насъ ни за что не дастъ, а такъ развѣ въ маленькую“ (X, 150). Австрійцы понимаютъ планъ нѣмцевъ: послѣднимъ хочется взять у Австріи нѣмецкія земли, вознаградивъ Австрію на счетъ турецкихъ славянъ, а Россію тѣмъ ослабить. Для Германіи боязнь Россіи стала болячкой (XI, 200). Послѣ франко-прусской войны нѣмцы не стѣснялись оскорблять русскихъ, и въ Дрезденѣ открыто говорили: „вотъ мы кончили съ французами, а теперь примемся за васъ“. Если „характернѣйшая; существеннѣйшая черта этого великаго, гордаго и особаго народа, съ самой первой минуты его появленія въ историческомъ мірѣ, состояла въ томъ, что онъ никогда не хотѣлъ соединиться, въ призваніи своемъ и въ началахъ своихъ, съ крайне западнымъ европейскимъ міромъ, т. е. со всѣми преемниками древнеримскаго призванія“ (XI, 185), то тѣмъ болѣе не войдетъ онъ въ общеніе со славянскимъ міромъ,—особенно теперь, послѣ побѣды надъ французами; когда „самоупоеніе, гордость и совершенная вѣра въ свое необъятное могущество чуть не опьянили всѣхъ нѣмцевъ поголовно“ (XI, 187).

„Да, предрекаютъ Достоевскій, въ Европѣ собирается нѣчто какъ бы уже неминуемое. Вопросъ о Востокѣ растетъ, подымается, какъ волны прилива, и дѣйствительно, можетъ быть, кончится тѣмъ, что захватитъ все, такъ что ужъ никакое миролюбіе, никакое благоразуміе, никакое твердое рѣшеніе не зажигать войны не устоитъ противъ напора обстоятельствъ“ (X, 224). Въ Германіи говорятъ о занятіи нами Константинополя, какъ о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ (X, 392). Австрія боится потерять свое вліяніе на славянъ. Турція страшится потерять свои владѣнія. Съ другой стороны, и Востокъ, во главѣ съ Россіей, не оставитъ незаконченнымъ начатаго дѣла. Надо ожидать, что бой по восточному вопросу обратится въ всеевропейскій. „Надо

быть на все готовымъ, и что же: если предположить даже самый худшій, самый даже невозможно худшій исходъ для начавшейся теперь войны, то, хоть и много вынесемъ сквернаго, уже надоѣвшаго до смерти стараго горя, но колоссъ все же не будетъ расшатанъ и рано-ли, поздно-ли, а возьметъ все свое. Это не надежда только, это полная увѣренность и въ этой невозможности расшатать колоссъ—вся наша сила предъ Европой... Дрогнули сердца исконныхъ враговъ нашихъ и ненавистниковъ... Они не знаютъ, что мы непобѣдимы ничѣмъ въ мѣрѣ, что мы можемъ, пожалуй, проигрывать битвы, но всетаки останемся непобѣдимыми именно единеніемъ нашего духа народнаго и сознаниемъ народнымъ... У насъ, въ нашей необозримой и своеобразной, въ высшей степени непохожей на Европу странѣ, даже тактика военная можетъ быть, совсѣмъ непохожая на европейскую, что основы европейской тактики—деньги и ученныя организаціи шестисотъ тысячныхъ войсковыхъ нашествій могутъ споткнуться о землю нашу и наткнуться у насъ на новую и невѣдомую имъ силу, основы которой лежатъ въ природѣ безконечной земли русской и въ природѣ всеединящагося духа русскаго. Но пусть пока еще не знаютъ этого у насъ столь многіе и хорошіе люди (не знаютъ и робѣютъ). Но за то знаютъ Цари наши и чувствуетъ это народъ нашъ. Александръ I зналъ про эту своеобразную силу нашу, когда говорилъ, что отраститъ себѣ бороду и уйдетъ въ лѣса съ народомъ своимъ, но не положитъ меча и не покорится волѣ Наполеона. И ужъ, конечно, объ такую силу разбилась бы вся Европа вмѣстѣ, потому что нехватитъ у ней на такую войну ни денегъ, ни единства организаціи“ (XI, 112—114). И „я увѣренъ, говоритъ Достоевскій, что бой окончится въ пользу Востока, въ пользу восточнаго союза, что Россіи бояться нечего, если восточная война сольется съ всеевропейскою, и что даже и лучше будетъ, если такъ разрѣшится дѣло... Проліянная кровь несомнѣнно спасетъ Европу—отъ вдесятеро большаго изліянія крови, еслибъ дѣло отдалилось и еще разъ затянулось“ (XI, 302). Олѣдствіемъ такой побѣды будетъ развитіе политическаго вліянія Россіи. Но такъ какъ Россія преслѣдуетъ не матеріальныя цѣли, а возстановленіе справедливости, то народы Европы не должны ее опасаться, какъ врага, а ра-

доваться, что Россія, усилившись, получила возможность дѣйствовать въ Европѣ, не обнажая меча (XI, 117), руководить народами путемъ моральнаго воздѣйствія. Можетъ быть, послѣ этого и пронесется то великое новое слово міру, которое можетъ вновь спасти европейское человѣчество (XI, 384)...

Указавъ Россіи такое великое назначеніе и опредѣливъ ея высокую задачу, Достоевскій даетъ понять русскому обществу, что для успѣха дѣла нужны такія условія, которыя до настоящаго времени еще не вполнѣ открылись. Опредѣляя особенности народнаго духа, выясняя черты народнаго характера, идеализируя народъ, онъ не забываетъ и тѣ недочеты жизни русской, которые тормозили развитіе ея, не забываетъ ни невѣжества, ни чувственности, ни пьянства русскаго. Но указывая недостатки русской жизни, Достоевскій даетъ понять, что эти недостатки не должны принижать вѣры нашей въ народъ. Вѣдь безъ вѣры въ свои силы жить нельзя. Только вѣра въ себя даетъ право на жизнь (XI, 18). Нельзя жить и безъ вѣры въ свой народъ. „Всякій великій народъ вѣритъ и долженъ вѣрить, если только хочетъ быть долго живъ, что въ немъ то, и только въ немъ одномъ, и заключается спасеніе міра, что живетъ онъ на то, чтобы стоять во главѣ народовъ, приобщить всѣхъ къ себѣ воедино и вести ихъ, въ согласномъ хорѣ, къ окончательной цѣли, всѣмъ имъ предвѣщенной“ (XI, 18—19).

Кромѣ вѣры въ народъ необходимо еще заручиться любовью къ этому народу, употребить свои силы на развитіе личности народнои. Со времени Петра Великаго русская интеллигенція отшатнулась отъ народа, пошла своей дорогой, оставивъ народъ во власти невѣжества, нравственной грязи,—которая, однако, облива народнаго не уничтожила,—матеріальной необезпеченности и пьянства, породила въ своей средѣ такихъ личностей, какъ Раскольниковъ, дѣлившій общество на толпу и аристократовъ, причемъ—первая—матеріаль и только, вторые—творцы жизни изъ того матеріала, который, будто бы, самъ по себѣ представляетъ инертную массу. Но народъ, несмотря на неблагопріятныя историческія обстоятельства, „сохранилъ красоту своего образа“, не растратилъ духовнаго богатства своей націо-

нальности. Онъ сохранилъ жизненную правду, сохранилъ вѣру въ Бога и Христа, въ истину Христову. Хотя эта истина еще „не выработалась“, но источникъ ея всегда хранился въ душѣ народной и откроется онъ, когда наступитъ благоприятное время. Простой народъ и теперь является „богоносцемъ“, „носителемъ Христа въ сердцѣ своемъ“, знающимъ Христа своимъ сердцемъ (IX, 209; XI, 473, 476; XII, 374 и др.). И когда „сѣрый народъ“ откроетъ источники духа, тогда возсіяетъ „міру народъ нашъ и скажутъ всѣ люди: камень, который отвергли зиждущіе, сталъ главою угла“ (XII, 378; ср. IX, 213). Можетъ быть, народъ нашъ плохо развитъ умственно, но у него есть сердечное знаніе,— чрезъ любовь. Такъ онъ познаетъ Бога и Христа (IX, 209); такъ онъ узнаетъ и другіе народы. Чрезъ любовь Христову является у него любовь къ людямъ. Даже на низшихъ ступеняхъ развитія русскій полонъ благородства и возвышенныхъ чувствъ. Макаръ Иванычъ, Лукерья, мужикъ Морей и др. такъ сильны чувствомъ, что переливаютъ содержаніе своей души въ другихъ. Убійцу и блудницу возвышаютъ благородство любви, когда „сердце одного заключало безконечные источники для сердца другого (V, 510). Благородные порывы русской души украшаютъ жизнь каторги. „Судите нашъ народъ не по тѣмъ мерзостямъ, которыя онъ такъ часто дѣлаетъ, а по тѣмъ великимъ и святымъ вещамъ, по которымъ онъ и въ самой мерзости своей постоянно воздыхаетъ... Судите народъ нашъ не по тому, что онъ есть, а по тому, чѣмъ желалъ бы стать. А идеалы его сильны и святы и они то спасли его въ вѣка мученій; они срослись съ его душой искони и наградили ее на вѣки простодушіемъ и честностью, искренностью и широкимъ всеоткрытымъ умомъ, и все это въ самомъ привлекательномъ гармоническомъ соединеніи. А если при томъ и такъ много грязи, то русскій человѣкъ и тоскуетъ отъ нее всего болѣе самъ, и вѣритъ, что все это лишь наносное и временное, навожденіе дьявольское, что кончится тьма и что непременно возсіяетъ когда нибудь вѣчный свѣтъ“ (X, 51).

Достоевскій еще изъ каторги вынесъ убѣжденіе, что во всякомъ человѣкѣ есть искра Божія. И въ нравственномъ паденіи сохраняются проблески добра и жизненной правды. Впослѣдствіи онъ показалъ, что и пьяный Мармеладовъ и продавшая свою честь несчастная Соня ищутъ

правды не меньше другихъ людей. Въ поискахъ этой правды Соня и 'убійца Раскольниковъ сходятся читать „вѣчную книгу“. Тревожится этой правдой великій скептикъ Иванъ Карамазовъ; о ней беспокоятся и „вѣрующія бабы“, и даже русскіе мальчики. Напримѣръ. Когда Алеша Карамазовъ пришелъ на похороны Илюши, то прежде чѣмъ войти въ комнату, долженъ былъ удовлетворить интересъ товарищей умершаго, ожидавшихъ прихода Алеши. Коля Красоткинъ спрашиваетъ Алешу: „Карамазовъ, если я не задержу васъ, одинъ бы только еще вопросъ, прежде чѣмъ вы войдете?“

— Что такое, Коля, приостанавливается Алеша.

— Невиновенъ вашъ братъ или виновенъ? Онъ отца убилъ или лакей? Какъ скажете, такъ и будетъ. Я четыре ночи не спалъ отъ этой идеи.

— Убилъ лакей, а братъ невиновенъ, отвѣтилъ Алеша.

— И я то же говорю! прокричалъ вдругъ мальчикъ Смуровъ.

— И такъ онъ погибнетъ невинной жертвой за правду? воскликнулъ Коля.—Хоть онъ и погибъ, но онъ счастливъ! Я готовъ ему завидовать.

— Что вы это, какъ это можно и зачѣмъ? воскликнулъ удивленный Алеша.

— О, еслибы и я могъ хоть когда-нибудь принести себя въ жертву за правду, съ энтузіазмомъ преговорилъ Коля... Я желалъ бы умереть за все человѣчество (XII, 910)...

Что же нужно сказать о русскомъ человѣкѣ, который выросъ и воспитанъ въ атмосферѣ настроеній и убѣжденій народныхъ и напитанъ духомъ народнымъ, когда уже мальчикомъ онъ ищетъ праведной земли и осуществленія справедливости, рѣшаетъ своимъ дѣтскимъ умомъ тѣ вопросы, которые будутъ беспокоить его и въ зрѣлости!... „Чтобы судить о нравственной силѣ народа и о томъ, къ чему онъ способенъ въ будущемъ, надо брать въ соображеніе не ту степень безобразія, до котораго онъ временно, и даже хотя бы и въ большинствѣ своемъ можетъ унизиться, а надо брать въ соображеніе лишь ту высоту духа, на которую онъ можетъ подняться, когда придетъ тому срокъ. Ибо безобразіе есть несчастье временное, всегда почти зависящее отъ обстоятельствъ предшествовавшихъ и преходящихъ, отъ рабства, отъ вѣкового гнета, отъ загроубѣлости, а даръ ве-

ликодушія есть даръ вѣчный, стихійный, даръ родившійся вмѣстѣ съ народомъ и тѣмъ болѣе чтимый, если и въ продолженіи вѣковъ рабства, тяготы и нищеты онъ всетаки уцѣлѣветъ неповрежденный, въ сердцѣ этого народа“ (XI, 15).

Западъ видитъ у насъ массу недостатковъ; еще больше открываютъ ихъ домашніе критики, готовые видѣть въ русской жизни одинъ только застой да невѣжество. Но вѣдь Россію и ставить нельзя на одну линію съ Западомъ; а въ застоѣ виноваты больше тѣ, которые, ища, въ народѣ недостатковъ, смотрятъ на него сверху внизъ, опасаясь принизиться и подойти поближе къ народу. „Никто изъ здравыхъ умомъ не станетъ укорять и стыдить тринадцатилѣтняго за то, что ему не двадцать пять лѣтъ“ (X, 138). Въ то время, какъ на Западѣ уже благоустроили жизнь внутреннюю, русскіе еще отражали многочисленныхъ враговъ внѣшнихъ, занимались колонизаціей и представляли для самой Европы заслонъ отъ враговъ, наводнявшихъ Европу. Черновая работа Россіи была продолжительна. Но она закончена—и наступило время заняться внутренней жизнью. Замѣтно,—пробуждается народъ, пробуждается интеллигенція: первый—отъ спячки, вторая—отъ увлеченія Западомъ и забвенія своего дѣла. Теперь начинаютъ понимать, что „всякая высшая и единящая мысль, и всякое вѣрное единящее всѣхъ чувство есть величайшее счастье въ жизни націй“ (X, 297). Интеллигенція должна прійти на помощь народу, но сама получить отъ него душу. Народъ знаетъ, что ему надо,—и интеллигенція должна его выслушать, не навязывая ему насильно своихъ убѣжденій и вѣрованій. Если у интеллигенціи правда научная, то у народа правда жизненная. Два потока должны слиться—и тогда будетъ гармоническое развитіе жизни. Но прежде всего, нужно хранить народную душу. А для этого нужно полюбить народъ, сродниться съ нимъ, сжитья, чтобы дѣйствительно принадлежать къ одной національности, такъ какъ безъ живого пріобщенія къ національности не можетъ быть обезпеченъ прогрессъ. „Иной, знаете, этакъ отъ почвы то давно ужъ отдѣлился, еще прадѣдушка его администраторомъ былъ, съ народомъ никакихъ общихъ интересовъ не имѣлъ, и за стыдъ почиталъ имѣть; развитіе то у внучка вышло по преимуществу свысока, общечеловѣческое, научно-теоретическое, битины пошліи идеальныя,—однимъ словомъ, человѣкъ вы-

шелъ благороднѣйшій, но необыкновенно похожій на стертый пятиалтынный: видно, что серебро, а ни клейма, ни года, никакой націи, французская ли, голландская ли монета—неизвѣстно“ (IX, 117)... „Полюби сначала святыню мою, почти ты то, что я хочу, и тогда ты точно таковъ, какъ я, мой братъ, несмотря на то, что одѣтъ не такъ, что ты баринъ, что ты начальство и что даже и по русскому то иной разъ сказать хорошо не умѣешь“—вотъ что вамъ (интеллигентамъ) скажетъ народъ, ибо народъ нашъ широкъ и уменъ“ (XI, 523). „Отцы и учителя, берегите вѣру народа“ (XII, 375), наставляетъ старецъ Зосима. При содѣйствіи интеллигенціи „уничтожатся въ народѣ, сами собой, всѣ новые мутные потоки, если только они откуда нибудь выскочатъ и потекутъ“ (X, 54).

Признавая необходимость общенія интеллигенціи и народа для взаимной работы, Достоевскій настойчиво повторяетъ, что работа эта должна быть окрашена національной идеей. Вотъ почему онъ отрекся отъ социализма, которому служилъ вначалѣ. Онъ выяснилъ, что социализмъ, оторванъ отъ національной почвы, что въ немъ не только отдѣльная личность, но и народность приносятся въ жертву идеѣ общечеловѣческаго блага, что онъ не считается съ ходомъ исторіи и естественнымъ развитіемъ, а перескакиваетъ чрезъ всѣ преграды времени. Но „ускорять искусственно необходимые и постоянные историческіе моменты жизни народной никакъ невозможно“ (IX, 287). Нельзя перемѣнять жизнь искусственно; нельзя священныхъ преданій составлять изъ книгъ. „Чтобы передѣлать міръ, говоритъ таинственный незнакомецъ старцу Зосимѣ, надо чтобы люди сами психически перевернулись. Раньше, чѣмъ не сдѣлаешься въ самомъ дѣлѣ всякому братомъ, не наступитъ братство“ (XII, 360—361). А самъ Зосима убѣжденъ въ томъ, что „были бы братья, будетъ и братство“ (XII, 376). Если же социализмъ оказался непригоднымъ для Запада, то еще болѣе онъ неподходящъ для Россіи, которая цѣнитъ прежде всего тѣ цѣнности, о которыхъ социализмъ забываетъ. Въ Россіи, „по народному представленію, лучший человекъ“—это тотъ, который не преклонился предъ народнымъ соблазномъ, тотъ, который ищетъ неустанно работы на дѣло Божіе, любитъ правду, и, когда надо, встаетъ служить ей, бросая домъ и семью и жертвуя жизнью“ (X, 370). И тотъ самый герой

„подполья“, который самъ руководится „вольнымъ и свободнымъ хотѣніемъ“, возстаетъ противъ подведенія всего подъ одну выгоду; и у него живыя струны души противо-дѣйствуютъ книжной теоріи...

Западъ, въ цѣляхъ улучшенія жизни, заботится найти новыя формы жизни. Достоевскій первымъ средствомъ для улучшенія жизни выставляетъ личность, ея улучшеніе. Только „сдѣлавшись сами лучшими, мы и среду исправимъ и сдѣлаемъ лучшею. Вѣдь только этимъ и можно ее исправить“ (IX, 180). Раскольниковъ, воспитанный на идеяхъ западной мысли, построляетъ теорію жизни. Но съ одною теоріею онъ далеко не ушелъ: у него сердце было русское. И потому онъ долженъ былъ сознаться: „нѣтъ, мнѣ жизнь однажды дается, и никогда ее больше не будетъ; я не хочу дожидаться всеобщаго счастья; я и самъ хочу жить, а то лучше ужъ и не жить“ (V, 271). Это его завѣреніе еще далеко отъ настоящей правды; но и въ немъ уже слышится голосъ пробуждающейся личности, сбрасывающей путы—внѣшняго принужденія. Потомъ мы замѣчаемъ въ Раскольниковѣ уже дѣйствительное возрожденіе его личности, возстановленіе духовнаго образа. Раскольниковъ окончательно примиряется съ жизнью, и начинаетъ работу надъ самимъ собою. Въ работѣ надъ своею личностью для него заря новой жизни... Алеша Карамазовъ—страдалецъ за всѣхъ принимаетъ подвигъ личнаго совершенствованія для лучшаго служенія другимъ. Старецъ Зосима живетъ въ монастырѣ, чтобы служить другимъ. Когда онъ видитъ, что его ученикъ Алеша Карамазовъ всталъ на правильный путь, то не оставляетъ его въ монастырѣ, какъ того сначала хотѣлось ищущему духовныхъ подвиговъ, онъ посылаетъ Алешу въ міръ, чтобы служить міру. Не этотъ ли призывъ Достоевскаго къ личному совершенствованію, обращенный имъ къ слушателямъ его рѣчи на Пушкинскомъ торжествѣ, заставилъ ихъ принять слова оратора, какъ слова пророка прозорливца?... „Не внѣ тебя правда, говорилъ Достоевскій слушателю, а въ тебѣ самомъ: найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, владѣй собою и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя; и не за моремъ гдѣ нибудь, а прежде всего въ твоёмъ собственномъ трудѣ надъ собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя,—и станешь свободенъ, какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь великое

дѣло, и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя“ (XI, 458—459).

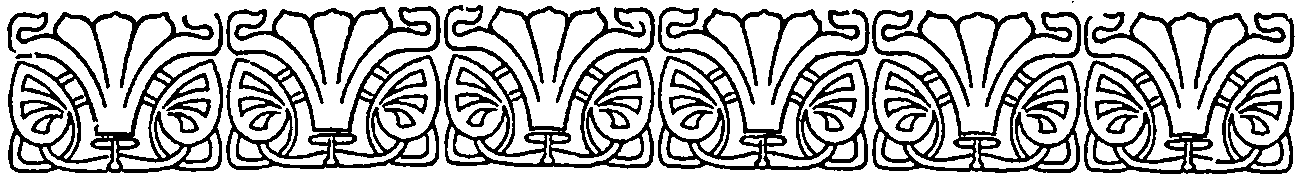
По глубокому убѣжденію Достоевскаго, и общество можетъ измѣниться къ лучшему подъ условіемъ улучшенія отдѣльной личности. Жизнь плоха потому, что мы сами плохи. Общество—не отвлеченная идея, а союзъ живыхъ личностей. Фундаментъ общества—личность. Крѣпокъ фундаментъ—крѣпко и зданіе, и наоборотъ... Не грубость народа, не безправіе, не бѣдность, не общественное нестройство, а наши собственные недостатки—вотъ главная язва общества. Къ лѣченію то этой язвы и призываетъ Достоевскій своего читателя, внушая ему, что онъ можетъ стать вѣрнымъ работникомъ общаго дѣла чрезъ работу надъ собой. А къ такой работѣ способенъ всякій человѣкъ. Жажду полезной работы, работы со смысломъ, работы опредѣленной Достоевскій замѣчалъ и среди тѣхъ каторжанъ, съ которыми онъ познакомился въ Сибири. Къ ней способенъ и Суциловъ, бывшій дворовый человѣкъ, неизвѣстно за что попавшій въ ссылку, и Акимъ Акимычъ, разстрѣлявшій мирнаго кавказскаго князька, и кавказецъ Нурка, перешедшій отъ „мирныхъ“ къ „немирнымъ“ горцамъ, и мальчикъ Сироткинъ, убившій командира рекрутскаго, и кроткій Алей, напавшій на караванъ съ цѣлью грабежа, и старикъ раскольникъ, попавшій въ Сибирь за свои убѣжденія. Во всѣхъ людяхъ сохранилась искра Божія, часто невѣдомая даже носителю ея. И дѣло cadaго изъ насъ раздуть эту искру въ себѣ, въ условіяхъ личной жизни воплотить правду Божію. А такъ какъ правда Божія уже воплощается въ русскомъ православіи, въ церкви Христовой, то и личное совершенствованіе достигается черезъ Церковь, чрезъ приобщеніе къ религіозной жизни. Безъ религіозной вѣры, невозможна жизнь. Религія—необходимый и существенный факторъ развитія. Для русскаго человѣка жизнь безъ Христа—разложеніе и смерть, вражда и чело-вѣконенавистничество. Пусть будетъ развита наука, пусть изобрѣтенія ея украшаютъ жизнь человѣка,—но если нѣтъ у человѣка вѣры, наука не упорядочитъ его жизни—личной и общественной. Наука безъ религіи даетъ только отвлеченныя формулы жизни, не внося духа животворящаго. Нельзя ожидать, что какая нибудь „соціальная система, выйдя изъ какой нибудь математической головы, тотчасъ же и устроитъ все чело-вѣчество и въ одинъ мигъ сдѣлаетъ его

праведнымъ и безгрѣшнымъ, раньше всякаго живого процесса, безъ всякаго историческаго и живого пути“ (V, 238). Наука только способствуетъ нормальному развитію того, что есть въ человѣкѣ: и дѣло русской интеллигенціи не въ томъ, чтобы „преподавать“ народу науку, а въ томъ, чтобы руководить имъ въ жизни, для чего нужно вмѣстѣ съ образованіемъ имѣть чуткость въ пониманіи людей. Монастырскіе насельники произведеній Достоевскаго находятъ себѣ многочисленныхъ учениковъ потому именно, что содѣйствуютъ имъ въ ихъ работѣ надъ собой, чего не могутъ сдѣлать такіе талантливые и образованные люди, какъ Версиловъ, Иванъ Карамазовъ. И писатель призываетъ къ такому образованію, которое содѣйствуетъ выявленію въ людяхъ правды Божіей, призываетъ „съ надеждой на народъ и на силы его развивать въ полнотѣ, въ полномъ сіяніи и блескѣ Христова просвѣщеніе наше“ (XI, 477). Онъ вѣритъ, что образованіе народа будетъ способствовать обнаруженію имъ всего того, что скрыто въ тайникахъ его души и что было покрыто корой грубости и порочности, вѣритъ, „что царство мысли и свѣта способно водвориться у насъ, въ нашей Россіи, еще скорѣе, можетъ быть, чѣмъ гдѣ бы то ни было“ (X, 37), онъ вѣритъ, наконецъ, что „въ усиленномъ, въ скорѣйшемъ развитіи образованія вся наша будущность, вся наша самостоятельность, вся сила, единственный, сознательный путь впередъ и, что важнѣе всего, путь мирный, путь согласія, путь къ настоящей силѣ“ (IX, 105). И вѣря въ значеніе образованія, онъ обращается къ интеллигентнымъ людямъ: „вотъ на это давайте руку; давайте способствовать вмѣстѣ, каждый „микроскопическимъ“ своимъ дѣйствіемъ, чтобъ дѣло обошлось прямѣе и безошибочнѣе. Правда, мы сами то не умѣемъ тутъ ничего, а только „любимъ отечество“, въ средствахъ не согласимся и еще много разъ поссоримся; но вѣдь, если уже рѣшено, что мы люди хорошіе, то чтобы тамъ не вышло, а вѣдь дѣло то, наконецъ, наладится. Вотъ моя вѣра. Повторяю: тутъ двухсотлѣтняя отвычка отъ всякаго дѣла и больше ничего“ (X, 54). Нужно сказать себѣ: „больше вѣры, больше единства, а если любовь къ тому, то все сдѣлано“. Достоевскій призываетъ читателя освободиться отъ лживой самозамкнутости и болѣзненнаго самолюбія и въ цѣляхъ воздѣйствія на народъ объединиться съ нимъ. А это возможно скорѣе всего со стороны тѣхъ людей, кото-

рые полюбили народъ, расположены къ нему, понимаютъ его. Кто больше любитъ, тотъ скорѣе приметъ подвигъ научить другихъ. Кто отзывчивѣе къ нуждамъ другихъ, тотъ пойметъ свое положеніе въ обществѣ и свои отношенія къ народу. Кто внимательно смотритъ на нужды народа, смотритъ безъ предразсудковъ, тотъ замѣтитъ и нужду въ образованіи. Вотъ почему Достоевскій особенно надѣется на наше молодое поколѣніе, чуждое предразсудковъ, отзывчивое, жизнерадостное, полное вѣры, энергіи и любви ко всему хорошему. „Свѣтлая, свѣжая молодость наша тотчасъ же и прежде всѣхъ отдастъ свое сердце народу и пойметъ его духовно впервые. Я потому такъ, и прежде всѣхъ, на молодежь надѣюсь, что она у насъ тоже страдаетъ „исканіемъ правды“ и тоской по ней, а, стало быть, она народу сродни наиболѣе и сразу пойметъ, что и народъ нашъ ищетъ правды“ (XI, 528)...

„Страшно, до какой степени свободенъ духомъ человѣкъ русскій, до какой степени сильна его воля! Никто никогда не отрывался такъ отъ родной почвы, какъ приходилось иногда ему, и не поворачивалъ такъ круто въ другую сторону, вслѣдъ за своимъ убѣжденіемъ!.. Сравнилъ же нашъ поэтъ Лермонтовъ Россію съ Ильей-Муромцемъ, который тридцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ и вдругъ пошелъ, только лишь сознавъ въ себѣ богатырскую силу“ (IX, 24). „Мы устыдились своей недѣятельности, своей несамоподвижности среди громадной дѣятельности европейскихъ племенъ, и поняли, что въ Европѣ намъ дѣлать нечего“ (ibid. 41). У насъ дома привьется наука. До сихъ поръ она была у насъ, какъ оранжерейный цвѣтокъ (ibid. 42, 41); теперь же, когда дерево науки будетъ привито къ національной почвѣ, оно уже не завянетъ, а дастъ въ свое время плоды—и не только пріятные на видъ, но и годные къ употребленію... „Мы возвращаемся на нашу почву съ сознательно выжитой и принятой нами идеей общечеловѣческаго нашего назначенія. Къ этой идеѣ привела насъ сама цивилизація, которую въ смыслѣ исключительно европейскихъ формъ мы отвергаемъ. Возвращеніе наше свидѣтельствуетъ, что изъ русскаго человѣка цивилизація не могла сдѣлать нѣмца и что русскій человѣкъ, все-таки, остался русскимъ“ (IX, 106).

С. Горскій.

ИНТИМНЫЙ УГОЛОКЪ ДУШИ

современной учащейся молодежи.

Воспитатель долженъ знать душу воспитанника—таково основное правило педагогики. Мѣры воспитательнаго воздѣйствія могутъ быть успѣшными лишь въ томъ случаѣ, если онѣ стоятъ въ соотвѣтствіи съ характеромъ, склонностями, симпатіями и антипатіями того или другого воспитанника, равно какъ съ тѣмъ умственнымъ багажемъ, какимъ владѣетъ этотъ воспитанникъ. Спорять иногда о томъ, долженъ ли преподаватель заботиться и о воспитаніи учащихся. Но что законоучитель долженъ быть вмѣстѣ и воспитателемъ, противъ этого едва ли кто станетъ возражать. Отсюда слѣдуетъ, что основное правило педагогики, которое только что приведено, къ законоучителю относится непременно и безъ всякихъ оговорокъ.

Но вотъ въ чемъ дѣло. При извѣстныхъ условіяхъ именно законоучитель находится въ этомъ отношеніи въ положеніи менѣе благопріятномъ, нежели преподаватель всякаго другого предмета. Я разумѣю вотъ какія условія. Ни для кого не секретъ, что учащіеся старшихъ классовъ нашей средней школы очень часто бываютъ заражены ядомъ религіознаго сомнѣнія и отрицанія, относятся холодно къ богослуженію, уставамъ церкви, очень часто слышатъ насмѣшки надъ религіозными вѣрованіями, которыя считаются признакомъ отсталости, малокультурности, обскурантизма, и т. д. И вотъ такой учащійся откроетъ ли предъ законоучителемъ святая святыхъ своей души? Подѣлится ли съ нимъ своими сомнѣніями, своими исканіями истины въ церкви, въ религіи, въ области философіи, или науки? Въдь откровенность учащагося можетъ повлечь за собою

весьма непріятныя послѣдствія для него. Ясное дѣло, что именно поэтому юноша, потерявшій вѣру, или только сомнѣвающимся, откровеннымъ съ законоучителемъ быть не можетъ. Стало быть, между законоучителемъ и учащимся, утратившимъ вѣру, или же сомнѣвающимся, самымъ естественнымъ образомъ возникаетъ стѣна, не допускающая вполнѣ искренняго, вполнѣ откровеннаго общенія. Создается такое положеніе: иногда очень даровитый, развитой, умный, начитанный юноша прекрасно отвѣчаетъ заданный урокъ, доказываетъ основательно ту или другую религіозную или нравственную истину; а убѣжденъ ли онъ самъ въ этой истинѣ,—для законоучителя такъ и остается непроницаемой тайной. Чувствуется иногда, что дѣло не чисто, что самъ то этотъ юноша, быть можетъ, искренне убѣжденъ въ томъ, что опровергаетъ; но въ тонѣ отвѣта, въ манерахъ отвѣчающаго, въ улыбкѣ его вы читаете: „мнѣ нужна пятерка въ аттестатѣ по Закону Божію, вотъ почему я готовлю уроки, слушаю ваши объясненія и, какъ видите, мой отвѣтъ является безукоризненнымъ; а до моихъ внутреннихъ убѣжденій вамъ, батюшка, нѣтъ никакого дѣла.“ Мнѣ припоминается такой случай. На экзаменѣ въ VII классѣ женской гимназіи дѣвица блестяще отвѣчаетъ по методикѣ Закона Божія и именно говорить о наученіи дѣтей молитвѣ, о важности молитвы, о необходимости ежедневной молитвы для христианина и проч. Отвѣтъ былъ на рѣдкость. Но нужно же было одному изъ ассистентовъ предложить ученицѣ прочесть молитву Святому Духу. Жалко было видѣть крайнее смущеніе бѣдняжки, когда она робко начала лепетать: „Царю Небесный, утѣшителю, приди и вселися въ ны и очисти ны отъ всякія скверны плоти и духа и спаси ны и введи.. введи“... Остановилась и готова заплакать бѣдняжка. О чемъ это свидѣтельствуетъ? Несомнѣнно о томъ, что Законъ Божій дѣвицѣ нуженъ только для пятерки въ аттестатѣ, что на самомъ дѣлѣ она слишкомъ далека отъ церкви, отъ церковнаго благочестія, молитвы, а можетъ быть, и отъ Бога.

И вотъ при такихъ условіяхъ—при отсутствіи искренняго, довѣрчиваго отношенія къ законоучителю, когда душа учащагося для законоучителя terra incognita, когда послѣдній не знаетъ убѣжденій своихъ учениковъ, ихъ склонностей, симпатій и антипатій,—словомъ, ихъ внутренняго мі-

ра,—о благотворномъ воспитательномъ воздѣйствіи уроковъ Закона Божія на учениковъ рѣшительно не можетъ быть рѣчи. И это до-нельзя грустно.

Но какъ же достигнуть того, чтобы установить искреннія довѣрчивыя отношенія учащихъ къ законоучителю? Я не говорю о младшихъ классахъ, гдѣ такія отношенія возможны и существуютъ въ дѣйствительности. Я имѣю въ виду старшіе классы, гдѣ по указаннымъ уже причинамъ между внутреннимъ міромъ учащихъ и законоучителемъ обыкновенно существуетъ непроницаемая стѣна. Какъ ее разрушить? Отвѣчаю съ полной откровенностью: я не знаю, какъ этого достигнуть. Я не ставлю этого въ вину ни учащимся, ни законоучителю, я только лишь констатирую печальный фактъ.

Но если нельзя требовать отъ юноши, душа котораго заражена ядомъ сомнѣнія, невѣрія, отрицанія, чтобы онъ съ полной откровенностью самъ открылъ эти свои сомнѣнія своему законоучителю, выступилъ предъ нимъ съ открытымъ забраломъ,—то, быть можетъ, можно до нѣкоторой степени облегчить такому юношѣ возможность высказаться, не подвергая себя риску пострадать за антирелигіозныя убѣжденія.

Я думаю: да. Скажу больше. Я произвелъ уже опытъ въ этомъ направленіи и кое-какими результатами этого опыта хочу теперь подѣлиться съ читателями. Вотъ въ чемъ заключался мой опытъ. Въ началѣ ноября минувшаго года я напечаталъ 300 экземпляровъ анкетнаго обращенія къ учащимся старшихъ классовъ и роздалъ учащимся, съ просьбой отвѣтить на слѣдующіе вопросы: 1, Интересуетесь ли вы вопросами религіозно-философскаго характера? 2, Составили ли вы уже себѣ опредѣленное міровоззрѣніе, или только на пути къ этому? 3, Знакомы ли вы съ современными направленіями философской мысли: позитивизмомъ, матеріализмомъ, ницшеанствомъ и др. и какое изъ этихъ направленій вамъ больше нравится? 4, Каково ваше отношеніе къ христіанству и, въ частности, къ православію? 5, Какіе вопросы религіи васъ наиболѣе интересуютъ? 6, Въ случаѣ отрицательнаго отношенія къ христіанству,—что именно васъ отталкиваетъ отъ него? 7, Чего бы вы хотѣли отъ законоучителя старшихъ классовъ? 8, Какіе изъ современныхъ писателей васъ наиболѣе интересуютъ? 9, Назовите вашего любимаго героя у того или дру-

гого любимаго вами писателя? Отвѣты на предлагаемые вопросы я просилъ присылать мнѣ по почтѣ и непременно анонимные въ тѣхъ видахъ, чтобы можно было отвѣчать съ полной откровенностью.

Каковы же результаты моего опыта? На 300 анкетныхъ листиковъ я получилъ 25 отвѣтныхъ писемъ отъ учащихся различныхъ среднихъ учебныхъ заведеній Харькова. Почему такъ мало, объ этомъ скажу впоследствии, а теперь попытаюсь использовать полученный матеріалъ, чтобы до нѣкоторой степени освѣтить интимный уголокъ души современнаго учащагося юношества.

Полученные мною отвѣты распадаются на три группы. Къ первой группѣ я отношу тѣхъ учениковъ и ученицъ, которые къ христіанству и православію, въ частности, относятся положительно, признавая православіе единственно истинной религіей; такихъ изъ числа сообщившихъ мнѣ свои отвѣты оказывается 9 человекъ, т. е., 36%. Ко второй группѣ я причислилъ лицъ, не порвавшихъ съ христіанствомъ, но въ то же время относящихся отрицательно къ тѣмъ или инымъ отдѣльнымъ догматамъ и вѣрованіямъ Православной церкви; такихъ оказалось 11 человекъ, или 44%. Наконецъ третью группу составляютъ 5 человекъ, заявившихъ о своемъ отрицательномъ отношеніи къ религіи вообще; они составляютъ 20% общаго числа моихъ корреспондентовъ.

Интересно теперь поближе познакомиться съ симпатіями и антипатіями учащихся. Интересно въ частности послушать, что же именно отталкиваетъ нѣкоторыхъ отъ православія, а иныхъ и отъ христіанства вообще.

„Во первыхъ, несогласіе христіанства съ наукой и во вторыхъ, недостойное поведеніе священниковъ“, заявляетъ одинъ. „Трусливое и лицемерное отношеніе христіанства къ войнѣ, тунеядство монаховъ, пороки духовенства, узы, налагаемыя христіанствомъ на пытливый человѣческій умъ, отношеніе къ язычникамъ и проч.“, заявляетъ другой; но онъ же говоритъ, что „идея христіанства чиста, а вредна фальсификація идеи въ историческомъ христіанствѣ“. „Если бы, говоритъ третій, какой нибудь законоучитель доказалъ мнѣ существованіе Бога безъ всякихъ апостоловъ, св. писаній и преданій, то я бы твердо увѣровалъ, а теперь сомнѣваюсь“. По мнѣнію четвертаго, „ученіе Христа искажено

его послѣдователями внесеніемъ въ религію нелѣпныхъ обрядовъ; православіе превратило образъ монаха въ типъ лѣнтяя, бездѣльника“. Пятаго отталкиваетъ отъ христіанства „слѣпая вѣра, требуемая имъ отъ своихъ послѣдователей. Человѣкъ-существо, отличающееся отъ животнаго только своимъ разумомъ, а потому апробація разума необходима во всемъ“. Всѣ пять отвѣчавшихъ такъ принадлежатъ къ третьей группѣ. Отвѣты на этотъ же вопросъ учащихся второй категоріи будутъ приведены ниже.

Посмотримъ, далѣе, насколько тверды и послѣдовательны мои корреспонденты въ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ.

Объ этомъ можно судить на основаніи слѣдующихъ данныхъ. Одинъ изъ учащихся самъ говоритъ, что онъ свое міровоззрѣніе еще только составляетъ, что изъ современныхъ философскихъ ученій знакомъ только съ толстовствомъ; особенно интересуется его вопросъ о *сотвореніи* міра. Другой преклоняется предъ величіемъ идеи христіанства—идеи любви и всепрощенія, но полагаетъ, что „такое христіанство—достояніе отдѣльной личности и существовало еще до Христа“, Котораго онъ считаетъ гениальнымъ человѣкомъ. Трудно догадаться, что такое подразумеваетъ авторъ подъ христіанствомъ до Христа; быть можетъ идеи Будды, Лаодзи и т. п. Такая догадка приходитъ на умъ, когда принимаешь во вниманіе, что авторъ—послѣдователь Л. Толстого. Третій говоритъ, что „юноша свое міровоззрѣніе мѣняетъ ежечасно; въ настоящую минуту самъ онъ все отрицаетъ, т. е., сомнѣвается въ справедливости какого нибудь факта; философскія направленія современности не разрѣшаютъ его вопросовъ; въ христіанствѣ онъ относится индифферентно, даже отрицательно“; но въ то же время „его интересуютъ вопросы о существованіи Бога, происхожденіи міра и жизни, о мѣстѣ рая, о рожденіи Христа отъ дѣвы безъ мужа“. У четвертаго міровоззрѣніе туманное и очень фантастичное: „Многое или почти все, касающееся загробной жизни, неизвѣстно человѣку. Ученіе индусовъ (браминовъ) о переселеніи душъ, спиритизмъ и гипнотизмъ только ходятъ около этой великой тайны, но, кажется, ближе всего къ строенію и жизни нашей души подошли индусы. Какъ и все на землѣ, ихъ ученіе, или вѣрнѣе, гипотеза смѣшалась, запуталась сама въ себѣ и пала со своей высоты. Но я вѣрю, что новое для объясне-

нія души все—таки дастъ Востокъ и никто другой. Можетъ быть индусы нарочно скрываютъ свои знанія! Это неизвѣстно. Но судя по настойчивымъ утвержденіямъ знаменитыхъ путешественниковъ и изслѣдователей, они знаютъ гораздо больше, чѣмъ западные ученые. Я вѣрю въ теорію переселенія души не такъ, что душа человѣка переходитъ въ тѣло кошки или собаки. Нѣтъ. Я вѣрю, что душа человѣка не идетъ въ рай, или адъ (это сказка), но она или соединяется съ тѣломъ жителя другой планеты (жизнь на другихъ планетахъ, по моему, несомнѣнна: не созданы же звѣзды только для того, чтобы ими любовался человѣкъ) и вновь рождается, или попадаетъ въ другую оболочку на этой же землѣ... Вѣроятнѣе всего, что Богъ есть, но Онъ существуетъ въ совершенно другомъ видѣ, чѣмъ мы Его представляемъ; или, если Бога нѣтъ, то есть Нѣчто, что человѣкъ не знаетъ и даже не понимаетъ. Браминны пытались объяснить существованіе и жизнь души; они, кажется, а можетъ быть, навѣрное что—то знали, да забыли, или же знаютъ и скрываютъ. Христосъ пытался дать объясненіе и цѣль жизни самаго человѣка. Если это Ему удалось,—то Его послѣдователями всѣ Его завѣты были искажены. Несомнѣнно, что почти всѣ обряды въ христіанствѣ есть вредный и лишній наносъ. Богу, дѣйствительному Творцу міра и вселенной, не нужны ни куреніе еиміамомъ, ни пѣніе въ храмахъ, ни многое другое, часто нелѣпое. Богъ не создавалъ въ семь дней землю и для нея солнце, луну и звѣзды (это—поэтическая, завлекательная, но простая сказка); только человѣкъ въ своемъ самовабвеніи (sic!) могъ выдумать это... Христіанство представляетъ собой, по моему, жалкій остатокъ ученія гениальнаго человѣка Христа, ближе всего подошедшаго къ объясненію цѣлей человѣческой жизни. Богъ, Великій Творецъ, не могъ посылать на каждую планету Своего Сына, или вообще кого—нибудь. Если же Онъ послалъ только на землю, то почему такое предпочтеніе ничтожной и жалкой планетѣ, какой является наша земля? Я увѣренъ, что и на другихъ мірахъ являлись пророки или простые смертные (если только тамъ жизнь похожа на нашу) съ гениальнымъ умомъ, которые подходили ближе, а можетъ быть, подошли къ этой великой Тайнѣ". Дальше идетъ рѣчь объ искаженіи ученія Христа въ историческомъ христіанствѣ. Я

нарочно подробно изложилъ мнѣніе этого нашего корреспондента его собственными словами, потому что, излагая его своими словами, я, пожалуй, не сумѣлъ бы такъ ярко показать неустойчивость, непослѣдовательность, фантастичность и полную, такъ сказать, алогичность разсужденій. Пятый, наконецъ, полагаетъ, что „только идіоты и скороспѣлые глупцы могутъ рѣшить, что они составили себѣ міровоззрѣніе; учащіеся же 7 и 8 классовъ—мальчишки и также, какъ и взрослые, не могутъ сказать утвердительно“. Лично авторъ только „склоняется на компиляцію матеріалистической и ницшеанской теорій; православіе, по его мнѣнію, ниже лютеранства и католичества; эти послѣднія хотя и являются крайностями, но *aurea mediocritas* во сто кратъ хуже. „Будьте холодными или горячими, но не будьте теплыми, чтобы я не изблевалъ васъ изъ устъ моихъ“. Православіе—религія дикихъ христіанъ“.

Не привожу другихъ отвѣтовъ, гдѣ еще меньше замѣчается устойчивости, опредѣленности и послѣдовательности во взглядахъ. Иного, впрочемъ, трудно было и ожидать, принимая во вниманіе возрастъ учащихся, хотя бы и старшихъ классовъ. Но вотъ что поразительно. Обыкновенно вѣдь въ юношескомъ возрастѣ человѣкъ бываетъ смѣль и рѣшительнень въ своихъ сужденіяхъ, обо всемъ судить безапелляціонно неразрѣшимыхъ вопросовъ для него не существуетъ. Такая рѣшительность замѣтна и у нѣкоторыхъ изъ нашихъ корреспондентовъ. Но большинство ихъ не по юношески скромны, какъ можно судить уже по приведеннымъ выше отвѣтамъ. Однако же, думается намъ, что, если трудно ожидать отъ юноши въ возрастѣ 17—18 лѣтъ опредѣленнаго и устойчиваго міровоззрѣнія, то все же оканчивающему гимназію и не такъ ужъ рано имѣть міровоззрѣніе, хотя бы и не вполне опредѣленное, не вполне установившееся. Я даже думаю, что въ этомъ и состоитъ задача средней общеобразовательной школы, которая вѣдь выпускаетъ юношу съ аттестатомъ зрѣлости. Не отрицаю, что въ высшемъ учебномъ заведеніи—на естественномъ, историческомъ, юридическомъ факультетахъ—юноша еще будетъ имѣть дѣло съ науками общеобразовательнаго характера и будетъ имѣть матеріалъ для построенія себѣ цѣльнаго и болѣе или менѣе стройнаго міровоззрѣнія. Но вѣдь нѣкоторые ограничатся средней шко-

лой, а иные пойдутъ въ техническія учебныя заведенія, гдѣ уже общеобразовательныхъ наукъ слушать не будутъ, а будутъ изучать то или иное ремесло, и гдѣ поэтому они уже не будутъ имѣть матеріала для того, чтобы осмыслить и такъ или иначе разрѣшить для себя вопросы философскаго характера, вопросы о цѣли и смыслѣ жизни, о конечныхъ причинахъ бытія и т. д. Такъ что, повторяю, въ старшихъ классахъ средней школы уже можно желать, чтобы учащіеся имѣли тотъ или иной опредѣленный взглядъ на міръ, на цѣль своей жизни и т. п. Припоминая свои молодые годы и учащихся старшихъ классовъ того времени и именно восьмидесятыя годы минувшаго столѣтія, я долженъ сказать, что тогда было нѣсколько иначе: мы, оканчивавшіе среднюю школу, считали свое міровоззрѣніе установившимся рѣшительно и безповоротно, Я не хочу этимъ сказать, что мы были основательно знакомы съ господствовавшими тогда философскими ученіями, что мы читали въ подлинникѣ Фохтовъ, Бюхнеровъ, Молешоттовъ, О. Конта, Гартманна и др. (нѣкоторые, впрочемъ, дѣйствительно читали), но мы знакомились съ ихъ ученіемъ или по Писареву, или по героямъ литературныхъ произведеній, на примѣръ, по Тургеневскому Базарову, и ужъ юноша, избравшій своимъ идеаломъ Базарова, дѣйствительно непоколебимо былъ увѣренъ въ абсолютной непогрѣшимости матеріализма и покраснѣлъ бы, если бы его уличили въ какой либо непослѣдовательности, если бы товарищъ засталъ его за чтеніемъ религіозной книги, или какого либо трактата по эстетикѣ. Но это а прогос. Перейдемъ къ дѣлу. Посмотримъ, какъ именно законоучитель можетъ воспользоваться тѣми данными, какія мы имѣемъ въ полученныхъ отвѣтахъ учащейся молодежи.

Насколько можно судить по полученнымъ отвѣтамъ, наше законоучительское дѣло еще не вполне безнадежно, почва еще не вполне ускользнула изъ подъ нашихъ ногъ, религія еще не вполне вытравлена изъ умовъ и сердецъ молодежи, не смотря на широко разлигый въ современной духовной атмосферѣ ядъ отрицанія и невѣрія. Искра вѣры живетъ еще въ душѣ большинства нашей учащейся молодежи. Даже тѣ изъ нашихъ корреспондентовъ, которые заявили себя рѣшительными противниками христіанства, еще не совсѣмъ потеряны для религіи. Посмотрите, на примѣръ, на этого юношу, который

говорить о себѣ: „Теперь я интересуюсь только философскими вопросами, ибо убѣдился, что философія заключаетъ въ себѣ религію, болѣе обширна, чѣмъ послѣдняя и гораздо *логичнѣе* ея. Вѣра, слѣпая вѣра достойнѣе глупцовъ и религія въ этомъ отношеніи уступаетъ философiи... Я лично пока только склоняюсь на компиляцію матеріалистической и ницшеанской теорiи“. Послушайте, что этотъ матеріалистъ и ницшеанецъ говоритъ далѣе: „интересуетъ меня вопросъ о загробной жизни“. Мало того: вопросъ этотъ для него является кореннымъ, фундаментальнымъ, „ибо въ зависимости отъ него всѣ остальные“. Хорошъ матеріалистъ! Не правда ли? Бѣдный Фогтъ! Бѣдный Ницше! Какой краской стыда покрылись бы ваши лица, если бы вы услышали эти мысли отъ вашихъ почитателей! Другой юноша скорбитъ о томъ, что „чистая, свѣтлая идея христіанства часто подмѣнивается фальсификаціей христіанства“. Третьяго, атеиста же, по его словамъ, „интересуетъ вопросъ“ о мѣстѣ нахождения рая, а также о существованіи Бога“. Какъ видите, атеизмъ этихъ юношей не, Богъ вѣсть, какой страшный. Пескорка вѣры еще теплится въ глубинѣ души, подогрѣть ее было бы не трудно и, быть можетъ, ледъ сомнѣнія и отрицанія тогда растаялъ бы. Но я взялъ пока выдержки изъ отвѣтовъ наиболѣе рѣшительныхъ отрицателей религіи. А послушайте юношей, еще не совсѣмъ порвавшихъ съ христіанствомъ. Прежде всего, всѣ они заявляютъ, что опредѣленнаго міровоззрѣнія они не имѣютъ и находятся, такъ сказать, на распутьи: „Иногда подъ вліяніемъ другихъ лицъ и собственныхъ размышленій я впадалъ въ крайній матеріализмъ, пишеть одинъ, иногда же нѣкоторые факты изъ моей личной жизни заставляли чувствовать надъ собой какую то верховную волю“. „Странно было бы, пишеть другой, если бы молодой человѣкъ въ 17 лѣтъ, каковъ я въ настоящее время, составилъ бы уже себѣ опредѣленное воззрѣніе на міръ, на эту неразрѣшимую загадку“. Христіанство большинствомъ моихъ корреспондентовъ этой второй группы признается религіей самой совершенной, „хотя, говоритъ одинъ юноша, бросая взглядъ на современное состояніе его, замѣчаешь, какъ далеко оно ушло отъ того, о чемъ проповѣдывалъ Иисусъ. Развѣ мы не видимъ теперь тѣ же храмы, жертвы, сложные обряды, не понимаемые толпой, какіе были у грековъ, римлянъ и дру-

гихъ, такъ называемыхъ, языческихъ народовъ“! „Мнѣ хотѣлось бы, повидимому, съ болью въ душѣ заявляетъ другой юноша, хотѣлось бы составить себѣ ясную религію, безъ недомолвокъ и сомнѣній, но это ужасно трудно. Я только еще на пути къ этому свѣточу, на тяжеломъ крестномъ пути“.

Что отрицательное отношеніе къ религіи у юношества не имѣетъ подѣ собой глубокихъ корней, видно, далѣе, изъ того, что большинство нашихъ корреспондентовъ или вовсе незнакомы, или очень мало знакомы съ враждебными христіанству философскими ученіями. Вотъ отзвыы по этому вопросу нѣкоторыхъ. „Съ нѣкоторыми изъ названныхъ вами философскихъ ученій я знакома, но очень поверхностно, а потому не раздѣляю ихъ“. „Я знакома, пишетъ другая, только не со всѣми. Философія Ницше была бы лучше остальныхъ, но къ несчастію, онъ былъ нѣмецъ, да еще сумасшедшій“. „Немного знакомо толстовство“. „Отчасти. Больше всего нравится матеріалистическое“. „Знакомъ только съ толстовствомъ, но и это считаю для себѣ вполне достаточнымъ. Я люблю самого Толстого—эту необыкновенно свѣтлую личность; люблю и по возможности слѣдую его святому ученію“. „До нѣкоторой степени знакомъ. Особенно я симпатизирую позитивистамъ“. „Да, но совершенно не интересуюсь ими“. „Имѣю самыя элементарныя понятія,“. „Вполнѣ естественно, что, желая найти правильный путь, я обратилась къ лучшимъ мыслителямъ нашего времени, но, къ сожалѣнію, ни съ однимъ изъ нихъ я вполне не согласна. Больше всего отвѣчаетъ на мои запросы ницшеанство, но и то не совсѣмъ“. Въ такомъ же родѣ отвѣты всѣхъ остальныхъ.

Послушаемъ теперь, чего бы желали сами учащіеся отъ своихъ законоучителей. Одинъ изъ отрицательно настроенныхъ по отношенію къ христіанству высказываетъ пожеланіе, чтобы Законъ Божій вовсе не преподавался учащимся, не вѣрующимъ въ Бога. Другой корреспондентъ изъ числа колеблющихся желаетъ, чтобы „законоучитель разъяснялъ отношеніе современной науки къ религіи. Надо согласиться съ тѣмъ, что наука въ своемъ развитіи далеко отошла отъ истинъ, заключенныхъ въ Библии. Мы можемъ утверждать, что міръ созданъ не въ шесть дней, и что прародителями человѣческаго рода Адамъ и Ева не были. Человѣкъ во всемъ своемъ строеніи обнаруживаетъ поразительное сходство съ

высшими животными, а по общему плану и со всѣми, отличающаяся отъ нихъ только высшимъ развитіемъ мозга и связанныхъ съ нимъ психическихъ способностей. Я прочелъ главу въ нашемъ учебникѣ „Разборъ натуралистическихъ теорій о происхожденіи міра и человѣка“, въ которой прот. Смирновъ взялся отвергать всѣ положенія современной науки по этому вопросу, ставшія неоспоримыми истинами. Меня поразило невѣжество этой критики. Не знаю, полагался ли Смирновъ на невѣжество учениковъ, принимающихъ все это, какъ непреложныя истины; или же онъ самъ обладаетъ очень малымъ запасомъ научныхъ знаній и потому его разглагольствованія могутъ вызвать только презрительную улыбку. Очень интересуюсь тѣмъ, какъ будемъ мы проходить этотъ отдѣлъ“. „Прошло уже то блаженное время, пишетъ гимназистка, когда батюшки старались на пытливые вопросы молодежи отдѣлываться словами: „рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“. Такой отвѣтъ теперь никого не удовлетворитъ, не подвинетъ ни на сантиметръ впередъ въ познаніи Бога. Вотъ почему мнѣ кажется, что законоучителю старшихъ классовъ, какъ непосредственному руководителю религіознымъ воспитаніемъ юношества, необходимы самыя разностороннія познанія, необходимо знакомство съ врагами религіи, писателями—атеистами, необходимо самое свободное и широкое пониманіе и толкованіе богословскихъ вопросовъ“. А вотъ еще пожеланіе юноши изъ третьей категоріи нашихъ корреспондентовъ: „Больше свободы въ обсужденіи сомнѣній, больше знанія дѣла, умѣнья преподавать. Законъ Божій долженъ быть интересенъ, а не мочалкой. Меньше ссылокъ на слѣдую вѣру. Вздоръ! Все должно быть объяснено разумомъ“. До болѣзненности мучителенъ для нѣкоторыхъ вопросъ о здѣ и страданіяхъ въ мірѣ. Вотъ что пишетъ одна семиклассница: „Я глубоко сознаю, что никакое счастье людей, если бы даже оно и пришло когда нибудь, не искупитъ тѣхъ жертвъ, лучше сказать, тѣхъ несчастій, которыя вотъ уже столько столѣтій терпитъ человѣчество. Еще можно примириться съ тѣмъ, когда видишь, что человѣкъ страдаетъ, но у него есть сознаніе, что его страданія не пропадутъ даромъ, что они кому нибудь принесутъ пользу. А если этого сознанія нѣтъ, если несчастные культурные люди страдаютъ безъ цѣли, безъ смысла, какъ животныя? Да ужъ на

что лучше: чѣмъ объяснить страданія животныхъ? Кстати: послѣдній вопросъ никогда не затрогивается въ законоученіи, а между тѣмъ это вопросъ не послѣдней важности“. Эту же дѣвицу интересуесть „судьба въ загробномъ мірѣ людей, умершихъ внѣ христіанства, или внѣ іудейства (въ до-христіанскую эру), равно какъ и судьба наслѣдственныхъ преступниковъ. Не удовлетворяютъ ее объясненія законоучителей о слѣдствіи первороднаго грѣха: распространеніе его на весь родъ человѣческой объясняютъ наслѣдственностью; но развѣ не во власти Всемогущаго измѣнить наслѣдственность?“ „Среди вопросовъ религіи, пишетъ одна восьмиклассница, вопросовъ глубокихъ и интересныхъ по своему существу, рѣзко и рельефно стоитъ у меня вопросъ о томъ, какъ понять, объяснить и сознать гармонию предопредѣленія съ поступками каждаго человѣка. Какъ, напр., объяснить поступокъ Іуды Искаріотскаго? Въдѣ въ силу предопредѣленія, въ силу желанія Господа Бога кто-либо изъ смертныхъ долженъ былъ предать Іисуса Христа. Казалось бы, воля такого человѣка пресѣчена; казалось бы, онъ не отвѣтственъ за свои поступки. Въ то же время все существо, все сознаніе, все, что есть лучшаго во мнѣ, не можетъ не протестовать противъ ужаснаго, даже и жестокаго поступка Іуды. За любовь, ласку, заботы Іисуса Христа о немъ Іуда предалъ своего учителя, предалъ безжалостно и подло. Но былъ ли онъ свободенъ въ своихъ поступкахъ? Не избранъ ли онъ былъ Господомъ Богомъ, чтобы проявить всю полноту и глубину любви Бога ко всему человѣчеству? Если да, то какъ понимать его поступокъ, какъ опредѣлить степень виновности его? Какъ согласовать изреченіе Спасителя: „Ни одинъ волосъ съ головы человѣка не падетъ безъ воли Божіей“, со словами: „Мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ“. Я также страдаю и часто думаю надъ тѣмъ, какъ Господь Богъ допускаетъ при Своей милости страданія и наказуемость дѣтей за грѣхи отцовъ“.

На собраніяхъ Харьковскаго законоучительскаго кружка нерѣдко возникалъ вопросъ о темныхъ сторонахъ нашего законоучительскаго дѣла; говорилось, между прочимъ, и о слабой религіозности учащихъ старшихъ классовъ. По этому вопросу приходилось выступать и мнѣ. И вотъ что слышалъ я отъ членовъ кружка въ отвѣтъ на высказываемыя мною

мнѣнія: „Не нужно, говорили мнѣ, непременно искать темныхъ сторонъ, а нужно стараться видѣть свѣтлыя стороны дѣла и тогда эти свѣтлыя стороны непременно откроются; безрелигіозность учащихся лишь кажущаяся и происходитъ исключительно отъ дѣтскаго легкомыслія“. Данныя анкеты обнаружили, что это не совсѣмъ такъ, что оптимисты не вполне правы; хотя, съ другой стороны, и я радъ согласиться, что не слѣдуетъ смотрѣть на дѣло и вполне безнадежно. Но, какъ прежде, такъ и теперь я думаю, что отнюдь не слѣдуетъ закрывать глаза предъ грозящей опасностью, не слѣдуетъ прятать голову въ песокъ, стараться не видѣть и не слышать того, что для зрѣнія и слуха не вполне пріятно; иногда это необходимо, иногда это нашъ нравственный долгъ. Вотъ и въ данномъ случаѣ, какъ ни желательно было бы намъ, законоучителямъ, видѣть въ нашихъ ученикахъ и ученицахъ людей искренно вѣрующихъ, преданныхъ Церкви Православной,—мы не можемъ, мы не должны, мы не въ правѣ закрывать глаза на дѣйствительность, не соответствующую нашимъ желаніямъ. Скажу больше: именно эта-то печальная дѣйствительность—эти юноши, молодые, неопытные умы, очутившіеся предъ опасностью потери вѣры,—они то въ особенности должны быть предметомъ нашего вниманія, нашей заботливости и нашей любви, да, именно любви къ нимъ и искренняго сожалѣнія. Вѣдь не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, а больные! Вѣдь не всегда же они сами виноваты въ своемъ несчастіи! Вѣдь часто наиболѣе умные, наиболѣе пытливые и любознательные между учащимися подвергаются опасности впасть въ релігіозное невѣріе и отрицаніе. Митрофанушки отъ этого гарантированы, равно какъ можно не опасаться и за „кисейныхъ барышень“. (Есть между нашими корреспондентами и такіе типы).

Итакъ, мы, законоучители, должны придти на помощь учащимся. Чего ждуть отъ насъ сами учащіеся,—это они намъ сказали. Что же мы имъ дадимъ? Долженъ оговориться, что не беру на себя задачи отвѣтить на всѣ тѣ вопросы, недоумѣнія, замѣчанія и возраженія противъ истинъ религіи и, въ частности, православія, какія сдѣланы моими корреспондентами: для этого нужно было бы писать не журнальную статью, а цѣлую книгу. Я имѣю въ виду отвѣтить лишь на часть сдѣланныхъ запросовъ, наиболѣе, по моему мнѣнію, серьезныхъ.

Начнемъ съ заявленія того юноши, который желаетъ отъ законоучителя разъясненій отношенія между наукой и религіей и который выражаетъ твердую, повидимому, увѣренность, что наука далеко отошла въ сторону отъ Библии. Лично я придавалъ и придаю особенное значеніе именно этому вопросу; всегда я утверждалъ и буду утверждать, что естественно-научная апологетика религіи непременно должна войти въ курсъ Закона Божія старшаго класса средней школы. Пока этого нѣтъ, пока въ программу средней школы не введенъ хотя бы краткій курсъ апологетики основныхъ истинъ религіи, необходимо, думается намъ, по возможности расширить апологетическій отдѣлъ въ курсѣ вѣроученія, который преподается въ седьмомъ классѣ гимназій; необходимо здѣсь дать болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія о доказательствахъ бытія Божія, о душѣ человѣка, гипотезахъ о происхожденіи міра и человѣка, о матеріализмѣ, пантеизмѣ и т. п. Вѣдь дѣйствительно вопросъ объ отношеніи науки (главнымъ образомъ, естествознанія) къ религіи—острый вопросъ. Въ обществѣ широко распространенъ тотъ предрассудокъ, что наука исключаетъ религію, что можно быть или религіознымъ человѣкомъ, или образованнымъ, но то и другое вмѣстѣ не соединимо. А такъ какъ авторитетъ науки стоитъ прочно и непоколебимо, то у многихъ ли хватить смѣлости и рѣшимости во имя религіи отказаться отъ науки? И станемъ ли мы обвинять въ этомъ молодежь! Станемъ ли подрывать въ ея глазахъ авторитетъ науки! Къ счастью, этого намъ нѣтъ надобности дѣлать. Не подрывать авторитетъ науки мы должны, а при помощи именно науки мы должны разсвѣять вкоренившійся въ обществѣ предрассудокъ и показать, что истинная религія не можетъ быть во враждѣ съ истинной наукой, что конфликты возникали и возникаютъ не между наукой и религіей, а лишь между поспѣшными выводами и обобщеніями научными и философскими, съ одной стороны, и религіей или богословскими мнѣніями съ другой. Въ этомъ наша задача. И это мы должны сдѣлать въ старшихъ классахъ средней школы, когда у молодого человѣка еще не сложилось, а еще только складывается опредѣленное мировоззрѣніе, когда умъ его еще гибокъ, не затвердѣлъ еще на подобіе засохшаго гинса, когда сердце его еще отзывчиво къ выс-

шимъ запросамъ духа—къ правдѣ, добру. Позже это будетъ труднѣе сдѣлать.

Я не говорю о томъ, чтобы всѣ истины религіи законоучитель старался бы обосновать логически точно такъ, какъ онѣ обосновываются въ математикѣ. Достаточно показать, что религіозныя истины не противорѣчатъ разуму, что, напр., признавать бытіе Бога разумнѣе, нежели отрицать Бога; что признавать происхожденіе міра отъ Бога опять-таки разумнѣе, нежели приписывать это происхожденіе слѣпому случаю, или слѣпымъ силамъ природы; что только съ религіозной точки зрѣнія становятся понятными и разумными требованія нравственнаго долга, часто тяжелыя для человѣка, иногда гибельныя лично для него,—тогда какъ безрелигіозный человѣкъ, рассуждая логически, долженъ освободить себя не отъ Бога только, но и отъ совѣсти и т. д. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается задача апологетики. Большаго требовать отъ нея и невозможно, и нежелательно. Почему нежелательно, объ этомъ сейчасъ скажу.

Вѣра въ Бога должна быть свободнымъ актомъ души человѣка. Вынужденная вѣра—не добродѣтель и не можетъ вмѣняться въ заслугу человѣку. Вѣдь тамъ, гдѣ нѣтъ свободы, нѣтъ ни добродѣтели, ни преступленія. Самое благодѣтельное явленіе природы: дождь, спасающій цѣлую страну отъ засухи, отъ голода, морозъ, сковавшій рѣки какъ разъ въ то время, когда армія, спасаясь отъ непріятеля, должна была строить множество мостовъ для переправы черезъ большую рѣку и т. п.,—явленія безусловно благодѣтельныя но мы не назовемъ ихъ добродѣтельными, ибо они не свободны, а физически необходимы. Точно также гибельныя, опустошительныя грозы, ураганы и т. п. не рассматриваются нами, какъ преступныя дѣйствія по той же причинѣ, по причинѣ отсутствія въ нихъ свободы. Въ дѣйствіяхъ самаго человѣка мы трактуемъ, какъ добродѣтельное или преступное, только свободные его поступки: никто не поставитъ въ вину человѣку его низкій ростъ, рыжій цвѣтъ волосъ, неправильности въ кровообращеніи, пищевареніи и т. д., за отсутствіемъ во всемъ этомъ свободной воли самого человѣка. Если бы и вѣра человѣка не зависѣла отъ его свободной воли, то она не была бы его заслугой, да нельзя было бы и требовать отъ человѣка вѣры, какъ нельзя тре-

бовать отъ него, чтобы онъ жилъ двѣсти лѣтъ, или чтобы онъ на полъ аршина повысилъ свой ростъ. Говорятъ иногда о свободѣ науки. Намъ думается, что выраженіе „свободная наука“ это то же, что и выраженіе „квадратная окружность“, „прямая кривизна“ и т. п. Если гдѣ нибудь, то именно въ строгой точной наукѣ рѣшительно нѣтъ мѣста для свободы. Если въ прямоугольномъ треугольникѣ одинъ катетъ равенъ 3, другой 4, то гипотенуза этого треугольника ни на одну миллионную линіи не можетъ быть больше или меньше 5. Какъ бы я ни старался усумниться въ этомъ, это рѣшительно невозможно для моего сознанія. Равно какъ безусловно принудительны для моего сознанія аксіомы: цѣлое равно своимъ частямъ, часть меньше цѣлаго и т. п. Итакъ, въ наукѣ нѣтъ свободы, а есть принудительная необходимость.

Есть истины другого рода. Есть утвержденія, которыя не имѣютъ принудительной силы для моего сознанія, которыя я могу принимать, но могу и отвергать. Истины этого послѣдняго рода принимаются, или отвергаются мною только послѣ нѣкотораго размышленія, послѣ взвѣшиванія доводовъ *за* и *противъ*. И вотъ тутъ-то моя воля въ своихъ личныхъ интересахъ можетъ стремиться къ тому, чтобы сдѣлать истину убѣдительною для разума, останавливая вниманіе на доводахъ, говорящихъ въ пользу ея; или же наоборотъ: можетъ стремиться отвергнуть истину, останавливая преимущественное вниманіе на доводахъ отрицательныхъ. Справедливо говорятъ, что мы легко вѣримъ тому, что намъ нравится, ибо въ этомъ всегда легко убѣдить себя. Представьте себѣ молодого человѣка, только что окончившаго высшее учебное заведеніе. Онъ долженъ теперь отбывать воинскую повинность, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему предстоитъ отправиться съ ружьемъ на позиціи. Онъ знаетъ, что это его долгъ, что его товарищи давно уже тамъ, на поляхъ сраженій. Но вѣдь жутко отправляться чуть не на вѣрную смерть! При томъ же человѣкъ столько лѣтъ работалъ, чтобы выбиться на дорожку: приобрѣлъ дипломъ, который широко открываетъ предъ нимъ двери жизни, и... вдругъ на позиціи. И вотъ изворотливый умъ подъ вліяніемъ себялюбивой воли начинаетъ свою работу. Оно, конечно, рассуждаетъ молодой человѣкъ, защищать родину—это святой долгъ cadaго. Но, видите ли, тутъ исключительныя обстоятельства: во-первыхъ, военному искус-

ству я не обучался и не такъ легко ему обучиться; во-вторыхъ, у меня старушка-мать... ея горе... слезы... Затѣмъ, развѣ родина не нуждается въ интеллигентныхъ силахъ?... Еще: говорятъ, у меня не дурной голосъ и, если мнѣ удастся поработать надъ этимъ моимъ природнымъ дарованіемъ, быть можетъ, я послужу родному искусству. Наконецъ, я имѣю основаніе думать, что у меня не дюжинныя лекторскія способности и изъ меня можетъ выйти образцовый преподаватель исторіи, которую я такъ люблю. Если при всемъ этомъ я отправлюсь на войну и тамъ почти навѣрное буду убитъ, будетъ ли это въ интересахъ родины? Нѣтъ, очевидно нѣтъ. А потому я долженъ взять первое попавшееся мѣсто учителя, чтобы не идти на войну.

Большинство религіозно-нравственныхъ истинъ именно такого рода, что на принятіе или непринятіе ихъ оказываетъ громадное вліяніе наша воля. Потому-то вѣра и есть нравственная добродѣтель, а признаніе той истины, что дважды два—четыре, нравственной оцѣнкѣ не подлежитъ.

Только что указанную нами мысль прекрасно иллюстрируетъ Достоевскій на такомъ примѣрѣ. Иудеи, издѣваясь надъ распятымъ Христомъ, говорили: *Если Онъ Царь Израилевъ, пусть сойдетъ со креста и увѣруемъ въ него.* Конечно, Онъ могъ бы сойти со креста, могъ бы этимъ тысячную толпу заставить увѣровать въ Себя. Но развѣ такая вынужденная вѣра имѣла бы какую нибудь нравственную цѣнность?

Вотъ именно въ виду этого я сказалъ, что задача апологетики не въ томъ состоитъ, чтобы математически доказать истины религіи, а въ томъ, чтобы облегчить путь къ вѣрѣ для ума, склоннаго по тѣмъ или инымъ причинамъ къ религіозному невѣрію. „Если-бы, пишетъ одинъ юноша, законоучитель доказалъ мнѣ существованіе Бога безъ всякихъ апостоловъ, св. писаній и преданій, то я бы твердо увѣровалъ“. Можетъ быть, это такъ, милый юноша, но грошъ цѣна была бы этой вашей вѣрѣ и вы съ ней очутились бы вдали отъ Бога, не были бы Его сыномъ и Онъ не былъ бы вашимъ отцомъ. Какъ такъ? Почему? А вотъ почему. Представьте себѣ, что вы сказали бы вашей родной матери: „мама я хочу, чтобы моя любовь къ тебѣ была разумной, а не слѣпой; а для этого я хочу имѣть въ рукахъ доказательство того, что

я дѣйствительно твой родной сынъ, а не пріемышъ, узаконенный тобою“. Представьте себѣ, что мать стала бы предъявлять вамъ метрическія свидѣтельства, приводить свидѣтелей и проч., чтобы убѣдить васъ. Что же въ концѣ концовъ получилось бы? А то, что вмѣстѣ съ этимъ и насталь бы конецъ вашимъ близкимъ родственнымъ отношеніямъ: вы стали бы чужимъ для вашей родной матери, по отношенію къ которой у васъ не оказалось сыновняго довѣрія. Подобно этому и Богъ требуетъ отъ своихъ послѣдователей сыновняго чистосердечнаго довѣрія, а не убѣжденности, основанной на формальныхъ логическихъ доказательствахъ.

А вотъ еще юноша, котораго отталкиваетъ отъ религіи „слѣпая вѣра, требуемая христіанствомъ вообще. Человѣкъ — существо, отличающееся отъ животнаго только разумомъ, а потому апробація разума необходима во всемъ“.

Будь это мой ученикъ и знай я его душевное настроеніе, я бы постарался показать ему, насколько узки тѣ границы, въ предѣлахъ коихъ разумъ въ правѣ заявлять притязаніе на господство; какъ часто самъ этотъ разумъ сознаетъ свое безсиліе, проклинаетъ это собственное безсиліе, мучается, терзается имъ; какъ неизбежно растутъ тайны, по мѣрѣ все большаго расширенія границъ познаваемаго. Большое впечатлѣніе производитъ на учащихъ, когда, говоря на эту тему, приводишь наглядное сравненіе, какое сдѣлалъ Спенсеръ. Пусть всѣ наши познанія заключаются въ маленькомъ шарикѣ, внѣ котораго находится область невѣдомаго, область тайны. Поверхность шара представляетъ собою границу между тѣмъ, что намъ неизвѣстно, и тѣмъ, что является еще тайной. Допустимъ теперь, что мы расширили область своего познанія, завоевали нѣкоторыя тайны. Теперь шаръ, въ которомъ заключены наши познанія, увеличился въ объемъ; пусть онъ удвоился. Что-же! граница между извѣстнымъ и таинственнымъ уменьшилась, сократилась по этому? Площадь поверхности шара стала меньше? Какъ разъ наоборотъ. Она расширилась, возросла. Точно также по мѣрѣ того, какъ мы расширяемъ сферу нашихъ познаній, мы все больше и больше видимъ таинственнаго: неразрѣшимые вопросы возникаютъ тамъ, гдѣ до того мы и не подозревали самаго существованія такихъ вопросовъ. Деревенскій мальчишка, забавляющійся швыряніемъ камешковъ въ воду, никогда не

поставить себѣ вопроса о томъ, почему камешекъ, брошенный имъ вверхъ, долженъ все таки упасть внизъ; для мальчишки такого вопроса не существуетъ и никакой тайны тутъ онъ не подозреваетъ. А человекъ, знакомый съ физикой, знаетъ, что сила притяженія—загадка, еще не разрѣшенная наукой.

Однажды у меня среди ученицъ оказалась ярая рационалистка уже въ V классѣ. Чуть не по каждому вопросу она выступаетъ съ возраженіями, требуетъ доказательствъ и именно доказательствъ отъ разума. Нельзя было не отвѣчать, хотя, сказать по правдѣ, было иногда неприятно терять время на разъясненіе вздорныхъ вопросовъ и возраженій. Одинъ разъ послѣ моей бесѣды о почитаніи иконъ, гдѣ я говорилъ, между прочимъ, и о томъ, что и вещество иконы для сердца христіанина имѣетъ особенное значеніе, дѣвица-рационалистка встаетъ и заявляетъ, что для нея сердце не авторитетъ, что она руководится въ своей жизни и въ своихъ поступкахъ холоднымъ разсудкомъ, а не сердцемъ, и что такъ и быть должно: сердцу надо дать полную отставку. Хорошо, говорю, давайте станемъ на вашу точку зрѣнія и посмотримъ, что будетъ. На дняхъ у одной моей знакомой курсистки-жены студента умеръ ребенокъ. Съ точки зрѣнія холоднаго разсудка, трупикъ ребенка—это комочекъ земли, нѣчто некрасивое, издающее дурной запахъ, и ужъ, конечно, цѣловать этотъ комочекъ, плакать надъ нимъ, украшать гробикъ и затѣмъ могилку цвѣтами,—вовсе не рационально, не правда-ли?—Конечно, это глупо, былъ отвѣтъ ученицы.—Вмѣсто того, чтобы идти за гробикомъ на кладбище, со слезами опускать въ могилу, курсистка-мать, быть можетъ, разумнѣе поступила бы, если бы поручила все это сдѣлать могильщикамъ, а сама поторопилась бы на лекцію? Не правда-ли?—Конечно, такъ.—Классъ начинаетъ насмѣшливо улыбаться.—А не находите ли вы, что при данныхъ обстоятельствахъ можно было бы поступить еще рациональнѣе такъ. Курсистка, о которой я говорю, медичка. Она изучаетъ анатомію. Въ анатомическомъ театрѣ иногда не хватаетъ труповъ. Не слѣдовало ли нашей курсисткѣ-медичкѣ трупикъ ребенка свезти въ анатомическій театръ съ цѣлью... изучать на немъ анатомію человѣческаго тѣла? Какъ вы полагаете?—Совопрсница на минуту призадумалась, а потомъ вдругъ отчеканила: да, я такъ и сдѣлала бы. Отвѣтъ былъ для класса неожиданный и произвелъ на

всѣхъ такое впечатлѣніе, что почти всѣ ученицы энергично запротестовали.—Если вы говорите это искренно, сказалъ я, то я признаю себя побѣжденнымъ.

Что касается жалобъ нѣкоторыхъ юношей на фальсификацію „историческаго христіанства“, на обиліе въ православной церкви сложныхъ и будто-бы нелѣпыхъ обрядовъ въ православномъ богослуженіи, на недостойное поведеніе духовенства и т. п., то съ подобнаго рода мнѣніями юношества, обыкновенно позаимствованными у старшихъ, или же изъ враждебной христіанству художественной литературы, всякій законоучитель легко можетъ справиться, показавъ, что историческое христіанство—то же самое, что было при апостолахъ; что бессмысленными обряды богослужебные представляются лишь до тѣхъ поръ, пока ихъ не понимаешь; что, если поведеніе многихъ изъ духовенства заслуживаетъ осужденія, то вѣдь религія-то въ этомъ не виновата.

Труднѣе разрѣшить сомнѣнія другого рода. Какъ, напр., разъяснить мучительный вопросъ гимназистки, которую тревожитъ участь Іуды—предателя? Съ одной стороны, Іуда является орудіемъ Божественныхъ предначертаній, стало быть, неповиненъ въ своемъ злодѣяніи; съ другой,—его поступокъ—поступокъ нравственнаго урода, злодѣя. Для болѣе зрѣлаго ума дѣло представляется понятнымъ: да, Іуда—орудіе промысла Божія и Богъ предвидѣлъ его злодѣяніе. Но предвѣдѣніе не лишило Іуду его свободной воли и потому не снимаетъ съ него отвѣтственности. Но по опыту знаю, что чрезвычайно трудно растолковать это дѣтямъ. Или другой вопросъ, выдвигаемый также гимназисткой,—о злѣ и страданіяхъ въ мірѣ, особенно о страданіяхъ ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей. По поводу этого вопроса, когда мнѣ приходится затрагивать его на урокъ, я съ полной откровенностію заявляю классу: вотъ, господа, область, гдѣ одинъ дуракъ можетъ предложить больше вопросовъ, чѣмъ сколько въ состояніи разрѣшить десять мудрецовъ. И я не претендую дать вамъ въ этомъ случаѣ полное, исчерпывающее объясненіе. Но видите ли, въ чемъ дѣло. Когда мать отнимаетъ у ребенка опасную для него игрушку, или когда она подвергаетъ больного ребенка мучительной операци, вынимая, напр., изъ пальчика занозу, въ состояніи ли маленькій ребенокъ понимать, что мать такъ поступаетъ именно потому, что любить его? Конечно, нѣтъ,

конечно, ребенокъ будетъ думать, что мать несправедлива, жестока къ нему. Не пойметъ ребенокъ этихъ поступковъ матери потому, что слишкомъ велико разстояніе между его умишкомъ и умомъ взрослога человѣка. А вѣдь разстояніе между умомъ Бога и умомъ взрослога, даже гениальнаго человѣка безконечно. Стало быть, наше непониманіе многихъ дѣйствій Божества не только естественно, но иногда и неизбежно. Если-бы было иначе, если-бы человѣкъ все понималъ въ дѣйствіяхъ Божественнаго промысла, то онъ или самъ сталъ бы Богомъ, или Богъ пересталъ бы быть имъ и сталъ бы равнымъ человѣку. Послѣ такого предупрежденія можно представить нѣкоторыя догадки для объясненія страданій, повидимому, незаслуженныхъ самими страдальцами. Полезно при этомъ бываетъ провести изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“ {Достоевскаго сцену, гдѣ Иванъ Карамазовъ и Алеша бесѣдуютъ между собою именно объ этомъ предметѣ и гдѣ Алеша, сперва смущенный логическими доводами Ивана, потомъ какъ бы внезапно прозрѣвшій, съ одушевленіемъ говорить, что онъ знаетъ Того, Кто все можетъ простить, потому что Самъ претерпѣлъ незаслуженныя страданія.

Замѣтка моя непомѣрно разрослась, и потому я не буду касаться другихъ вопросовъ, выдвинутыхъ моими корреспондентами. Скажу лишь въ заключеніе два слова объ отношеніи къ моей затѣѣ о.о. законоучителей.

Нѣкоторые изъ нихъ отнеслись очень сочувственно и помогли мнѣ распространить среди учащихъ анкетные листики, за что приношу имъ искреннюю благодарность. Другіе по совершенно непонятнымъ для меня причинамъ постарались оказать противодѣйствіе¹⁾: Кажется, этимъ можно объяснить то обстоятельство, что отвѣтовъ получено ограниченное количество.

Законоучитель реальнаго училища проф. Г. Ф. Буракова,

Протоіерей Н. Дмитскій.

¹⁾ Одинъ изъ нихъ не остановился даже предъ доносомъ г. Почетителю округа.

Психологія отроческаго возраста.

Дѣтство уже съ конца прошедшаго столѣтія и доселѣ привлекаетъ къ себѣ вниманіе родителей, врачей и психологовъ, опубликовавшихъ свои цѣнныя изслѣдованія. Среди нихъ есть и работы болѣе или менѣе общаго характера. Но слѣдующее за дѣтствомъ отрочество еще не сдѣлалось предметомъ такого изслѣдованія, въ которомъ бы были обобщены и систематизированы въ краткомъ видѣ частныя многочисленныя наблюденія и эксперименты надъ отроками. Этотъ пробѣлъ въ педагогической литературѣ нужно признать весьма важнымъ, потому что отроки представляютъ собою самый многочисленный кадръ учениковъ, съ которыми приходится имѣть дѣло и всѣмъ учителямъ начальныхъ школъ и многимъ учителямъ среднихъ учебныхъ заведеній. Идя на встрѣчу ихъ потребности, мы и предлагаемъ краткую характеристику отроческаго возраста.

Среди врачей и психологовъ нѣтъ согласія ни въ опредѣленіи границъ возрастовъ, ни даже въ обозначеніи ихъ опредѣленными словами. Большинство западноевропейскихъ ученыхъ подъ отрочествомъ разумѣютъ возрастъ половой зрѣлости, когда окончательно опредѣляются половыя отличія между мальчиками и дѣвочками. Такъ, напр., поступаютъ проф. Мейманъ, Компейре, Ст. Холль и многіе другіе. Они отводятъ отроческому возрасту періодъ времени отъ 14 приблизительно лѣтъ до 18. Возрастъ же, непосредственно предшествующій отрочеству и обнимающій время отъ 8 до 14 лѣтъ, одни (напр., Мейманъ) называютъ „позднимъ дѣтскимъ возрастомъ“, другіе же (напр. Штрацъ) „двуполымъ возрастомъ“, третьи — „школьнымъ возрастомъ“. Русскіе же ученые склонны называть отрочествомъ вотъ этотъ именно

поздній дѣтскій возрастъ, такъ неудачно названный двушолымъ. Не указывая далѣе детальныхъ разногласій и не вдаваясь въ полемику по поводу ихъ, замѣтимъ, что причина разногласія въ опредѣленіи границъ возрастовъ заключается въ неодинаковой быстротѣ развитія чловѣка подъ вліяніемъ очень многочисленныхъ и разнообразныхъ факторовъ. „Человѣческое существо, пишетъ Компейре¹⁾, не похоже на стволъ бамбуковаго дерева, состоящій изъ расположенныхъ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга наростовъ, раздѣляющихъ его на рядъ отрѣзковъ. Напротивъ, слѣдующіе одинъ за другимъ возрасты чловѣческой жизни незамѣтно переходятъ одинъ въ другой: характерные признаки каждаго изъ нихъ такъ перешлетаются, что ихъ трудно распутать“. Причина же менѣ важнаго разногласія въ названіяхъ возраста кроется, по нашему мнѣнію, въ законахъ словоупотребленія, свойственнаго тому или другому народу. Въ дальнѣйшемъ очеркѣ мы подъ отрочествомъ будемъ разумѣть школьный возрастъ, заполняющій промежутокъ между дѣтствомъ и такъ наз. переходнымъ возрастомъ.

Отроческій возрастъ начинается приблизительно съ 7 лѣтъ и продолжается до 12—13 лѣтъ у дѣвочекъ и 14—15 лѣтъ у мальчиковъ. Къ 7 годамъ мозгъ въ своемъ объемѣ и вѣсѣ почти достигаетъ свойственныхъ данной организаци предѣловъ. Около 7 лѣтъ молочные зубы выпадаютъ и замѣняются постоянными; прибавляется, кромѣ того, 8 большихъ коренныхъ зубовъ; около же 12—13 лѣтъ у дѣвочекъ и на два года позднѣе у мальчиковъ начинается половое созрѣваніе, служащее характерною фізіологическою чертою переходнаго возраста. Измѣненія въ зубахъ отражаются на формѣ лица отрока: изъ кругловатаго и неопредѣленнаго, съ мягкими и расплывчатыми чертами, въ дѣтствѣ, оно дѣлается продолговатымъ и болѣе характернымъ. Тѣло отрока растетъ медленнѣе, чѣмъ у ребенка, но сравнительно съ взрослымъ, темпъ тѣлесной жизни отрока значительно быстрѣе. Такъ, кровообращеніе совершается быстрѣе, чѣмъ у взрослыхъ, въ чемъ можно убѣдиться по сравнительной быстротѣ біеній пульса. Работа сердца у отрока, слѣд., болѣе

¹⁾ Компейре. Отрочество. Спб. 1910 г. стр. 21.

значительна и напряжена, чѣмъ у взрослога тѣмъ болѣе, что и сердце его сравнительно не велико; но за то кровяное давленіе у отрока меньше, чѣмъ у взрослога по той причинѣ, что относительная величина кровеносныхъ сосудовъ отрока больше, чѣмъ у взрослога. Емкость легкихъ у отрока значительно уступаетъ емкости легкихъ у взрослога, но за то отрокъ дышетъ чаще, чѣмъ взрослый. Мускульная система отрока сравнительно съ ребенкомъ значительно укрѣпляется: она становится и сильнѣе и пластичнѣе. Вслѣдствіе этой пластичности никогда тѣло человѣка не застраховано въ такой степени отъ разнаго рода поврежденій, какъ теперь: ушибы, паденія и сотрясенія отрокъ переноситъ съ меньшимъ ущербомъ для организма, чѣмъ ребенокъ или юноша. Движенія отрока превосходятъ по быстротѣ, но уступаютъ въ равномѣрности движеніямъ взрослыхъ людей. Ощущенія движенія у отрока въ общемъ болѣе тонки, чѣмъ у взрослыхъ; то же нужно сказать и о чувствительности кожи. Для того, чтобы отрокъ получилъ отъ ножекъ циркуля два осязательныхъ ощущенія, нужно ихъ раздвинуть на меньшее разстояніе, чѣмъ у взрослога. Особенно велика острота зрѣнія у отроковъ. „Бываютъ случаи, пишетъ Мейманъ, что дѣти обнаруживали вдвое и даже втрое большую остроту зрѣнія по сравненію съ нормальнымъ зрѣніемъ взрослога человѣка“¹⁾. Въ общемъ темпъ тѣлесной жизни болѣе ускоренъ у отрока, чѣмъ у взрослога, приходъ энергіи значительно превышаетъ расходъ ея, хотя запасъ ея у отрока сравнительно съ ресурсами взрослога не великъ. Въ зависимости отъ такого соотношенія между быстротой проявленій и незначительнымъ запасомъ энергіи, отрокъ при всякой физической и психической работѣ утомляется гораздо скорѣе, чѣмъ взрослый, но за то скорѣе и полнѣе возстановливаетъ свои силы во время отдыха.

Переходя къ характеристикѣ психической жизни отрока, мы предварительно считаемъ необходимымъ сдѣлать одно замѣчаніе. Германскіе матеріалисты половины 19 столѣтія, въ видахъ объясненія психической жизни изъ дѣятельности мозга и нервовъ, пытались свести всю психиче-

¹⁾ Мейманъ. Лекціи по экспериментальной педагогикѣ. Часть 1. Изд. 8 М. 1914 г. стр. 74. Изъ этой же книги мы взяли большую часть данныхъ по физиологій отрока.

скую дѣятельность къ такъ назыв. рефлексу головного мозга. Онъ состоитъ изъ трехъ моментовъ: 1) возбужденія извнѣ чувствительныхъ нервовъ, 2) преобразованія возбужденія внутри, въ нервныхъ центрахъ и 3) разряженія возбужденія во внѣ, посредствомъ двигательныхъ нервовъ и мускуловъ. Не раздѣляя материалистической тенденціи, многіе современные ученые (Джемсъ, Мюнстербергъ, Паульсенъ, Лай и др.) принимаютъ эту формулу, но съ существеннымъ дополненіемъ ея со стороны психической. Въ связи съ возбужденіемъ чувствительныхъ нервовъ въ тѣлѣ—возникаетъ въ душѣ воспріятіе, или впечатлѣніе; въ связи съ возбужденіемъ въ тѣлѣ нервныхъ центровъ—возникаетъ въ душѣ переработка и осложненіе воспріятія воспоминаніями, образами фантазіи, мыслями, чувствованіями и желаніями; съ возбужденіемъ въ тѣлѣ двигательныхъ нервовъ соединяется волевое возбужденіе, которое фізіологически проявляется въ движеніи или задержкѣ его. *Воспріятіе, переработка* (и осложненіе) его и *движеніе* (или задержка его)—вотъ къ чему сводится механизмъ психической дѣятельности. Поясимъ на примѣрѣ. Мальчикъ идетъ мимо чужого цвѣтника. Онъ видитъ цвѣты,—это—воспріятіе. Онъ припоминаетъ ихъ пріятный запахъ, они ему нравятся, и ему хочется сорвать ихъ,—это—переработка воспріятія. Онъ наклоняется, протягиваетъ руку къ цвѣтамъ и срываетъ ихъ,—это—движеніе. Въ этомъ случаѣ психическій процессъ закончился положительно,—совершеніемъ внѣшняго дѣйствія. Но онъ могъ бы закончиться и отрицательно,—воздержаніемъ отъ внѣшняго дѣйствія. Представимъ на мѣстѣ мальчика взрослого человѣка. Когда онъ проходитъ мимо цвѣтника и видитъ красивые цвѣты, то и ему хочется сорвать ихъ. Онъ также припоминаетъ ихъ пріятный запахъ, представляетъ, какой бы роскошный букетъ онъ составилъ изъ нихъ,—все это побуждаетъ его совершить тѣ движенія, какія совершилъ мальчикъ. Вотъ уже онъ наклонился къ цвѣтамъ, рука его почти прикоснулась къ нимъ, но въ этотъ моментъ онъ соображаетъ, что цвѣтникъ не—его, что рвать чужіе цвѣты преступно, что сорванные цвѣты быстро вянутъ—и налаженные было уже движенія хватанія и срыванія задерживаются.

Первый (воспріятіе) и третій (движеніе) моменты психическаго процесса болѣе внѣшняго характера: очень явственно выступаютъ въ нихъ физическіе и физиологическіе элементы. Второй же, срединный между воспріятіемъ и движеніемъ моментъ (переработка) болѣе внутренняго характера: физическаго элемента въ немъ нѣтъ, а физиологическій протекаетъ болѣе скрыто. Чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ значительнѣе у него эта переработка впечатлѣній,—значительнѣе и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи; при неразвитости же душевной жизни получаютъ преобладаніе надъ среднимъ моментомъ два крайнихъ—впечатлѣніе и движеніе. Въ началѣ всякаго развитія—впечатлѣніе и движеніе слиты во-едино: они составляютъ одинъ сенсомоторный (чувствительно-двигательный) актъ. Сенсомоторное отношеніе немедленно направляется извнѣ (отъ внѣшняго раздраженія) обратно во внѣшній міръ (къ двигательному разряженію). Такіе сенсомоторные акты называются рефлексорными и совершаются безъ участія высшихъ нервныхъ центровъ (такъ наз. коры большого головного мозга). Если бы на мѣстѣ мальчика около цвѣтовъ оказался младенецъ, то возможно, что у него зрительное ощущеніе отъ цвѣтовъ само по себѣ, безъ всякихъ представленій, чувствованій и желаній, т. е. безъ какой-то бы то ни было переработки, вызвало бы хватательное движеніе. Съ полнымъ правомъ его бы можно было назвать рефлексомъ. Прогрессъ развитія въ томъ и состоитъ, что между крайними дѣйствіями (впечатлѣніемъ и движеніемъ) вдвигается все болѣе и болѣе осложняющійся и усиливающійся срединный членъ,—переработка. Крайніе члены—впечатлѣніе и движеніе—становятся независимыми другъ отъ друга: впечатлѣнія могутъ не переходить въ движенія, и движенія могутъ выполняться независимо отъ впечатлѣній. Но, освобождаясь отъ зависимости другъ отъ друга, впечатлѣнія и движенія все болѣе и болѣе подчиняются среднему моменту психическаго процесса—внутренней переработкѣ, которая по мѣрѣ развитія дѣлается значительнѣе по количеству и цѣннѣе по качеству. Если отмѣтить физиологическую подкладку этого развитія, то нужно сказать, что оно состоитъ въ расширеніи дѣятельности коры большого головного мозга; а если обратить вниманіе на психическую сторону развитія, то его можно отождествить съ расширеніемъ дѣятельности сознанія.

Преобладаніе въ психической жизни впечатлѣній и движеній при бѣдности и слабости внутренней переработки и составляет основную отличительную черту отрока сравнительно съ взрослымъ. Отрокъ, чѣмъ моложе, тѣмъ въ большей части своего существа сотканъ изъ впечатлѣній и движеній. Онъ все время охотится за впечатлѣніями, стараясь захватить и собрать ихъ, какъ можно больше. Все его касается, до всего ему дѣло. Безъ преувеличенія можно сказать, что отрокъ—самый неутомимый наблюдатель и экспериментаторъ. Онъ все старается разглядѣть, не смотря на запрещенія и запертыя двери; онъ ко всему прислушивается и даже готовъ заняться подслушиваніемъ; онъ ко всему прикасается, не довольствуясь зрительными ощущеніями; онъ даже и животныхъ мучить съ цѣлію пострѣть, что изъ этого выйдетъ, и зафиксировать измѣненія въ своихъ зрительныхъ и слуховыхъ ощущеніяхъ. Если обстановка богата впечатлѣніями, то отрокъ живетъ полною жизнью; душа его насыщена, умъ полонъ содержанія. Если же прекращается притокъ впечатлѣній, то отрокъ сейчас же начинаетъ страдать отъ сознанія душевной пустоты. Одно изъ самыхъ распространенныхъ и тяжелыхъ чувствованій—скука, истекающая отъ недостатка подходящей пищи для ума, преслѣдуетъ отроковъ ничуть не меньше, чѣмъ взрослыхъ людей. Чтобы избавиться отъ нея, отрокъ пускается на всевозможныя шалости и экстравагантности.

Въ своей постоянной охотѣ за ощущеніями отрокъ естественно все время находится въ движеніи. Подвижность отрока—фактъ общеизвѣстный. Здоровый мальчикъ не можетъ долго сидѣть на одномъ мѣстѣ. Каждый отрокъ тысячи разъ слышитъ отъ взрослыхъ то, что говорила старушка няня Илюшѣ Обломову. „Ахъ ты, Господи, что это за ребенокъ, за юла за такая! Да посидишь-ли ты смирно, сударь? Стыдно!“ Какъ бы мы ни стыдили отрока, онъ не перестанетъ бѣгать, скакать, кататься на конькахъ, санкахъ, а то и безъ нихъ; онъ не можетъ не играть съ товарищами, не лазить по деревьямъ и крышамъ, не болтать безъ умолку, не цѣть и не мѣшать своими движеніями взрослымъ. Сила, болѣе могущественная, чѣмъ старшіе люди, заставляетъ ихъ вѣчно работать своими мускулами. Имя этой силы—природа, законъ ея—проявлять избытокъ энергіи, который, въ

противномъ случаѣ, становится тяжелымъ бременемъ для носителя ея. Если бы кто-нибудь записалъ всѣ движенія отрока въ теченіе дня, то получилась бы очень внушительная цифра, но, къ сожалѣнію, такая задача неосуществима: до того многочисленны, разнообразны и быстры его движенія. Не только вѣчно бѣгающіе глаза, но и болѣе солидные органы—туловище, шея и особенно руки и ноги—рѣдко бываютъ въ состояніи покоя. Пробыть долгое время въ неподвижномъ состояніи для отрока такъ же тяжело, какъ здоровому младенцу лежать въ варварскихъ пеленкахъ, или лѣсной птичкѣ не прыгать съ вѣтки на вѣтку. Вотъ почему въ классѣ, когда строгій учитель требуетъ, чтобы ученикъ сидѣлъ неподвижно, рѣдкій изъ учениковъ выполняетъ это требованіе въ полномъ объемѣ. Часто случается, что ученикъ, по видимому, въ оба глаза, внимательно смотритъ на учителя, а между тѣмъ украдкой его руки за партой и ноги подъ партой выполняютъ заданный природой урокъ. Частое поднятіе руки, какъ показатель желанія отвѣчать; мышленіе вслухъ, принимаемое иногда ошибочно за подсказываніе; желаніе быть вызваннымъ къ отвѣту, что такъ неприятно старшимъ ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній; любовь къ хоровымъ отвѣтамъ и другимъ учебнымъ дѣйствіямъ—не объясняются-ли въ значительной степени склонностію отрока къ движеніямъ? Когда эта склонность не удовлетворяется, то отрокъ столько же страдаетъ отъ неподвижности тѣла, сколько отъ неподвижности и пустоты ума. Посмотрите, какъ ведутъ себя ученики начальныхъ школъ въ церкви за богослуженіемъ? Простоятъ свыше 2 часовъ на одномъ мѣстѣ и неподвижно свыше ихъ сидѣ. Взрослый же легко можетъ простоять и больше времени. Ему есть о чемъ помолиться, есть о чемъ и подумать; ему не трудно и держать свое тѣло въ неподвижномъ состояніи; онъ иногда даже предпочитаетъ это состояніе, потому что по опыту знаетъ, что при этомъ условіи стояніе менѣе утомляетъ. Справедливо-ли, при такой подвижности отрока, требовать, чтобы отроки во время уроковъ, въ классѣ, и во время богослуженія, въ церкви, были бы неподвижными статуями, которымъ разрѣшаются только движенія глазъ и грудной клеточки? Справедливо-ли быть строгимъ къ отрокамъ въ случаѣ нарушенія ими „общественной тишины и порядка“?

Постоянно возобновляющіяся ощущенія и никогда не прекращающіяся движенія сообщаютъ мальчику и дѣвочкѣ ту черту, которая называется живостію. Но эта живость существуетъ насчетъ сосредоточенности. Многие множество ощущеній и движеній, развлекая вниманіе, мѣшаютъ надлежащей переработкѣ воспринятыхъ впечатлѣній. Впечатлѣнія, хотя быстро и надолго закрѣпляются въ памяти отрока, но недостаточно осмысливаются по многимъ причинамъ— часто вслѣдствіе неспособности отрока къ сосредоточенію, по слабости воли, еще чаще вслѣдствіе отсутствія у него руководящихъ представленій о пространствѣ, времени, причинной связи и т. п. Процессы усвоенія значительно преобладаютъ надъ процессами осмысливающей и оцѣнивающей переработки воспринятаго.

Слабость у отрока внутренней переработки всего ярче сказывается въ неспособности мальчика объединить отдѣльныя впечатлѣнія въ одну общую картину. Часто приходится видѣть, какъ родители, желая доставить дѣтямъ эстетическое наслажденіе, показываютъ имъ разстилающіяся внизу панорамы или торжественныя процессіи, для чего въ послѣднемъ случаѣ иногда поднимаютъ ихъ и держатъ долгое время на рукахъ, съ большими усиліями для себя и неудобствами для нихъ. Напрасный трудъ! По наблюденіямъ педагоговъ, дѣти, начиная съ 8 или 9-го года, вступаютъ въ періодъ преобладанія анализа ¹⁾. Это означаетъ, что они пріобрѣтаютъ точное знакомство съ отдѣльными вещами, хорошо замѣчаютъ ихъ части и свойства, но неспособны соединять подробности въ одну цѣльную картину и осмыслить ее. Неспособность дѣтей къ объединенію частныхъ въ одно общее обнаруживается безразлично къ тому, будемъ-ли мы показывать имъ ландшафтъ или картину художника. Венгерскій ученый Наги, написавшій изслѣдованіе о дѣтскихъ интересахъ, такъ передаетъ свои наблюденія надъ дѣтьми во время прогулки. Мальчики и дѣвочки, остановленные на горѣ предъ великолѣпнымъ видомъ на далекія окрестности, не были поражены красотой общей картины, а интересовались только однѣми частностями. Лишь одна 15-лѣтняя дѣвочка воскликнула: „Ахъ, какъ красиво!“ ²⁾. Когда

¹⁾ Мейманъ. Лекціи по exper. педаг., ч. I., стр. 111—112.

²⁾ Нисарева. Дѣтскіе интересы. Спб., 1914 г., стр. 46.

показываютъ дѣтямъ моложе 12 лѣтъ картину художника, то они обыкновенно болѣе или менѣе добросовѣстно перечисляютъ всѣ предметы, изображенные на картинѣ,—и только. Напр., семилѣтняя дѣвочка такъ описала по картинкѣ крестьянскую комнату: „мужчина, женщина, колыбель, кровать, мальчикъ, стулъ, скамейка, кукла, три картины, крестъ, окно, крестьянскій паренъ, столъ, тарелка, миска“¹⁾. Въ собственныхъ рисункахъ дѣтей также обнаруживается это пристрастіе ихъ къ частностямъ и неспособность синтезировать ихъ въ одномъ сложномъ образѣ. Часто, по словамъ Меймана, ребенокъ рисуетъ отдѣльныя части вагона, дома или церкви, просто одну подлѣ другой. Бываетъ и такъ, что ребенокъ рисуетъ, напр., домъ съ замочной скважиной, или дѣвочку съ пуговицами, или человекъ съ носомъ, при чемъ изъ сопоставленія нарисованнаго прямо открывается, что вся суть именно въ замочной скважинѣ, лѣстницѣ и носѣ, что ради нихъ именно сдѣланъ былъ весь рисунокъ, который поэтому намѣчался только нѣсколькими штрихами²⁾.

Недостаточность внутренней переработки при живости отроковъ мы называемъ основною чертою ихъ, потому что ею обуславливается множество другихъ признаковъ, отличающихъ отрока отъ взрослога человекъ. Въ числѣ ихъ мы укажемъ на элементарность ихъ психики, на экспансивность, быструю измѣнчивость, импульсивность, узость кругозора, конкретизмъ, пассивность, субъективизмъ и оптимизмъ.

Психику отрока можно назвать элементарной въ двухъ отношеніяхъ—въ отношеніи содержанія и въ отношеніи склада. Въ первомъ отношеніи психика отроковъ называется элементарной потому, что въ душѣ ихъ низшія, простыя и психофизическія состоянія преобладаютъ надъ высшими, сложными и болѣе духовными. У мальчюка сильнѣе развиты память и воображеніе, чѣмъ высшія способности—разсудокъ и разумъ; высшія, связанная съ идеями разума, чувствованія (интеллектуальныя, эстетическія, нравственныя и религіозныя) даны въ зачаточномъ видѣ, тогда какъ низшія, свя-

¹⁾ Каптеревъ. Педагогическая психологія, изд. 3., стр. 43.

²⁾ Мейманъ, цитир. соч., стр. 116.

занныя съ ощущеніями, и среднія по своей высотѣ чувствованія, соединяемыя съ представленіями, выступаютъ съ значительной силой и полной опредѣленностію; онѣ не имѣютъ еще сложныхъ волевыхъ образованій (склонностей, страстей, характера), плохо владѣютъ вниманіемъ и весь находится во власти неясныхъ стремленій, скоропреходящихъ порывовъ, минутныхъ желаній, новыхъ неожиданныхъ и сильныхъ впечатлѣній. Далѣе отроческая память и воображеніе, составляющія предметъ удивленія взрослыхъ, не высококачественны. Память отличается механическимъ характеромъ, а воображеніе—скудностію и подражательностію. Психофизическія состоянія у отроковъ преобладаютъ надъ болѣе психическими. Какъ первые философы свое вниманіе направляли на внѣшній міръ и олицетворяли его, считая матерію одушевленной, такъ и дѣти внѣшнимъ міромъ заняты неизмѣримо больше, чѣмъ внутреннимъ. Ихъ интересуютъ не личныя душевныя состоянія,—смутныя, расплывчатыя, текучія,—а яркія и разнообразныя явленія, предметы и существа окружающей ихъ дѣйствительности. Произведенные проф. Нечаевымъ опросы дѣтей, при которыхъ они должны были, какъ можно скорѣе, указать пріятныя и непріятныя, смѣшныя и страшныя для нихъ предметы, убѣждаютъ въ томъ, что у нихъ ассоціаціи внѣшнія преобладаютъ надъ внутренними. Въ связи съ этимъ находится ихъ предпочтеніе количества предъ качествомъ, матеріальныхъ благъ предъ духовными, какъ менѣе понятными для нихъ. Когда имъ предлагаютъ выбрать что-нибудь, то они при выборѣ чаще руководятся величиной предмета, чѣмъ качествомъ его. И преклоняются отроки предъ физической силой, ловкостью, богатствомъ; умственная же сила часто ими не замѣчается, а высшія проявленія нравственной силы (напр. смиреніе, прощеніе) даже перетолковываются. Въ душѣ отроковъ, по словамъ Паульсена, много животности, которую нужно превратить въ человѣчность. Не потому-ли дѣти такъ любятъ птицъ и животныхъ? Не лучше-ли они понимаютъ своихъ безсловесныхъ друзей, чѣмъ взрослыхъ людей, слишкомъ похожихъ иногда на запечатанную книгу?!

Отроческая душа можетъ быть названа элементарной и въ отношеніи строя: въ ней нѣтъ надлежащей согласованности между отдѣльными переживаніями. Одинъ изъ вла-

стителѣй про окружавшихъ его людей говорилъ, что они напоминаютъ ему трехъэтажные дома: въ одномъ этажѣ у нихъ мысли, въ другомъ—чувства и желанія и въ третьемъ—поступки. Съ большимъ правомъ можно сказать это про отроковъ, хотя они, какъ увидимъ далѣе, и не заслуживаютъ упрека въ хитрости и неискренности. У отроковъ мысли, чувства и поступки не согласованы настолько другъ съ другомъ, чтобы образовать то прочное единство, которое составляетъ основу характера. Въ ихъ душѣ—хаосъ, революція и анархія, но безъ опасности существенныхъ переворотовъ и осложненій. Идеи, чувства и желанія борются другъ съ другомъ за власть и преобладаніе, и каждый изъ борцовъ можетъ сдѣлаться халифомъ, но только на минуту. Отроки чаще, чѣмъ взрослые, допускаютъ крайности и впадаютъ въ аффекты: при видѣ опасности доходятъ до ужаса, при встрѣчѣ съ препятствіемъ—до ярости, при встрѣчѣ съ авторитетомъ—до обожанія, при радости—до телячьяго восторга, при подшучиваніи надъ кѣмъ-нибудь до издѣвательства и т. п. У нихъ возникающія идеи, чувства и желанія не умѣряются другими, противоположными, и не сливаются съ ними, а дѣйствуютъ по одиночкѣ и самовластно. Взрослый человѣкъ при возникновеніи чувства страха, напр., старается сдержать его проявленіе, по чувству собственнаго достоинства, вслѣдствіе чего страхъ и не достигаетъ у него степени аффекта, а мальчикъ весь, безраздѣльно отдается охватившему его волненію.

Въ этой возбудимости отроковъ представленіями и чувствованіями, въ ихъ неумѣнны справляться съ порывами своихъ чувствъ и заключается указанная нами выше экспансивность. Отрокъ весьма часто представляется намъ или очень подвинченнымъ или очень развинченнымъ. Онъ органически не можетъ задерживать въ себѣ впечатлѣнія, скрывать свои чувства, молчать о своихъ намѣреніяхъ, выжидать время, разсчитывать. Все, что ни возникаетъ у него въ душѣ, сейчасъ же выражается во внѣ въ видѣ слова или движенія. Что у него въ душѣ, то и на языкѣ; что въ желанія, то и въ дѣлѣ. Экспансивность часто заставляетъ мальчика преувеличивать. Кто весь отдается чувству и порыву, тотъ почти всегда одно преувеличиваетъ, другое преуменьшаетъ. Въ этой же склонности преувеличивать кроется одна изъ при-

чинъ неправильности дѣтскихъ показаній, которыя часто огульно и несправедливо называются за это лживыми. Какъ бы ни расходились показанія отрока съ дѣйствительностію, какъ бы ни противорѣчили другъ другу его идеи, чувства и поступки, онъ, за очень рѣдкими исключеніями, не можетъ быть обвиненъ въ неискренности. Неиспорченный мальчикъ искрененъ и тогда, когда обѣщаетъ сдѣлать что-ниб. хорошее, и тогда, когда нарушаетъ только что данное обѣщаніе, и, наконецъ, тогда, когда сожалеетъ, что нарушилъ обѣщаніе. Всѣ эти процессы—обѣщаніе, нарушение его и сожалѣніе—слѣдуютъ иногда другъ за другомъ съ поразительной бѣстротой. Случается, что быстрота доходитъ до молніеносности. Любознательный мальчикъ задаетъ отцу рядъ вопросовъ. Но онъ такъ спѣшитъ съ задаваніемъ ихъ, что часто, не дождавшись отвѣта на первый вопросъ, задаетъ уже второй. Бываетъ и такъ, что мальчикъ забываетъ свой вопросъ прежде, чѣмъ откроетъ ротъ для того, чтобы задать его. Мальчикъ—сангвиникъ, надъ которымъ учитель уже занесъ пучокъ розогъ, лежа на полу, страшно плакалъ, но прошелъ одинъ моментъ—и онъ уже хохоталъ неудержимо надъ сконфуженнымъ и неловкимъ учителемъ, у котораго пучокъ розогъ выпалъ изъ рукъ.

Въ зависимости отъ экспансивности и неустойчивости отрока находится его импульсивность. Она состоитъ въ склонности дѣйствовать безъ предварительнаго обсужденія мотивовъ, по первому впечатлѣнію и чувству. Видитъ мальчикъ цвѣты въ чужомъ саду, ему хочется сорвать ихъ, и онъ, ни мало думая, осуществляетъ свое желаніе. Дворникъ бросается на него съ угрожающимъ видомъ, и мальчикъ въ сильномъ страхѣ, иногда съ плачемъ и воемъ обращается въ бѣгство. Не успѣваетъ онъ пробѣжать по улицѣ 20—30 саженой, какъ видитъ группу дѣтей, преслѣдующихъ собаку. И вотъ нашъ бѣглецъ, забывъ о цвѣтахъ и угрожающей опасности, еще со слѣдами слезъ на лицѣ принимаетъ участіе въ преслѣдованіи животнаго. Въ приведенномъ примѣрѣ мы имѣемъ иллюстрацію импульсивности, экспансивности и быстрой измѣнчивости въ настроеніи мальчика. Всѣ эти качества взаимно поддерживаютъ другъ друга, образуя изъ своего сообщества тотъ кругъ, въ которомъ, какъ птица въ клѣткѣ, бьется слабая воля мальчика. Ближайшими при-

чинами трехъ указанныхъ недостатковъ. являются незначи- тельность умственнаго багажа мальчика, слабость его воли и свойственная его возрасту живость. У мальчика очень живы и дѣйственны возникающія представленія и чувство- ванія, но недостаточно развиты задерживающіе центры. Если бы у него при видѣ красныхъ цвѣтовъ въ чужомъ саду возникли изъ прежняго опыта представленія о томъ, что чужая собственность неприкосновенна и оберегается всѣми мѣрами, не исключая и насильственныхъ, то онъ, вѣроятно, не сталъ бы рвать цвѣты. Если бы у него была воля по- сильнѣе, то онъ, хотя бы и испугался дворника, однако не позволилъ бы себѣ дойти до плача и отчаяннаго вопля. Если бы у него не было разносторонней впечатлительности и подвижности, то онъ не присоединился бы такъ скоро къ шумной ватагѣ уличныхъ мальчиковъ, для преслѣдованія собаки.

Экспансивность, импульсивность и быстрая измѣнчи- вость мальчика, облегчая вліяніе на него со стороны всѣхъ и cadaго, дѣлаютъ его рабомъ минуты. Взрослые не мо- гутъ заранѣе сказать, какъ поступитъ мальчикъ въ томъ или другомъ случаѣ. Впечатлѣніе, которое вчера его сильно возмущало, сегодня можетъ успокаивать; что сегодня стра- стно желалось, завтра можетъ быть отвергнуто. Его пла- стичная душа таитъ массу возможностей. Весьма часто слу- чайное впечатлѣніе, минутный порывъ заново передѣлы- ваютъ строй его психики и склоняютъ чашу вѣсовъ то въ сторону добра, то въ сторону зла. Все это настойчиво вы- нуждаетъ взрослыхъ установить надъ мальчикомъ бдитель- ный надзоръ. Вообще говоря, минута имѣетъ большее зна- ченіе въ жизни отрока, чѣмъ въ жизни взрослога, потому что кругозоръ перваго въ отношеніи пространства и вре- мени очень ограниченъ. Какъ тѣлесный взоръ мальчика устремленъ на ближайшія вещи, такъ и его умственный взоръ направленъ на чувственные и наличные предметы. Далекіе предметы, прошедшія и будущія явленія не про- изводятъ на него никакого впечатлѣнія. Самымъ послѣдо- вательнымъ образомъ отрокъ осуществляетъ на практикѣ тотъ принципъ, что существуетъ и заслуживаетъ вниманія только одно настоящее время. О прошедшемъ онъ думаетъ мало; если и вспоминаетъ его, то непроизвольно. О будущемъ

же мальчикъ думаетъ только тогда, когда ожидаетъ отъ него что-либо пріятное или непріятное. Настоящее поглощаетъ его вниманіе и только оно возбуждаетъ его интересъ. Самые образцы для подражанія онъ находитъ въ окружающей его дѣйствительности. По опросамъ экспериментаторовъ выяснилось, что дѣти за образецъ принимаютъ сначала родителей, потомъ, съ поступленіемъ въ школу, учителей, и только въ концѣ школьнаго возраста устремляются въ своихъ идеальныхъ поискахъ въ міръ общественной жизни, исторіи и поэзіи.

Въ пристрастіи дѣтей къ настоящему времени и невниманіи къ прошедшему и будущему нужно искать причину свойственныхъ имъ эпикуреизма, беззаботности и беспечности. Дѣти—самые послѣдовательные эпикурейцы. Они „постоянно гоняются за удовольствіями: что пріятно, то, по ихъ взглядамъ, и истинно, и справедливо. Чѣмъ меньше дѣти, тѣмъ тверже они вѣрують въ догматъ, что единственная цѣнность жизни—это непосредственное, сейчасъ испытываемое удовольствіе. И эта вѣра у нихъ, конечно, не есть результатъ какого-либо теоретическаго убѣжденія и размышленія“¹⁾. Она есть неизбежное слѣдствіе ограниченности ихъ кругозора въ отношеніи времени, охватывающаго только настоящее. Если человѣкъ живетъ только настоящимъ и въ настоящемъ, то онъ неизбежно дѣлается безразборчивымъ эпикурейцемъ: самымъ высшимъ и желательнымъ состояніемъ для него будетъ ощущеніе пріятнаго, а самымъ нежелательнымъ—ощущеніе непріятнаго. Нужно съ этой точки зрѣнія наслаждаться всякаго рода удовольствіями, какія только представятся въ данную минуту, забывая о прошедшемъ, которое уже не вернется, и не думая о будущемъ, которое еще не наступило. Отроки такъ и дѣлають. Чтобы побудить отрока сдѣлать что-ниб. непріятное, но полезное, или воздержаться отъ чего-нибудь вреднаго, но пріятнаго, надо прибѣгнуть или къ сильнѣйшему мотиву—подѣйствовать на присущее ему желаніе угодить, напр., родителямъ, или же противопоставить вредной пріятности непріятное наказаніе, а полезную непріятность подсластить наградой. Ссылаться на полезность или нравственную цѣнность желательнаго взрос-

¹⁾ Каптеревъ. Педагогическій процессъ. Спб. 1905 г. стр. 127.

лымъ дѣла, или же, въ противномъ случаѣ, — указывать отроку на вредъ или нравственную низость — значить заранее обречь себя на неудачу въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ. Такъ же обстоитъ дѣло и съ беззаботностію, которой такъ часто завидуютъ взрослые, когда встрѣчаютъ ее у дѣтей, и съ которой борются у отроковъ. И она основывается не столько на томъ соображеніи отрока, что взрослые о немъ подумаютъ, сколько на его склонности безраздѣльно отдаваться впечатлѣніямъ текущей жизни, съ головы до ногъ погружаться въ вѣчно кипучій и сверкающій потокъ жизни. Отрокамъ некогда оглядываться назадъ и заглядывать впередъ. Они еще не понимаютъ, что настоящее полно прошедшимъ и чревато будущимъ.

Съ узостию отроческаго кругозора въ отношеніи пространства и времени связывается та черта дѣтскаго мышленія и дѣятельности, которую можно назвать конкретизмомъ. Отроки еще не успѣли выработать ни общихъ, ни собирательныхъ, ни отвлеченныхъ понятій, которыя давали бы ихъ мысли возможность и подниматься въ высъ, и спускаться въ глубину, и расширяться по сторонамъ. Они живутъ въ мірѣ конкретныхъ образовъ и мыслятъ не посредствомъ словъ, какъ большинство взрослыхъ, а посредствомъ образовъ и наглядныхъ представлений. Ихъ мышленіе — сеансъ кинематографа, а не таблица символовъ, какъ у большинства взрослыхъ. Когда отрокъ думаетъ о летающей птицѣ, то онъ рисуетъ мысленную картину того, какъ птица, взмахивая крыльями, плыветъ по воздушному океану. Въ конкретномъ характерѣ мышленія у отроковъ легко убѣдиться, если проанализировать большинство ихъ отвѣтовъ. Когда имъ задаютъ вопросъ, что такое извѣстный предметъ, то они отвѣчаютъ не логическимъ опредѣленіемъ, составить которое имъ не по силамъ, а ссылкой на конкретный фактъ, связанный съ требующимъ поясненія словомъ. Вотъ нѣсколько такихъ отвѣтовъ. Вопросъ; „Что такое топоръ?“ — Отв.: „Это, чѣмъ рубятъ“. Вопр.: „Что такое телеграфъ?“ Отв.: „Очень хорошая вещь, которая приноситъ письмо, когда кто-ниб. умираетъ“. „Что такое кровь?“ Отв.: „Кровь то, что въ рукѣ внутри и выходитъ наружу, когда уколятся“. Вопр.: „Что такое разумъ?“ — „Это, отвѣчаетъ ученикъ 1 класса гимназіи, когда мнѣ хочется пить, но я не

пью" ¹⁾). Послѣдніе три примѣра съ убѣдительною доказываютъ, что когда отрока спрашиваютъ о смыслѣ слова, онъ припоминаетъ тотъ случай изъ своего опыта, съ которымъ было связано употребленіе даннаго слова. Когда же мальчика спрашиваютъ о смыслѣ отвлеченнаго понятія, то онъ указываетъ тотъ предметъ, отъ котораго понятіе отвлечено. „Что такое длина?“ спрашиваютъ мальчика. „Это, когда веревка длинная!“ отвѣчаетъ онъ. Отсюда становится понятно, какую колоссальную погрѣшность допускаютъ тѣ учителя, которые, при занятіяхъ съ отроками, уснащаютъ свою рѣчь отвлеченными терминами, собирательными и общими понятіями на высшихъ ступеняхъ обобщенія; которые требуютъ отъ дѣтей заучиванія готовыхъ логическихъ опредѣленій и даже иногда самихъ дѣтей заставляютъ составлять эти опредѣленія. Каждый, присутствовавшій на такихъ антипедагогическихъ экспериментахъ, прекрасно знаетъ, какое столпотвореніе происходитъ въ классѣ: живые, бойкіе и любознательные мальчики превращаются въ бессмысленно говорящія куклы, механически повторяющія данное опредѣленіе съ пропускомъ то одного, то другого важнаго слова. Одно слово выпадаетъ—и все рассыпается, какъ у трехъ Толстовскихъ старцевъ, никакъ не сумѣвшихъ заучить молитву Господнюю. Педагогическую ошибку допускаютъ учителя и тогда, когда требуютъ отъ учениковъ моментальныхъ отвѣтовъ и по быстротѣ ихъ судятъ о способностяхъ того или другого изъ нихъ. Не говоря уже о томъ, что медленно работающіе умы, каковыя встрѣчаются и среди дѣтей и среди взрослыхъ, органически не способны отвѣчать со скоростію рефлекса, моментальные отвѣты затруднительны для всѣхъ отроковъ въ большей или меньшей степени потому, что у нихъ конкретное мышленіе. Такое мышленіе требуетъ болѣе значительнаго времени для своего теченія, чѣмъ мышленіе отвлеченное: какъ ни быстро механикъ кинематографа развертываетъ ленту съ ея снимками, все же ему не угнаться за телеграфистомъ, передающимъ символы; такъ и смѣна образовъ въ сознаніи не можетъ быть такой же быстротечною, какъ чередованіе словъ.

¹⁾ Второй и третій вопросы взяты у Ломброзо, изъ ея книги „Жизнь ребенка“, а третій—изъ „Бесѣдъ по общей дидактикѣ“ Цоцова.

Конкретизму отроковъ въ области познанія соотвѣтствуетъ конкретизмъ и въ области дѣятельности. Онъ проявляется здѣсь въ двойной формѣ. Во 1-хъ, отрокъ дѣйствуетъ не по общимъ правиламъ, или принципамъ поведения, какъ взрослый, а по единичнымъ указаніямъ и побужденіямъ минуты. Было бы не цѣлесообразно предъявлять отроку такія требованія: „каждый день повторяй по столько-то страницъ“, „каждый день списывай съ книги, чтобы научиться правильно писать“, „разъ въ недѣлю навѣщай свою бабушку“, „каждую субботу убирай свою комнату“. Такія общія требованія самымъ добросовѣстнымъ образомъ забываются дѣтьми. Нужно на каждый день, даже иногда на каждый часъ давать вполне определенное по качеству и количеству заданіе. Часто высмѣиваютъ учителей, задающихъ по книгѣ „отъ энтихъ до энтихъ“, но такое задаваніе неизмѣримо цѣлесообразнѣе вскользь оброненныхъ замѣчаній, въ родѣ: „прочитайте далѣе“, „почитайте Бѣлинскаго“ и т. п. При совершеніи отрокомъ сложныхъ дѣйствій конкретизмъ проявляется, во 2-хъ, въ томъ, что ему для выполненія каждой отдѣльной части дѣйствія нужно употребить особое усиліе воли. Когда взрослый садится писать, то усиліе воли онъ употребляетъ только тогда, когда принимаетъ рѣшеніе заняться этимъ дѣломъ. Какъ только онъ побѣдитъ напряженіемъ воли свою инертность, сядетъ за столъ, возьметъ въ руку перо—такъ сейчасъ же перо само заходитъ по бумагѣ, точно заведенная машина. Совсѣмъ не то бываетъ съ отрокомъ. Ему, пока извѣстный сложный процессъ не сдѣлается привычнымъ, приходится напрягать свою волю для выполненія каждого составного элемента. Припомнимъ, какъ дѣти пишутъ на первыхъ порахъ, когда учатся чистописанію. Они выводятъ съ усиліемъ каждый отдѣльный элементъ буквы; у нихъ не только правая рука и пальцы ея движутся, но всѣ органы тѣла—и лѣвая рука, и кожа на лбу, и глаза, и губы, и языкъ и даже ноги. По вспотѣвшему отъ такой „ничтожной“ работы лицу отрока видно, что онъ трудится изъ всѣхъ силъ, что ему ежеминутно приходится напрягать свою волю. Можно-ли, зная конкретизмъ отроковъ въ дѣятельности, досадовать на нихъ за медленность и несовершенство ихъ работы, за ихъ быструю утомляемость и забывчивость, а тѣмъ болѣе

можно-ли огульно обвинять ихъ въ нежеланіи исполнять наши распоряженія?

Обвинять огульно отроковъ въ нежеланіи исполнять наши распоряженія значитъ обнаруживать полное незнаніе существеннаго свойства отроковъ, которое мы назовемъ пассивностію. Отрокъ существо не самостоятельное и пассивное какъ въ области познанія, такъ и въ области дѣятельности. Пассивность его въ дѣлѣ познанія проявляется въ преобладаніи процессовъ усвоенія надъ переработкой и творчествомъ, а также въ слѣпномъ довѣрїи къ словамъ и сообщеніямъ авторитетныхъ взрослыхъ людей, особенно родителей и учителей. Какъ губка вбираетъ воду, такъ и отрокъ съ жадностію впитываетъ всѣ впечатлѣнія бытія и жизни. Много усваиваетъ онъ при своемъ наблюденіи и экспериментированіи надъ природой, но еще больше познаній въ періодъ школьнаго обученія онъ приобрѣтаетъ отъ взрослыхъ — изъ ихъ рѣчей и книгъ. Довѣріе отроковъ къ книгамъ и сообщеніямъ взрослыхъ такъ велико, что мало чѣмъ уступаетъ по своей силѣ довѣрїю благочестивыхъ людей въ отношеніи къ книгамъ Св. Писанія. Въ книгѣ можетъ содержаться нелѣпость, учитель можетъ сказать несообразность, но ученику и въ голову не придетъ заподозрить истинность и разумность прочитаннаго и услышаннаго. Опыты съ внушеніемъ дѣтямъ разнаго рода ощущеній, представленій, чувствованій и поступковъ вполнѣ доказываютъ высокую степень дѣтской довѣрчивости. Отроки предпочитаютъ взять готовое, чѣмъ самимъ искать. Даже въ своемъ творествѣ, проявленіемъ котораго служатъ игра и мечта, отрокъ не самостоятеленъ: онъ въ играхъ копируетъ занятія и отношенія извѣстныхъ ему взрослыхъ лицъ. Фантазія его не самобытна: она питается подражаніемъ. Подражаніе и послушаніе — вотъ главные формы отроческаго поведенія. Въ новѣйшей психологїи склонность дѣтей къ подражанію и послушанію называется внушаемостію. Степень внушаемости отрока очень велика, но особенно внушаемость сильна, по даннымъ экспериментальной педагогики, — у дѣвочекъ въ 11 лѣтъ, а у мальчиковъ въ 13. Вообще говоря, періодъ отрочества — время преклоненія предъ авторитетомъ. Отроку все кажется разумнымъ, цѣлесообразнымъ, необходимымъ и значительнымъ. Учитель деревенской школы можетъ быть несвѣду-

щимъ и неискуснымъ въ школьномъ дѣлѣ, но отроку онъ будетъ представляться всевѣдущимъ и всемогущимъ. Онъ можетъ быть грубъ, жестокъ, несправедливъ и золь, но очарованному школьнику онъ кажется лучшимъ изъ всѣхъ людей. Лучшій изъ людей, по представленію отрока, не можетъ ошибаться, какъ и не можетъ поступать плохо. Разъ онъ сообщаетъ что-ниб., нужно слѣпо вѣрить ему; разъ онъ отдаетъ распоряженіе, нужно безпрекословно подчиняться ему: онъ знаетъ, для чего это нужно. Внушаемость отрока, проявляющаяся въ идеализации учителя, довѣри и послушаніи ему, значительно облегчаетъ учителю достиженіе его сложныхъ задачъ и скрашиваетъ его нерадостное въ другихъ отношеніяхъ существованіе.

Но было бы ошибкой считать такое очарованіе отрока-ученика учителемъ безкорыстнымъ актомъ. Безкорыстіе не есть постоянная черта отрока. Онъ—самый послѣдовательный эгоистъ, или вѣрнѣе, эгоцентрикъ. Онъ живетъ не для кого-ниб. и не для чего-ниб., а только для себя. Онъ просто-душно ставитъ себя въ центрѣ вселенной, насквозь пронизанъ тою мыслию, что все существуетъ для него. Для него Богъ посылаетъ на землю солнечное тепло и свѣтъ, для него поютъ птицы, для него пчелы собираютъ медъ, для него живутъ родители,—словомъ, все и всѣ въ немъ имѣютъ свою цѣль. По словамъ Ламброзо, семилѣтняя дѣвочка искренно вѣрила, что ясная погода послѣ дождя послана Богомъ исключительно для ея удовольствія. Въ порывѣ благодарности она выбѣжала на балконъ, крича: „Спасибо, Боже; благодарю Тебя, Боже“. Другая дѣвочка на вопросъ, что она будетъ дѣлать, если умрутъ папа и мама, не задумываясь отвѣтила: „Пойду на улицу, поищу кого-ниб., кто бы отвелъ меня къ бабушкѣ и скажу тетямъ, что теперь онѣ должны обо мнѣ позаботиться¹⁾. Соотвѣтственно съ такимъ эгоцентризмомъ, отрокъ воспринимаетъ и окружающую дѣйствительность. На все онъ смотритъ если не съ личной, иногда грубо корыстной, точки зрѣнія, то во всякомъ случаѣ съ точки зрѣнія человѣческихъ интересовъ. Предметы представляются ему не со стороны своего матеріала, величины, формы, окраски, а со стороны своего назначенія въ

¹⁾ Ламброзо. Жизнь ребенка. Слб., 1905 г. стр. 33—34.

отношеніи къ потребностямъ человѣка. Ему важно не то, что такое предметъ самъ по себѣ, а то, что онъ даетъ и можетъ дать человѣку. Настоящая антропоцентрическая и даже иногда эгоцентрическая точка зрѣнія! По наблюденію Наги, дѣти, рассматривая на прогулкахъ деревья, интересовались только дикими грушами, дубами, орѣшникомъ, виноградомъ, другой разъ—только сливами, крыжовникомъ, черешнями, потому что всѣ вышеуказанные кусты и деревья они считали полезными. Но и въ этихъ растеніяхъ дѣтей интересовали только тѣ части, которыя казались имъ полезными: у фруктовыхъ деревьевъ дѣти интересовались, есть-ли на нихъ ягоды и поспѣли-ли онѣ, у дуба искали желудей; на остальныя части растенія—листья, стволъ, не смотря на старанія взрослыхъ, дѣти не смотрѣли¹⁾. У дѣтей младшаго возраста эта антропоцентрическая и эгоцентрическая точка зрѣнія доходитъ до курьезовъ. На вопросъ, что такое улитка, двѣ дѣвочки отвѣтили: улитка—это нѣчто такое, что нужно раздавить за то, что она поѣдаетъ салатъ²⁾. Въ своихъ рассказахъ и описаніяхъ видѣннаго отроки не могутъ быть объективно-холодными и спокойными. То, что дѣйствительно происходитъ и подлежитъ воспріятію, они какъ бы подмѣниваютъ своими представленіями, ожиданіями, желаніями. Они рассказываютъ не столько о томъ, что произошло, сколько о томъ, что они ожидали увидѣть, что ихъ поразило, обрадовало, опечалило. Отъ ихъ психики на все ложится такой густой налетъ субъективности, что порою трудно разсмотрѣть за нимъ дѣйствительныя очертанія предмета. При такой всепроникающей субъективности отроковъ трудно довести ихъ до сознанія какъ объективной стороны дѣйствительности, такъ и особенно до объективной значимости ученья и хорошаго поведенія. Знаніе для знанія, добро—для добра, трудъ—для труда—такая формула далеко не всѣми взрослыми принимается, а дѣтьми прямо-таки не понимается. Необходимо при обученіи и воспитаніи дѣтей обращаться на ихъ потребности, стремленія и чувства, а не на логическія данныя. У дѣтей господствуетъ логика чувствъ, а не логика ума.

¹⁾ Писарева. Дѣтскіе интересы, стр. 47.

²⁾ Каптеревъ, Педагогич. психологія, стр. 148.

Наивное убѣжденіе отрока въ томъ, что все и всѣ существуютъ для его счастья, въ связи съ вѣрой въ разумность мірового порядка, беззаботностію и любовно-нетребовательнымъ отношеніемъ со стороны взрослыхъ—порождаетъ въ немъ неистощимый оптимизмъ. Очень рѣдко случается видѣть, чтобы отрокъ упалъ духомъ, но на каждомъ шагу намъ приходится встрѣчаться съ проявленіями его радости и веселья и очень часто съ самоувѣренностію и хвастовствомъ. Радость и веселіе, часто повторяясь, создаютъ у отроковъ жизнерадостное настроеніе, а самоувѣренность и хвастовство иногда доходятъ до маніи величія. Чеховъ, въ разсказѣ „Старый домъ“, отмѣтилъ этотъ оптимизмъ дѣтей. По его словамъ, дѣти веселы и глубоко убѣждены „въ томъ, что на этомъ свѣтѣ все обстоитъ благополучно, и такъ будетъ безъ конца, стоитъ только по утрамъ и ложась спать молиться Богу“. Отроки еще обладаютъ секретомъ, который позабытъ взрослыми—изъ всего извлекать радость. Какъ пчела обладаетъ способностію извлекать медъ даже изъ горькихъ травъ, такъ и отрокъ во всемъ можетъ найти поводъ для развлечения. Въ морозный день онъ катается на конькахъ, въ оттепель играетъ въ снѣжки, послѣ дождя съ удовольствіемъ бѣгаетъ по лужамъ, даже во время дождя и бури немалого труда стоитъ загнать его домой. Нерѣдко надъ роднымъ домомъ нависаютъ грозныя тучи, разражаются страшныя катастрофы, а отрокъ все таки продолжаетъ думать, что живетъ въ лучшемъ изъ міровъ и находитъ радость и развлечения на пепелищѣ пожара и на краю родной могилы. Дѣти бѣдняковъ, во всемъ нуждающіяся, часто попрекаемыя и избиваемыя, дѣти городскихъ улицъ—бедомныя и оборванныя—и тѣ не составляютъ исключенія. Во всѣхъ дѣтяхъ бьетъ ключомъ полусознательная вѣра въ себя, людей, Бога и счастье. Она-то именно и является ближайшимъ образомъ причиной ихъ нецѣлительнаго оптимизма и наивнаго хвастовства. Они хвастаются всѣмъ, что имѣетъ хоть какое-ниб. касательство къ нимъ и безстрашно преувеличиваютъ размѣры и достоинства предметовъ и лицъ, входящихъ въ сферу ихъ эгоистическаго притяженія. Многія изъ нихъ съ наивною простосердечностію заявляютъ, что ихъ родители, ихъ домъ, садъ, кошка—самые лучшіе на свѣтѣ, и они дѣйствительно отрокамъ кажутся такими по

одному тому, что имъ принадлежать. Понятія—„мой“ и „самый лучший“ отрокъ считаетъ равнозначащими. И судьбу свою они представляютъ въ мечтѣ самой удачливой и счастливой, не въ примѣръ другимъ. Стоитъ только имъ захотѣть—и все сдѣлается по щучьему велѣнію, согласно съ ихъ желаніями. Эта жизнерадостность отрочества, уменьшаясь и исчезая съ годами, продолжаетъ жить въ воспоминаніяхъ взрослыхъ о дѣтскихъ годахъ, почти всегда окрашиваемыхъ въ самые радужные цвѣта. Ламброзо въ своей интересной книгѣ о ребенкѣ видитъ въ этой жизнерадостности дѣтей проявленіе могущественнаго инстинкта самосохраненія и самое главное условіе ихъ здороваго роста и развитія. Нужно-ли послѣ этого распространяться по поводу того, что непедагогично подрывать такую жизнерадостность разрушеніемъ дѣтской вѣры, слишкомъ суровымъ обращеніемъ и педантической придирчивостію?

Всѣ перечисленные свойства отрока, обусловливаемые слабостію переработки получаемыхъ имъ впечатлѣній и возникающихъ извнутри стремленій и чувствованій, составляютъ наслѣдство дѣтскихъ лѣтъ. Само собою разумѣется, что это наслѣдство съ годами не увеличивается, а уменьшается: чѣмъ старше дѣлается отрокъ, тѣмъ меньше становится его импульсивность, экспансивность, измѣнчивость, конкретность и субъективность его мышленія и т. д. Но какъ среди взрослыхъ людей нѣтъ такого человѣка, который былъ бы совершенно и навсегда застрахованъ отъ импульсивныхъ поступковъ, субъективныхъ мыслей, раздражительныхъ дѣйствій и т. д., такъ и среди нормальныхъ отроковъ нѣтъ такого, который бы не совершалъ обдуманыхъ дѣйствій, не сдерживалъ своихъ чувствъ, не проявлялъ самостоятельности, былъ бы незнакомъ съ отвлеченнымъ мышленіемъ. Разница между взрослымъ и отрокомъ не въ качествѣ, а количествѣ: у одного чаще встрѣчаются процессы одного рода, а у другого—противоположнаго характера. Мейманъ самымъ рѣшительнымъ образомъ заявляетъ, что ученикъ, достигнувъ семилѣтняго возраста, обладаетъ всѣми способностями, какія есть у взрослого, хотя многія изъ нихъ гораздо слабѣе и менѣе совершенно развиты¹⁾. Но съ лѣтами и эта разница начинаетъ сглаживаться:

¹⁾ Мейманъ. Лекціи по экспер. пед., ч. 1, стр. 113.

у отрока душевная дѣятельность начинаетъ расширяться, осложняться, углубляться, возвышаться и выравниваться.

Разсмотрѣвши, въ чемъ сходенъ отрокъ съ дитятей и чѣмъ отличается отъ взрослога, мы теперь займемся указаніемъ тѣхъ пріобрѣтеній отроческаго возраста, которыя приближаютъ его психику къ психикѣ взрослога человѣка.

Всѣ опыты жизни отрока, измѣняя его психическую жизнь и психическій строй, двигаютъ его по пути уподобленія взрослому, но особенно важное значеніе въ развитіи отрока имѣетъ его поступленіе въ школу. Оно, можно сказать, составляетъ въ жизни отрока эпоху, заканчивающую одинъ періодъ и начинающую другой. Не даромъ первый годъ обученія такъ хорошо запоминается, что послѣдующіе многочисленные годы обученія никогда не могутъ изгладить воспоминаній о первомъ годѣ. Поступленіе въ школу по своему значенію для развитія отрока можно сравнить съ тѣмъ временемъ, когда ребенокъ научается ходить¹⁾ и говорить. Какъ умѣнье ходить расширяетъ его пространственный кругъ, а искусство рѣчи открываетъ ему доступъ къ духовной жизни взрослыхъ, такъ и поступленіе въ школу расширяетъ кругозоръ ученика и погружаетъ его въ обширное море человѣческихъ интересовъ. По этому вопросу пр. Мейманъ обронилъ нѣсколько въ высшей степени цѣнныхъ словъ, принадлежащихъ одной матери. Вотъ эти слова: „До поступленія моего сына въ школу я знала его такъ, что могла предвидѣть почти каждый его поступокъ; въ теченіе перваго года, проведеннаго въ школѣ, онъ, на нѣкоторое время сдѣлался мнѣ совсѣмъ чуждымъ,—столько новыхъ вліяній опредѣляли собою его жизнь и его характеръ“¹⁾. Разсмотримъ тѣ измѣненія, какія вносятъ въ психику отрока поступленіе въ школу. Прежде всего отмѣтимъ измѣненія въ самосознаніи отрока, а потомъ въ его умственной, эмоциональной и волевой сферахъ.

Измѣненія въ самосознаніи отрока, по вступленіи его въ школу, вызываются расширеніемъ его познанія и отношеній и осложненіемъ его дѣятельности: сфера вращенія расширяется, впечатлѣнія и интересы дѣлаются разнообразнѣе, задачи жизни становятся серьезнѣе, дѣятельность труд-

¹⁾ Мейманъ, цит. соч., стр. 613.

нѣе и напряженнѣе. Къ семьѣ, гдѣ отрокъ жилъ до поступленія въ школу и гдѣ продолжаетъ жить по поступленіи въ послѣднюю, присоединяется школа, въ которой онъ проводитъ значительное время въ общеніи съ учителемъ и сверстниками. На учителя онъ готовъ смотрѣть, какъ на второго отца, а на сверстниковъ, какъ на братьевъ. На нихъ онъ сначала и переноситъ тѣ чувствованія, какія испытывалъ въ своемъ семейномъ кругу, и пытается на первыхъ порахъ стать въ аналогичныя отношенія. Но опыты школьной жизни скоро указываютъ ему, что между отцомъ и учителемъ такъ же, какъ и между братьями и сверстниками нѣтъ того тождества, какое онъ предполагалъ. Учитель больше вліяетъ на него своимъ превосходствомъ и своею властію, чѣмъ любовью; больше требуетъ отъ него, чѣмъ доставляетъ развлеченія, и потому школьникъ не столько любовно устремляется къ нему, сколько наблюдаетъ надъ нимъ, побаивается его, пока не остановится на почтительномъ разстояніи отъ учителя. Видитъ новичокъ и то, что сверстники не столько дополняютъ его, не столько идутъ на встрѣчу къ нему, сколько ограничиваютъ его или сторонятся, вслѣдствіе чего школьникъ и въ отношеніи къ нимъ проявляетъ нѣкоторую сдержанность и осторожность, смѣшанную съ любопытствомъ и страхомъ вмѣстѣ. Иногда новые люди и обстановка такъ подавляютъ новичка, что онъ впадаетъ въ состояніе дикости и растерянности: новичекъ, что пойманный звѣрекъ, сидитъ неподвижно на своемъ мѣстѣ и только водитъ глазами по сторонамъ. Въ этомъ состояніи растерянности онъ почти лишается дара слова и часто не можетъ отличить правой руки отъ лѣвой, что иногда принимается неопытными учителями за признакъ крайней неразвитости. Но вотъ проходитъ очарованіе новизной и новичекъ вступаетъ въ психическое общеніе съ новыми лицами: онъ начинаетъ приспособляться и подражать учителю, начинаетъ дѣлиться съ сверстниками своимъ душевнымъ богатствомъ. По вѣрному замѣчанію Смолла, учитель является „фокусомъ подражанія, отъ котораго излучаются къ ученикамъ многочисленныя вліянія какъ физическія, такъ и духовныя. Всякій акцентъ, жестъ, автоматическое дѣйствіе, пристрастіе и антипатія подхватываются сознательно и безсознательно“¹⁾.

¹⁾ Ст. Холль. Соціальные инстинкты у дѣтей. Спб., 1913; стр. 70.

Личность учителя до того въѣдряется въ душу ученика, что почти все время пребыванія ученика въ школѣ остается въ полѣ его сознанія: что бы ученикъ ни захотѣлъ сказать или сдѣлать, и что бы ни сказалъ и ни сдѣлалъ, какъ сейчасъ же является мысль: „а что скажетъ учитель?“. Безсознательно и сознательно подражая учителю, новичекъ вступаетъ въ разнообразныя отношенія съ сверстниками; происходитъ взаимное вліяніе ихъ другъ на друга, каждый что-нибудь сообщаетъ другому и отъ него что-нибудь принимаетъ взаимѣнь. Словомъ, происходитъ процессъ ассимиляціи съ направленіемъ его ввысь по могущественному вліянію личности учителя. Такова схема и смыслъ личныхъ отношеній новичка къ учителю и товарищамъ.

Гораздо важнѣе личныхъ вліяній на новичка, воздѣйствіе на него школы, какъ соціальной организаціи съ опредѣленной задачей. Вліяніе школы, какъ организованной общины, значительно пересиливаетъ вліяніе личности учителя и отдѣльныхъ товарищей. Въ этой организаціи учитель представляется новичку лицомъ съ неограниченной властію, настоящимъ царемъ школьнаго мірка. Онъ издаетъ законы, которымъ всѣ подчиняются; онъ сообщаетъ знанія, которыя всѣ должны усвоить; онъ назначаетъ всѣмъ работу, которую каждый долженъ исполнить къ указанному сроку; онъ чинитъ судъ и расправу, хвалитъ и награждаетъ однихъ, порицаетъ и наказываетъ другихъ. Никто и ничто, не исключая и старика-сторожа, не изъято изъ его вѣдѣнія и власти,—ни внѣшнее, ни внутреннее дѣйствіе ученика. До всего онъ доходитъ: скажи ему и о томъ, что дѣлалъ, дѣлаешь и будешь дѣлать; приходится открывать ему и думы, и чувства, и намѣренія; нельзя скрывать отъ него ни своихъ, ни чужихъ продѣлокъ и шалостей. До всего учитель доискивается и все, что ни увидитъ и не услышитъ, оцѣниваетъ; одного хвалитъ, другого порицаетъ. Тотъ не такъ сидитъ, другой—не такъ стоитъ; этотъ не умѣетъ руки поднимать, а тотъ глядитъ не туда, куда нужно; даже повернуться намѣстѣ нельзя. Когда же происходятъ уроки грамоты, тогда слова: „такъ“, „вѣрно“, „хорошо“, „не такъ“, „не вѣрно“, „плохо“ начинаютъ такъ быстро чередоваться съ вопросами: „а ты какъ прочиталъ?“, „а ты что скажешь?“, „хорошо-ли онъ написалъ?“, что бѣдному школьнику приходится смо-

трѣть въ оба глаза и слушать обоими ушами. Немного свободнѣе чувствуетъ себя новичекъ на переѣнкахъ, когда остаются ученики безъ учителя, но и тогда нѣтъ такой свободы и безопасности, какъ дома. Дежурный ученикъ не позволяетъ ни на доскѣ написать, ни бросить бумажку на полъ. Начнешь играть, и тутъ нужно правила соблюдать, а то въ другой разъ не примутъ въ компанію. Если затронешь кого-нибудь, сейчасъ же или сдачи получишь или учителю, по жалобѣ, на замѣчаніе попадешь. И тутъ приходится слѣдить за каждымъ шагомъ, потому что самому за все приходится расплачиваться. Чувствуетъ и видитъ новичекъ, что начинается серьезная пора жизни: законы, правила, требованія, уроки, вопросы, отвѣты, взысканія... Точно всѣ сговорились и ополчились на него. Когда провожаютъ въ школу, всегда говорятъ: „смотри, слушай и слушайся учителя“. Когда придешь изъ школы, спрашиваютъ тебя: „а что, спрашивалъ тебя учитель? Доволенъ онъ тобой?“. Припоминаетъ и видитъ мальчикъ, что и по внѣшности многое измѣнилось: служили молебень, одѣли одежду особаго покроя и цвѣта, выправляли какую-то бумагу относительно него, записали его въ книгу, стали называть его не Ваней, а Иваномъ Петровымъ, отвели ему опредѣленное мѣсто и т. д. Дома все чаще и чаще стали говорить ему: „ты уже не маленькій; не забывай, что ты учишься“. Сознаніе того, что на него возложили обязанности на каждый день и часъ и отвѣтственность за каждое слово и шагъ, вызываетъ въ душѣ новичка смѣшанное чувство: ему и пріятно и непріятно, и жутко и лестно. Но школьникъ изъ-за боязни предъ тяжельмъ и страшнымъ не хочетъ отказаться отъ лестнаго и возвышающаго, и потому рѣшается послѣдовать за учителемъ, вживается въ школьный порядокъ и начинаетъ тянуть школьную лямку. Такъ, скажемъ словами Наторпа, „школа подчиняетъ всѣ внутреннія и внѣшнія дѣйствія прочному строю законовъ, который уже на порогѣ схватываетъ новичка, вступающаго въ школу, держитъ въ своей власти и почти непрерывно наблюдаетъ за нимъ въ продолженіе всего времени, пока онъ принадлежитъ къ школѣ¹⁾).

Учитель своими ежеминутными требованіями развиваетъ у школьника чувство отвѣтственности, а своими оцѣн-

¹⁾ Наторпъ. Соціальная педагогика. Спб., 1911, стр. 211.

ками его дѣйствій и поведенія усиливаетъ стремленіе къ совершенствованію. Конечно, это чувство и это стремленіе были присущи отроку и до поступленія въ школу, но только теперь они дѣлаются прочнымъ достояніемъ его психики, регуляторами его поведенія. Развитие чувства ответственности и усиленіе стремленія къ совершенствованію мы считаемъ самымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ отрока по пути развитія: они вносятъ самыя глубокія измѣненія въ его самосознаніе. Подъ вліяніемъ ихъ онъ освобождается отъ рабскаго пристрастія къ настоящему и начинаетъ вспоминать прошедшее и представлять, ожидать будущее; они именно постепенно преобразуютъ его изъ эпикурейца, гонявшагося главнымъ образомъ за удовольствіями, въ разумнонравственное существо, преслѣдующее серьезныя цѣли жизни. Школьникъ думаетъ не только объ удовольствіяхъ, играхъ и развлеченияхъ, но и о своихъ обязанностяхъ: онъ старается не только о томъ, чтобы ему было лучше; но и о томъ, чтобы самому сдѣлаться лучше. Правда, чувство ответственности понимается часто очень внѣшне и поверхностно, а стремленіе къ совершенствованію очень примитивно: быть обязаннымъ это значитъ быть исправнымъ въ своихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, а быть лучше—это значитъ прочитать и написать лучше, чѣмъ такой-то; вотъ такъ, какъ написалъ учитель, но и въ такомъ видѣ они составляютъ въ высшей степени цѣнное пріобрѣтеніе отрока тѣмъ болѣе, что очень часто возникаютъ въ его сознаніи. Правда и то, что желаніе совершенствованія не очень сильно и не совсѣмъ ясно; но оно встрѣчаетъ могущественную поддержку въ двухъ желаніяхъ, изъ которыхъ одно возникаетъ у школьника въ отношеніи къ учителю, а другое—въ отношеніи къ сверстникамъ. Подъ первымъ желаніемъ мы разумѣемъ появляющееся съ первыхъ же дней пребыванія школьника въ школѣ стремленіе угодить учителю такъ же, какъ онъ, школьникъ, угождалъ и угождаетъ своему отцу; а подъ вторымъ желаніемъ—стремленіе не только не отставать отъ своихъ сверстниковъ, но, по возможности, превзойти ихъ по успѣхамъ и поведенію. Такое стремленіе называется соревнованіемъ. Нѣкоторые моралисты и педагоги весьма неблагоприятно относятся къ соревнованію, но, думаемъ, и они не станутъ отрицать того, что соревнованіе и въ жизни

взрослыхъ, лучше разбирающихся въ нравственныхъ вопросахъ, чѣмъ малыши, является могущественнымъ факторомъ прогресса всякаго общественнаго дѣла.

Это соревнованіе побуждаетъ ученика сравнивать свои достиженія и задачи съ достиженіями и задачами своихъ сверстниковъ. Въ зависимости отъ такого сравненія школьникъ переживаетъ разныя чувствованія: онъ и радуется и печалится, досадуетъ и завидуетъ, гордится и падаетъ духомъ и т. п. Соревнованіе обостряетъ въ ученикѣ сознание своей личности, вызывая цѣлый рядъ такъ называемыхъ индивидуальныхъ чувствованій, и потому должно быть признано факторомъ эгоистическаго порядка. Но есть въ положеніи школьника и такая сторона, которая не выдѣляетъ, а объединяетъ его съ сверстниками въ одно цѣлое. Школьникъ чувствуетъ и видитъ, что онъ входитъ, какъ полноправный членъ, въ составъ школьнаго общества: онъ—товарищъ, связанный съ другими единствомъ цѣли, общностью интересовъ, одинаковыми правами и обязанностями. Мысль о своемъ социальномъ положеніи возвышаетъ самосознаніе ученика, какъ повышается самосознаніе и у взрослыхъ при вступленіи ихъ въ новую могущественную организацію. Цѣлый рой неясныхъ стремленій, смутныхъ чувствованій, новыхъ мыслей вызываетъ въ душѣ новичка тотъ переворотъ, который можно назвать социальнымъ рожденіемъ. Онъ чувствуетъ себя болѣе значительнымъ: увеличились его обязанности, но и возрасли его права; его сила при внѣшнихъ отношеніяхъ восполняется силой учителя и товарищей,—учителя, который стоитъ за его спиною, и товарищей, которые бокъ о бокъ идутъ съ нимъ. Онъ по новому, иначе начинаетъ смотрѣть на окружающую его дѣйствительность, и ему кажется, что и всѣ другіе иначе начинаютъ на него смотрѣть и серьезнѣе къ нему относиться. Чтобы убѣдиться въ томъ, что дѣйствительно происходитъ въ душѣ новичка броженіе новыхъ психическихъ элементовъ, возьмемъ наиболее яркій примѣръ—припомнимъ, какъ чувствуетъ и ведетъ себя новоиспеченный гимназистъ, только что надѣвшій свой новенькій мундирчикъ. Въ пробужденіи социальнаго самосознанія состоитъ второе важнѣйшее измѣненіе въ умонастроеніи школьника, вызванное поступленіемъ его въ школу.

Чтобы покончить съ измѣненіями самосознанія, замѣтимъ, что и процессы обученія способствуютъ развитію его. Необходимость постоянно напрягать свое вниманіе, память, воображеніе и разсудокъ, въ связи съ замѣчаніями учителя о нихъ, располагаетъ школьника болѣе, чѣмъ прежде, обращать свой взоръ на свой внутренній міръ и внутренній міръ другихъ людей. Вслѣдствіе этого онъ становится болѣе духовнымъ существомъ, чѣмъ прежде, хотя еще и не доходитъ до сознанія особенностей своей психической жизни. Важно то, что школьникъ болѣе, чѣмъ въ дошкольное время, занимается подъ контролемъ учителя умственными операціями, требующими напряженія воли и сознанія и чрезъ то возбуждающими его чувство активности, которое всего болѣе содѣйствуетъ самосознанію.

Въ указанномъ развитіи нравственной, соціальной и духовной стороны личности ученика и состоятъ тѣ важныя измѣненія въ самосознаніи его, которыя дѣлаютъ его современна достиженія въ школу нѣсколько инымъ, болѣе высшимъ существомъ. Конечно, не можетъ быть и рѣчи о ясномъ и отчетливомъ самосознаніи школьника въ указанныхъ отношеніяхъ. Такое самосознаніе впервые появляется въ юности; теперь же, у отрока, только намѣчаются тѣ основныя линіи, которыя будутъ дополнены и разукрашены въ слѣдующіе за отрочествомъ возрасты.

Измѣненія въ самосознаніи отрока суть результатъ новыхъ душевныхъ образованій его въ умственной, эмоциональной и волевой сферахъ, къ обозрѣнію которыхъ мы и переходимъ. Начнемъ съ познавательной сферы. Венгерскій ученый Наги свойственный отрокамъ умственный интересъ называетъ объективнымъ, въ противоположность дѣтскому субъективному. Мейманъ же въ качествѣ отличительной черты отроковъ въ умственномъ отношеніи указываетъ на преобладаніе въ ихъ умѣ анализа, въ противоположность стремленію дѣтей къ фантастическому синтезу. Если соединить обѣ указанныя черты умственного строя отроковъ, то можно назвать направленіе ихъ ума объективно-аналитическимъ. Различіе между субъективнымъ и объективнымъ направленіемъ ума состоитъ въ томъ, что въ то время, какъ субъективистъ—ребенокъ интересуется „мыломъ, не какъ мыломъ, а какъ матеріаломъ для выдуванія мыльныхъ пузырей,—стульями, не

какъ стульями, а какъ вагонами поѣзда“¹⁾), отрокъ, вступившій въ стадію объективнаго интереса, начинаетъ замѣчать въ предметахъ и такія черты, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ узкоэгоистическимъ потребностямъ минуты. Онъ видитъ въ стулѣ, напр., и величину, и форму, и цвѣтъ, и отдѣльныя части. Достигается этотъ прогрессъ въ знаніи, подъ вліяніемъ школьнаго обученія, значительнымъ расширеніемъ у отрока умствѣннаго кругозора, превъшающаго своими размѣрами сферу его потребностей и личныхъ отношеній. Его воображеніе и мысли залетаютъ въ такія далекія и высокія области, что туда не могутъ проникнуть за ними узкоэгоистическія потребности. Такъ, познавательный интересъ освобождается отъ зависимости отъ субъективной сферы жизни—настроеній, чувствованій, стремленій. Школьникъ изъ любопытнаго дѣлается любознательнымъ. Вниманіе его по прежнему направляется главнымъ образомъ на внѣшній міръ, какъ и у ребенка, но отрокъ смотритъ на него иными глазами и съ другими ожиданіями. Онъ стремится узнать не только то, какъ можно использовать предметъ для даннаго случая, но и то, что такое предметъ, независимо отъ отношенія его къ своимъ потребностямъ;—стремится познать предметъ въ его сущности, съ объективной стороны. Отмѣченное Мейманомъ различіе между отрокомъ-реалистомъ и аналитикомъ отъ ребенка, пребывающаго въ стадіи фантастическаго синтеза, состоитъ вотъ въ чемъ: ребенокъ замѣчаетъ отдѣльныя черты или свойства предмета, иногда съ поразительной точностію, но, будучи не способенъ къ обстоятельному наблюденію и анализу, слишкомъ поспѣшно составляетъ общую картину предметовъ въ ихъ взаимоотношеніи, вслѣдствіе чего получается картина во многихъ пунктахъ невѣрная, отчасти вполне иллюзорная и дополняемая съ помощію актовъ олицетворенія и вчувствованія²⁾). Проще сказать, ребенокъ, какъ и всякій человѣкъ, хочетъ, чтобы предметы были всегда ясны, опредѣленны и понятны; хочетъ получить отъ другихъ или самъ найти объясненіе имъ; подъ вліяніемъ этой потребности въ объясненіи онъ представляетъ ихъ по своему образу и подобию, т. е. всѣ вещи олицетворяетъ и надѣляетъ.

¹⁾ Писарева. Дѣтскіе интересы, стр. 33.

²⁾ Мейманъ. Лекціи, часть I, стр. III.

ихъ тѣми же стремленіями, чувствами и способностями, какія онъ замѣчаетъ въ себѣ. Онъ очеловѣчиваетъ окружающую дѣйствительность. „Гораздо пріятнѣе, пишетъ Ломброзо¹⁾, вообразать (ребенку), что у кролика есть домъ, что онъ спитъ въ кроваткѣ, что солнце пьетъ кофе съ молокомъ, что желѣзная дорога—живое существо, говоритъ и радуется, когда ее гладятъ по головкѣ, чѣмъ вообразать эти предметы чуждыми, безразличными, подчиняющимися другимъ законамъ“. Ребенокъ живетъ такимъ образомъ въ какомъ-то сказочномъ мірѣ, наполненномъ человѣкоподобными существами.

Отрокъ понемногу начинаетъ отказываться отъ этой манеры олицетворять окружающіе неодушевленные предметы. Онъ—реалистъ въ томъ смыслѣ, что проводитъ грань между фантастическимъ и дѣйствительно существующимъ. Онъ часто задается вопросомъ: вѣрно-ли это? соотвѣтствуетъ-ли это дѣйствительности? Но, отказавшись отъ фантастическаго синтеза, онъ еще не способенъ къ логическому, или философскому объединенію дѣйствительности. Стремясь постигнуть объективную дѣйствительность, онъ не можетъ объединить вещей за недостаткомъ наличныхъ формъ логическаго синтеза—высшихъ родовыхъ и собирательныхъ понятій. Онъ пока еще аналитикъ въ томъ смыслѣ, что подмѣчаетъ все съ большей и большей точностію части, свойства и соотношенія вещей,—ихъ величину, форму, цвѣтъ и т. д., на что прежде не обращалъ вниманія. Въ его лексиконѣ появляется много словъ для обозначенія частей и свойствъ предмета. Такъ отрокъ пріобрѣтаетъ болѣе детальное знаніе о предметахъ, но оно не возвышается надъ стадіей эмпирическаго познанія: отрокъ не способенъ и не склоненъ къ отвлеченностямъ и философскимъ обобщеніямъ, что видно уже изъ отмѣченной нами ранѣе его неспособности къ составленію и даже повторенію логическихъ опредѣленій. Логическія операціи—опредѣленія, раздѣленія, доказательства, выводы, разъясненія и т. д. мало доступны отрокамъ. На первомъ мѣстѣ у нихъ стоитъ фактъ—съ нѣкоторымъ стремленіемъ осмыслить и связать съ другимъ фактомъ, но безъ способности всесторонняго разсмотрѣнія и широкаго обобщенія. По наблюденію. Наги

¹⁾ Ломброзо. Жизнь ребенка, стр. 67.

„дѣти въ своихъ вопросахъ интересуются чаще всего предметомъ и его функціями, а затѣмъ уже цѣлью предметовъ, при чемъ послѣдняя ихъ интересуется, главнымъ образомъ, по отношенію къ посредствамъ человѣческой дѣятельности... Стремленіе знать названіе того или другого предмета выражено въ дѣтскихъ вопросахъ очень рельефно. И судя по тому, что дѣти не довольствуются однимъ только названіемъ предмета, если оно совершенно неизвѣстно, и задаютъ дальшіе вопросы: „что это такое?—птица, звѣрь и т. д.“ можно предполагать, что дѣти, интересуясь названіемъ предмета, стараются до нѣкоторой степени уяснить себѣ, къ какому роду предметовъ принадлежитъ данный объектъ. Значительно рѣже дѣти интересуются тѣмъ матеріаломъ, изъ котораго состоитъ или сдѣланъ предметъ“¹⁾). Задаваемые отрокамъ вопросы о томъ, что такое предметъ, съ очевидностію показываютъ, что они начинаютъ сами разбираться въ томъ, что важно и что неважно, что существенно и несущественно.

Съ новыми отношеніями и умственными интересами возникаютъ и новыя чувствованія и измѣняются прежнія. Довольно значительная умственная дѣятельность отрока при обученіи давала бы, повидимому, нѣкоторое основаніе думать, что у отроковъ развиваются интеллектуальныя чувствованія, но такое предположеніе является неосновательнымъ. Въ виду того, что у отроковъ процессы усвоенія продолжаютъ преобладать надъ процессами творчества и самостоятельной умственной дѣятельностію, интеллектуальныя чувствованія, мало замѣтныя у обычнаго взрослого человѣка, еще меньше замѣтны у нихъ. Особенно это нужно сказать про чувство сомнѣнія, недоразумѣнія, противорѣчія. Они свойственны бывають отрокамъ, но бывають мимолетными: они не знаютъ мучительной тоски сомнѣнія. Чутье истины и лжи болѣе развито у отрока, что видно изъ того, что онъ, прочитавъ или прослушавъ что-нибудь, иногда рѣшительно заявляетъ, что это было, а того не могло быть. Еще чаще проявляются у него эти чувства, когда онъ оцѣниваетъ продукты умственной дѣятельности своихъ сверстниковъ. Школьнику почему-то кажется, что его товарищу очень свойственно ошибаться и очень рѣдко удается сказать и сдѣлать хорошо. Спросите

товарищей отвѣчающаго школьника—вѣрно-ли онъ отвѣчалъ, вѣрно-ли онъ написалъ—и сейчасъ же десятки рукъ поднимутся съ явнымъ желаніемъ раскритиковать товарища, но когда дѣло дойдетъ до указанія замѣченныхъ недостатковъ, самоувѣренность покидаетъ маленькаго критика: онъ по большей части отдѣляется молчаніемъ. Нельзя объяснить это желаніе критиковать отвѣты товарища внушающимъ характеромъ вопроса—„вѣрно-ли написалъ?“ потому что и при частомъ задаваніи такихъ вопросовъ получается тотъ же эффектъ, не смотря на то, что многочисленные опыты должны бы убѣдить учениковъ, что вопросы — „вѣрно-ли и т. д.“, иногда задаются ученикамъ и въ томъ случаѣ, когда отвѣтъ былъ правиленъ. Насколько слѣпо и непобѣдимо довѣріе школьника въ отношеніи къ учителю, который—де не можетъ ошибаться, настолько же устойчиво ихъ недовѣріе къ умственной силѣ и доброкачественности его товарищей. Отрокамъ часто доставляетъ радость, когда учитель находитъ много ошибокъ въ дѣятельности ихъ товарища. Что тутъ является главной причиной—чувство-ли недоброжелательства и злорадства, къ чему подаетъ поводъ соперничество, или же пріятное впечатлѣніе отъ эффекта критикующей дѣятельности учителя,—мы не рѣшаемся опредѣлить.

Эстетическія чувствованія, въ видѣ элементарныхъ эмоцій красоты, безобразія и смѣха, очень замѣтны въ сердечной жизни отрока. Во время прогулокъ эстетическое чувство является руководителемъ многихъ поступковъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Самымъ любимымъ занятіемъ мальчиковъ является охота за бабочками, стрекозами и другими насѣкомыми, а дѣвочки съ особеннымъ удовольствіемъ занимаются собираніемъ цвѣтовъ. На берегу моря и тѣ и другіе занимаются собираніемъ камешковъ и раковинъ. Главнымъ побужденіемъ для такой дѣятельности является инстинктъ собственности, который въ примѣненіи къ указаннымъ занятіямъ называется иногда инстинктомъ собиранія и коллекционированія, но направленіе дѣятельности указываетъ эстетическимъ чувствомъ. И мальчики и дѣвочки стремятся поймать и набрать возможно больше красивыхъ бабочекъ, цвѣтовъ, камешковъ; хвастаются другъ предъ другомъ тѣмъ, у кого больше красивыхъ предметовъ, и жестоко критикуютъ съ эстетической точки зрѣнія отдѣльные

экземпляры изъ коллекціи товарищей. Яснѣе обнаруживается эстетическая жилка въ собираніи переводныхъ и рельефныхъ картинокъ, разнаго рода иллюстрацій, особенно раскрашенныхъ. Доходитъ иногда это стремленіе до страсти, въ жертву которой приносятся другія потребности, когда тратятся на покупку красивыхъ картинокъ всѣ карманныя деньги. По требованію той же страсти нарушается и 8-ая заповѣдь, особенно въ отношеніи къ чужимъ книгамъ, изъ которыхъ самымъ беззастѣнчивымъ образомъ выдираются картинки. Еще болѣе развита въ отрокахъ склонность къ смѣху. Они готовы смѣяться во всякое время и надъ каждымъ человѣкомъ и положеніемъ его. Какъ рѣдко можно встрѣтить среди взрослыхъ человѣка, который почти постоянно смѣялся бы, такъ рѣдко между отроками можно найти такого, который бы почти не смѣялся. Селли рассказываетъ о такомъ случаѣ. „Одна учительница разъ сообщила своему классу о смерти одной изъ ученицъ. При этомъ, разумѣется, воцарилось необыкновенное молчаніе, которое вдругъ было нарушено громкимъ смѣхомъ одной маленькой дѣвочки... Смѣхъ ея не былъ нервнымъ смѣхомъ: онъ былъ вызванъ необыкновеннымъ явленіемъ—внезапнымъ молчаніемъ, которое подѣйствовало на чувство дѣвочки сильнѣе, чѣмъ печальная вѣсть“¹⁾. Отъ этой склонности отроковъ смѣяться надъ всѣми и всѣмъ больше всего страдаютъ сами же отроки: чаще всего и болѣе всего школьники потѣшаются надъ своими же товарищами. У нѣкоторыхъ эта склонность къ смѣху и шуткамъ доходитъ до скверной привычки дразнить и издѣваться надъ болѣе слабыми сверстниками и несчастными взрослыми людьми. Такое извращеніе склонности къ шуткѣ пріобрѣтаетъ отъ вліянія на нее инстинкта борьбы, на который недавно стали указывать нѣкоторые педагоги. Проявленія этого инстинкта въ видѣ дразненія и издѣвательства служатъ причиною того, что отроковъ обвиняютъ въ жестокости и безжалостности, при чемъ обычно цитируютъ слова Крылова: „сей возрастъ жалости не знаетъ“.

Эстетическія чувствованія дѣтей отличаются элементарностію и поверхностностію; они чаще связываются съ

¹⁾ Селли. Очерки по психологіи дѣтства. М. 1901 г. стр. 268—269,

ощущеніями, чѣмъ съ представленіями и почти всегда возникаютъ въ зависимости отъ содержанія созерцаемыхъ предметовъ и произведеній, а не отъ формы ихъ. Правда, по словамъ Меймана, дѣти, начиная съ 10 лѣтняго возраста, довольно хорошо отличаютъ картины, лишенныя художественной цѣнности, отъ картинъ цѣнныхъ ¹⁾. Правда и то, что при показываніи картины съ настроеніемъ дѣти употребляютъ очень разнообразныя эстетическіе предикаты. Такъ, картина „съ настроеніемъ“ обозначалась словами: страшная, ужасная, печальная, таинственная, спокойная, уединенная, пустынная, тихая, тревожно-настраивающая, однотонная, дикая, суровая, строгая, граціозная и пр. ²⁾. Но для правильности оцѣнки указанныхъ явленій мы должны принять въ расчетъ, по словамъ того же Меймана, то, что все эти эпитеты относятся къ содержанію картины, а не къ картинѣ, какъ таковой. У отроковъ „нѣтъ мысли ни о самомъ художникѣ, ни о техникѣ или способѣ трактовки, ни о примѣненныхъ средствахъ (краскахъ, рисункѣ, композиціи и т. д.); на все это не обращается никакого вниманія. Сужденіе высказывается собственно о самомъ изображаемомъ предметѣ,—о воздушномъ шарѣ, львѣ и т. д. Слѣд., картина вообще не разсматривается, какъ картина, какъ художественное произведеніе ³⁾. Въ способѣ разсмотрѣнія и наслажденія картиной отроки похожи на взрослыхъ, некультурныхъ людей, которые получаютъ наслажденіе отъ лубочной картины, плохо изображающей красивое или величественное явленіе, но отвращаются отъ художественной картины съ изображеніемъ некрасиваго и несимпатичнаго явленія. Аналогичнымъ образомъ отроки реагируютъ и при чтеніи художественныхъ произведеній и созерцаніи театральныхъ зрѣлищъ. Они не способны почувствовать, а чѣмъ болѣе оцѣнить красоту и художественность образа, выраженія; сравненія, игры артиста: и адѣсь они обращаютъ почти все вниманіе на то, что изображено, а не на то, какъ изображено. Плохой актеръ, играющій симпатичную роль, вызоветъ рукоплесканіе, а его сотоварищъ, въ роли, напр., сумасшедшаго, негодяя, преступника, не вызоветъ восторга у отрока своей прекрасной иг-

¹⁾ Мейманъ, цитир. соч., стр. 549.

²⁾ Мейманъ, цит. соч., стр. 539.

³⁾ Тамъ же, стр. 543.

рой. Онъ будетъ вызывать у него сильныя нравственныя (напр., негодованіе, отвращеніе, жалость), но не эстетическія чувства. Припомнимъ и то, что дѣти, приблизительно до 12 лѣтъ, не способны объединять въ одно цѣлое части ландшафта или отдѣльныя изображенія картины, что и мѣшаетъ имъ толучить отъ нихъ эстетическое наслажденіе.

Періодъ школьнаго обученія является временемъ для развитія соціальныхъ чувствованій. Стернъ, изслѣдовавшій душевную жизнь дитяти до 7 лѣтняго возраста, полагаетъ, что соціальныя эмоціи у ребенка почти совершенно отсутствуютъ. „Правда, пишетъ онъ, ребенокъ уже можетъ чувствовать и желать внѣ тѣсныхъ границъ собственной личности, но только по отношенію къ другимъ конкретнымъ, нагляднымъ отдѣльнымъ личностямъ; переживаніе своего отношенія къ цѣлому высшаго порядка у него еще не развито. Маленькія общества, къ которымъ онъ уже принадлежитъ—семья, дѣтскій садъ—не въ своей цѣльности, но только посредствомъ личныхъ индивидуальныхъ отношеній имѣютъ значеніе для чувства ребенка. Вѣроятно, эта форма занятія положенія образуется вскорѣ послѣ перехода за предѣлы нашего (отъ 1 до 7 л.) возраста; школа является такимъ соціальнымъ цѣлымъ, къ которому 6—7 лѣтній ребенокъ вступаетъ въ эмоціональныя отношенія принадлежности и подчиненности“¹⁾).

Школа пробуждаетъ соціальныя чувствованія потому, что она, сравнительно съ семьей, является болѣе типичной соціальной организаціей. Въ семьѣ объединяются люди разныхъ возрастовъ и состояній (дѣды, отцы, братья, сестры, прислуга), школа же представляетъ однородное цѣлое; семья преслѣдуетъ самыя разнообразныя цѣли (и хозяйственныя, и политическія, и воспитательныя и пр.), школа же—одну воспитательную цѣль. Въ школѣ у школьника бываютъ только двухстороннія отношенія—подчиненныя къ учителю и товарищескія—къ сверстникамъ. Чувство товарищества и является основнымъ соціальнымъ чувствованіемъ. Опорой его служитъ сознаніе отрокомъ своей принадлежности и подчиненности къ единому цѣлому, къ извѣстной организаціи, состоящей изъ многочисленныхъ членовъ съ вождемъ

¹⁾ Стернъ. Психологія ранняго дѣтства. Птр. 1915 г., стр. 240.

во главѣ. Понятіе товарищества очень растяжимое. Есть товарищи разныхъ степеней—первой, второй, третьей и т. д. Въ первой степени товарищемъ является одноклассникъ, во второй ученикъ того же учебнаго заведенія, въ третьей—ученикъ другого аналогичнаго учебнаго заведенія. Чѣмъ ниже степень, тѣмъ сильнѣе самое чувство товарищества. Обнаруживается это при столкновеніи товарищей разныхъ степеней другъ съ другомъ и при столкновеніи учениковъ и не-учениковъ. Пусть какой-нибудь ученикъ будетъ оскорбленъ своимъ же товарищемъ—одноклассникомъ, чувство товарищества въ свидѣтеляхъ этого явленія не проснется; если же первоклассника побьетъ второклассникъ, то первый классъ можетъ возстать противъ второго по чувству товарищества; если же ученикъ одного учебнаго заведенія будетъ побитъ ученикомъ другого, то можетъ случиться, что ученики того и другого учебнаго заведенія будутъ возмущены въ своихъ товарищескихъ чувствахъ; если же, наконецъ, уличные мальчишки, не принадлежащіе ни къ какой школѣ, покушаются отколотить какого-нибудь ученика, то свидѣтели, ученики разныхъ школъ, могутъ ополчиться на защиту побитаго, который уже считается въ этомъ случаѣ всеобщимъ товарищемъ для учащихся вообще. Такъ развивается понятіе товарищества, захватывая все большее и большее количество людей.

Чувство товарищества является возбуждателемъ симпатіи въ предѣлахъ товарищескаго круга и антипатіи за его предѣлами. Ради товарищей мальчишки въ случаѣ нужды могутъ проявить самопожертвованіе съ такою же легкостію, съ какою совершаются и жестокости въ отношеніи къ не-товарищамъ, осмѣлившимся нарушить ихъ товарищескіе интересы. „Однажды Л. Наги шелъ съ 3 мальчиками 10—12 лѣтъ черезъ лѣсъ домой. Сбоку слышались пѣніе и посвистываніе дѣтей, шедшихъ въ свою деревню и пересѣкавшихъ первымъ дорожку. Л. Наги замѣтилъ, что при видѣ чужихъ дѣтей въ мальчижахъ, сопровождавшихъ его, проснулось боевое настроеніе: они не спускали съ незнакомыхъ враговъ глазъ и бросали въ ихъ сторону вызывающія слова. Слышались восклицанія: „этотъ изъ Harastzter Hof“, „онъ идетъ сюда!“ „Онъ не свиститъ больше!“ „Поспѣшимъ, чтобы нагнать ихъ“ Когда противники встрѣтились, чужой мальчикъ посмотрѣлъ

смѣло въ глаза дѣтямъ, сопровождавшимъ Наги, и, обмѣнявшись нѣсколькими угрожающими другъ другу словами, дѣти разошлись въ противоположныя стороны¹⁾. То же самое чувство товарищества, объединяя въ одно цѣлое группу дѣтей, создаетъ коллективное чувство чести и безчестія; оно обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда ученики гордятся или бываютъ сконфужены своими учителями, видомъ и размѣрами школьнаго зданія и т. п. Происходитъ аналогичное тому, что чувствуетъ ученикъ къ роднымъ и родному дому. Въ предѣлахъ одной и той же школы могутъ возникать болѣе частныя товарищества и сообщества съ самыми разными цѣлями,—сообщества продолжительныя и временныя. Такъ, отроки могутъ соединиться въ группы при устройствѣ игръ, вечеровъ, прогулокъ, экскурсій и даже при нападеніи на чужіе сады и огороды. Въ образованіи этихъ товариществъ проявляется одинъ и тотъ же законъ: однородная среда и совмѣстная дѣятельность, ставя общія цѣли и создавая общіе интересы, горести и радости и одинаковое умонастроеніе, созидаетъ товарищескій союзъ и способствуетъ развитію симпатіи въ предѣлахъ его. Создается товарищеская этика. По даннымъ устроенной въ 1909 году анкеты среди учителей московскихъ лѣтнихъ курсовъ, самыми тяжкими проступками противъ товарищеской этики среди учениковъ начальныхъ школъ считаются ябедничество и доносъ. Рядомъ съ ними стоятъ—игра не по чести, нарушеніе правилъ игры, отказъ отъ участія въ общемъ предпріятіи. Особенно тяжкимъ проступкомъ считается бросить игру, не конченную всѣми, а также измѣнить своей партіи или перейти играть въ другіе кружки. Далѣе идутъ проступки противъ отдѣльныхъ членовъ товарищества, какъ то: воровство другъ у друга, ложь товарищу, обида или оскорбленіе, насмѣшки, нежеланіе сдѣлать одолженіе товарищу, подѣлиться чѣмъ-нибудь или помочь, порча чужихъ вещей. Трусость также считается большимъ недостаткомъ, потому что не соответствуетъ тому идеалу, котораго долженъ придерживаться каждый товарищъ. Надо прибавить, что отъ каждаго члена товарищества требуется непремѣнное участіе во всѣхъ общихъ предпріятіяхъ, какъ бы опасны или дурны они

¹⁾ Писарева. Дѣтск. интер., стр. 50.

ни были¹⁾). И пока отрокъ находится въ предѣлахъ товарищескаго круга, ему облегчается достиженіе храбрости: среди товарищей каждый чувствуетъ себя смѣлѣе и увѣреннѣе, какъ и взрослый—среди толпы, одушевленной однимъ настроеніемъ и проникнутой однимъ намѣреніемъ. Но лишь только школьникъ одинъ на одинъ встрѣчается съ мальчикомъ своихъ же лѣтъ, но незнакомымъ, какъ сейчасъ же у обоихъ можетъ возникнуть чувство замѣшательства—застѣнчивость, не наблюдаемая при встрѣчѣ мальчика со взрослымъ и не наблюдавшаяся въ дѣтскіе годы мальчика при встрѣчѣ его съ другими дѣтьми. Очевидно, что у встрѣтившихся мальчиковъ возникаетъ опасеніе того, какъ бы не произвести дурного впечатлѣнія и тѣмъ не уронить вмѣстѣ съ собою и репутацію школы.

Чувство товарищества, какъ и чувство любви къ родинѣ, пребываетъ въ бессознательной сферѣ человѣка, такъ что при обычномъ теченіи жизни можетъ показаться, что его нѣтъ въ душѣ, но стоитъ только произойти столкновенію между товарищескими интересами и интересами кого-либо другого, не исключая иногда и учителя, какъ оно пробуждается съ неожиданной силой, какъ потухшій вулканъ. Правда, массовыхъ столкновеній между учителями и учениками въ школахъ и классахъ, съ отроческимъ населеніемъ, почти не бываетъ. По большей части не замѣчается тамъ и общественнаго мнѣнія, если кто-либо изъ взрослыхъ не постарается организовать его. Начальная школа не знаетъ традицій, носителями которыхъ были бы сами ученики. Чувство товарищества пышно разрастается въ видѣ многочисленныхъ соціальныхъ чувствъ только въ такихъ школахъ, гдѣ введено самоуправленіе учениковъ. Тамъ создается и прочно держится и общественное мнѣніе. Тогда школа является настоящимъ питомникомъ настоящихъ гражданъ. Къ сожалѣнію, такіе опыты съ самоуправленіемъ, ставшіе обычнымъ явленіемъ за океаномъ и въ западноевропейскихъ государствахъ, у насъ, въ Россіи, кажется, не производились. Чувство товарищества является, какъ мы сказали, возбуждателемъ чувства симпатіи, къ товарищамъ и антипатіи

¹⁾ Сборн. Вопросы и нужды учительства, вып. 10. ст. Чехова „На порогѣ въ школу и изъ школы“.

къ не—товарищамъ при столкновении первыхъ съ послѣдними. Но по большей части симпатія и антипатія проявляются и независимо отъ товарищества. Въ общемъ отроки, по даннымъ экспериментальной педагогики, не отличаются склонностию къ сочувствію другимъ лицамъ. Въ этомъ отношеніи они значительно уступаютъ дѣтямъ младшаго возраста, до 7 лѣтъ. По таблицѣ Бэка, производившаго изслѣдованіе симпатіи по анкетному методу, оказалось, что всего чаще проявленіе состраданія наблюдается въ возрастѣ отъ 2 до 6 года. Съ этихъ поръ состраданіе непрерывно и почти равномерно уменьшается. Такъ, въ возрастѣ 3-хъ лѣтъ способность къ симпатіи выражается цифрой 95, въ возрастѣ 6 л.—ц. 60, въ 7 лѣтнемъ возрастѣ она упадаетъ до ц. 41, а въ возрастѣ 12 л. нисходитъ даже до ц. 10. Колоссальный регрессъ въ проявленіяхъ симпатіи! Мейманъ, откуда мы заимствовали сообщеніе о результатахъ анкеты Бэка, ссылается еще на слова одного учителя, который говорилъ, что дѣти въ возрастѣ 12—14 лѣтъ, въ особенности мальчики, крайне рѣдко проявляютъ состраданіе: оно обнаруживается только въ очень потрясающихъ случаяхъ¹⁾. Наши собственные наблюденія также, повидимому, склоняютъ насъ къ тому заключенію, что у отроковъ надъ состраданіемъ преобладаютъ эгоистическія и антипатическія чувствованія. Въ предѣлахъ школьныхъ стѣнъ, подъ вліяніемъ чувства соревнованія, отроки чаще выражаютъ въ отношеніи другъ къ другу пренебреженіе, зложелательство, зависть, злорадство и жестокость, чѣмъ благожелательство и состраданіе. О сорадованіи же въ ихъ отношеніяхъ и заикаться нельзя: они его не обнаруживаютъ даже въ отношеніи къ роднымъ братьямъ, съ которыми въ школѣ не рѣдко ссорятся и дерутся. По анкетѣ Чехова, обнаруживается, что „мальчики вообще любятъ драться и смотрѣть на драку. Дерутся безъ зла и драку считаютъ игрой, удовольствіемъ, хорошимъ дѣломъ и даже удачью. Дракою пріобрѣтается авторитетъ; не драться „стыдно“, подбить кому-нибудь глазъ своего рода геройство; сильнаго уважаютъ, поскольку онъ проявилъ свою силу въ дракахъ. Случается, что дѣти одной деревни устраиваютъ общія драки съ дѣтьми другой или ведутъ съ ними непре-

¹⁾ Мейманъ, цит. соч., стр., 555—556.

рывную войну; особенно отличившіеся въ этой войнѣ считаются героями. Поощряютъ эти возрѣнія и взрослые¹⁾. Интересно отмѣтить, какъ измѣняется въ отроческихъ годахъ отношеніе мальчиковъ къ дѣвочкамъ. Мальчики въ 8—10 лѣтъ обычно исключаютъ изъ своей компаніи дѣвочекъ, а 10—12 лѣтніе мальчики считаютъ даже унижительнымъ играть съ дѣвочками въ мячъ или солдаты и даже стараются разстроить самостоятельныя игры дѣвочекъ. У дѣвочекъ же такого сепаратно-пренебрежительнаго отношенія къ мальчикамъ не замѣчается.

Все сказанное относительно симпатическихъ чувствованій мальчиковъ заставляетъ признать, что отроческому возрасту свойственна нѣкоторая черствость и огрубѣлость чувства. Мы затрудняемся объяснить это явленіе. Можетъ быть, большое значеніе имѣетъ тотъ культъ силы, ловкости и выносливости, поклонниками котораго являются мальчики. Въ ихъ антипатическихъ поступкахъ нельзя-ли видѣть первыхъ и потому неизбѣжно утрированныхъ и грубыхъ проявленій подготавливающейся мужественности? При томъ же они чаще представляются грубыми, чѣмъ являются такими на самомъ дѣлѣ. Когда отроки сходятся вмѣстѣ, имъ стыдно становится проявлять нѣжныя чувствованія и хочется превзойти другъ друга въ силѣ, проявленіями которой ошибочно считается жестокость и безсердечіе. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда нѣтъ надзирающаго ока товарища, отрокъ не недоступенъ состраданію. Такъ, въ предѣлахъ семьи—въ отношеніи къ роднымъ, на улицѣ—въ отношеніи къ животнымъ, при чтеніи и посѣщеніи театра,—въ отношеніи къ дѣйствующимъ лицамъ, даже—въ стѣнахъ школы въ отношеніи къ маленькимъ ученикамъ, если никто не видитъ,—отрокъ продолжаетъ выражать состраданіе, жалость и даже иногда нѣжность. Не потому-ли отрокъ такъ пренебрежительно относится и къ дѣвочкамъ, чтобы показать своимъ товарищамъ, что онъ, будущій мужчина, совершенно чуждъ по духу и потому совершенно игнорируетъ „дѣвчонокъ“!

Олѣдовало бы для полноты картины разсмотрѣть религіозныя чувствованія отроковъ, но, къ сожалѣнію, мало можно указать характерныхъ въ этомъ отношеніи чертъ.

1) 10 сборникъ „Вопр. и нужды учительства“.

Религіозная жизнь дѣтей до 7 лѣтъ, а также юношей гораздо своеобразнѣе, богаче и опредѣленнѣе, чѣмъ религіозныя переживанія отрочества. У отроковъ есть религіозная потребность и имѣются религіозныя чувствованія, но у нихъ нѣтъ ни той непосредственной религіозности, какая свойственна дѣтямъ, ни той борьбы между вѣрой и невѣріемъ, которая присуща юности. Отрокъ значительную часть религіозной жизни воспринимаетъ подъ вліяніемъ авторитетовъ: мать, отецъ, батюшка, учитель такъ говорятъ, значитъ это такъ и есть. Религія, далѣе, возникаетъ и питается сознаниемъ и чувствомъ несоотвѣтствія между нашими идеалами и земною дѣйствительностію,—между тѣмъ, чего алчетъ и жаждетъ душа, и тѣмъ, что предлагаетъ ей міръ. Но этого-то сознанія несоотвѣтствія у отроковъ, за рѣдкими исключеніями, и не замѣчается. Они, какъ мы видѣли, очень довольны этимъ міромъ и находятъ въ немъ все значительнымъ и разумнымъ. Идеалы ихъ недостаточно возвышенны, чтобы отвлекать ихъ отъ яркихъ впечатлѣній этого міра и увлекать ихъ мысль и чувство на небо; а знаніе жизни настолько несовершенно, что всѣ отроки увѣрены въ достижимости на землѣ полнаго счастья. При такомъ положеніи дѣла въ отношеніи къ подавляющему большинству отроковъ нельзя говорить ни объ ихъ безрелигіозности, ни объ ихъ сильной религіозной настроенности, ни о сложныхъ (какъ, напр., благоговѣніе и любовь къ Богу) религіозныхъ чувствованіяхъ. Отрокамъ свойственны религіозныя чувствованія примитивнаго характера, а именно: чувство страха предъ Богомъ, особенно предъ Его вездѣсущіемъ, и чувство надежды на Бога. Проявленіе религіознаго страха можно наблюдать особенно часто предъ принятіемъ св. Тайнъ Христовыхъ, когда многіе отроки боятся, какъ бы огонь не попалъ имъ, недостойныхъ, а проявленія чувства надежды на Бога—во время экзаменовъ, когда религіозность отроковъ значительно повышается, но и страхъ и надежда, по минованіи вызвавшихъ ихъ обстоятельствъ, быстро проходятъ. „Религіозныя сомнѣнія, пишетъ Мейманъ, появляются рѣдко раньше времени выхода изъ школы... При этомъ замѣчательно, что сомнѣніе, повидимому, часто бываетъ обусловлено неправильнымъ пониманіемъ религіознаго ученія, изъ

чего вытекаетъ важность основательнаго пониманія религиозныхъ истинъ для послѣдующей жизни“¹⁾).

Въ волевой сферѣ отрока прогрессъ сказывается въ томъ, что волевая дѣятельность становится болѣе сознательной, обдуманной и практической. Число импульсивныхъ поступковъ съ поступленіемъ въ школу сокращается, а число обдуманныхъ замѣтно возрастаетъ. Много причинъ способствуетъ такой перемѣнѣ. И дисциплина, и обученіе, и совмѣстная жизнь и дѣятельность съ товарищами—все это приучаетъ мальчика къ выдержкѣ и самообузданію. Они заставляютъ его не дѣлать того, что хочется, и дѣлать то, чего не хочется. Тогда совершается важный переворотъ въ волевой жизни отрока: вмѣсто: „я такъ хочу“, „я этого желаю“ все чаще и чаще отрокъ говоритъ себѣ: „я долженъ“, „мнѣ нужно сдѣлать то-то“. Сами отроки безъ внѣшнихъ побужденій стремятся къ выработкѣ этой сдержанности, что видно изъ практикуемыхъ ими нѣкоторыхъ игръ. Такова, напр., игра „въ прятки“, когда мальчикъ или дѣвочка, спрятавшись гдѣ-ниб., замираютъ на долгое время въ неподвижномъ состояніи, боясь даже дохнуть; такова же игра „въ молчанки“, когда мальчику не разрѣшается ни говорить, ни смѣяться, не смотря на искушающіе вопросы и смѣхотворныя продѣлки. Дѣлаясь болѣе сдержаннымъ, отрокъ, обогащается и въ интеллектуальномъ и эмоціональномъ отношеніяхъ: появляются новыя идеи, умножаются мотивы, яснѣе сознается цѣль, приобрѣтается большее знакомство съ средствами. Все это подготавливаетъ и облегчаетъ переходъ импульсивной воли въ разумную, свободную, выбирающую мотивы и средства дѣятельности. Часто одного-двухъ повтореній извѣстнаго дѣйствія бываетъ достаточно для того, чтобы оно изъ импульсивнаго превратилось въ болѣе или менѣе обдуманное. Наги рассказываетъ: „Во время первыхъ прогулокъ мальчики ловили бабочекъ и рукой и шляпами. Завидѣвъ какую-бы то ни было бабочку, они кидались за ней и или ловили ее или убивали. Это было импульсивное дѣйствіе. Въ третью прогулку они принесли одну бабочку съ собой домой, а затѣмъ уже нѣкоторые изъ дѣтей стали готовить для прогулокъ булавки и толстую бумагу, чтобы насаживать бабочекъ. Это были уже почти

¹⁾ Мейманъ, цит. соч., стр. 560.

сознательныя дѣйствія. Кромѣ того, вначалѣ мальчики ловили бабочекъ безъ разбора. Всякую встрѣчную они стремились поймать. Но съ теченіемъ времени сталъ проявляться выборъ. Они говорили: „это—красивая“, „эта—некрасивая“, „эта у насъ есть, а этой еще нѣтъ“¹⁾.

Дѣятельность отрока, понимаемая въ широкомъ смыслѣ слова, проявляется въ играхъ, развлеченіяхъ, школьномъ обученіи и домашнемъ трудѣ. Отмѣтимъ характерныя черты ихъ занятій. Любимыми играми отроковъ, соотвѣтственно ихъ положенію и соціальнымъ тенденціямъ, являются групповыя игры, съ участіемъ нѣсколькихъ игроковъ. Ихъ можно назвать общественными. Въ нихъ каждый играющій долженъ имѣть въ виду не только свой личный интересъ, но и интересъ своей партіи и даже интересъ всей игры. Ради обезпеченія интереса игры онъ обязывается подчиняться правиламъ игры и выбранному предводителю, хотя бы это подчиненіе въ данный моментъ было непріятно или невыгодно ему или его партіи. И мальчики и дѣвочки любятъ играть въ слѣдующія игры: кошки и мышки, овинъ, свинка, гуси-лебеди, жмурки, краски, золотыя или желѣзныя ворота, вороны и коршуны, веревочка, палочка-выручалочка, цари, бѣшеный теленокъ, хромая лиса, карты и т. д.; отдѣльно дѣвочки продолжаютъ играть въ куклы, а мальчики играютъ въ лапту, свайку, городки, въ разбойниковъ, въ войну. Въ общественныя игры дѣти начинаютъ играть еще до поступленія въ школу, такъ, приблизительно, съ 6—7 лѣтъ, но въ періодъ школьнаго обученія эти игры особенно распространены. Любимыми развлеченіями и мальчиковъ и дѣвочекъ являются—качели, гигантскіе шаги, катанье на конькахъ и санкахъ, танцы, уходъ за растеніями и животными, возня съ кошкой и собакой, собираніе ягодъ и грибовъ въ лѣсу, отдѣльно—дѣвочки любятъ—собирать цвѣты, разноцвѣтные лоскутки матеріи, изготовлять одежду для куколъ, нянчиться съ дѣтьми; мальчики же предпочитаютъ развлеченія, связанныя съ инстинктомъ борьбы: они любятъ пускать бумажнаго змѣя, раззорять птичьи гнѣзда, ловить насѣкомыхъ, рыбу, птицъ, охотиться съ ружьемъ и т. д. Развлеченія, соединенныя съ удовлетвореніемъ

¹⁾ Писарева. Цитир. соч. стр. 44.

инстинкта борьбы, способствуютъ развитію тѣла, приучаютъ къ наблюдательности и быстрой оцѣнкѣ положенія, требуютъ большой рѣшимости, приучаютъ къ выносливости, укрѣпляютъ мужество и располагаютъ къ знакомству съ предметами и явленіями природы. Увлекающійся охотой мальчикъ попутно приобрѣтаетъ познанія по зоологіи, даже по ботаникѣ и другимъ естественнымъ наукамъ. Важно отмѣтить здѣсь еще и то, что въ концѣ отроческаго возраста уже начинаютъ, въ связи съ развлеченіями, обнаруживаться индивидуальныя склонности отрока къ рисованію, музыкѣ, естествознанію, ремеслу и т. п.

Слѣдуя указанному плану, мы бы должны перечислить любимые и нелюбимые предметы и занятія при школьномъ обученіи, но не будемъ дѣлать этого, потому что по этому вопросу нѣтъ согласія между наблюдателями школьной жизни. Это вполне и понятно, если принять въ расчетъ, что одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть и любимымъ и нелюбимымъ въ зависимости не только отъ его содержанія, но и отъ особаго въ каждой школѣ отношенія учителя къ ученикамъ и предмету и отъ метода преподаванія. Ограничимся лишь указаніемъ на то, что школьники очень склонны и способны къ механическимъ упражненіямъ. „Ни въ какомъ другомъ возрастѣ человѣкъ не проявляетъ такой пластичности въ усвоеніи всѣхъ тонкостей письма, чтенія, техники рисунка, музыки, ручного труда, иностраннаго произношенія, манипуляцій съ числами и геометрическими величинами. Всего этого нельзя еще было приобрѣсти въ болѣе нѣжномъ возрастѣ, позже все это будетъ приобрѣтаться съ большимъ трудомъ и меньшей отчетливостію. Именно въ эти годы и должны поэтому усваиваться автоматическіе навыки, необходимые для жизни“¹⁾.

Большинство учениковъ народныхъ школъ при обученіи въ школѣ не освобождаются и отъ хозяйственнаго труда по своимъ домамъ, особенно въ каникулярное время. Еще до поступленія въ школу, отроки принимаютъ участіе въ домашнихъ и полевыхъ работахъ старшихъ. Мы не будемъ перечислять этихъ работъ, такъ какъ онѣ всѣмъ извѣстны. Ограничимся лишь ссылкой на С. А. Рачинскаго,

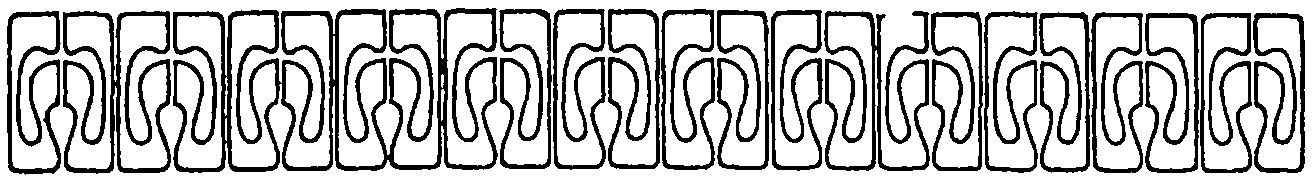
¹⁾ Вѣстникъ воспит. за 1910 г., ст. Сѣдова „Юноша, психологія и педагогика его возраста“.

который находилъ, что такое участие въ работахъ старшихъ дѣлаетъ деревенскаго 10 лѣтняго мальчика неизмѣримо болѣе зрѣлымъ для жизни, сравнительно съ 20 лѣтнимъ юношей, выхоленнымъ въ богатомъ просвѣщенномъ семействѣ. Большая зрѣлость перваго сказывается и въ лучшемъ знаніи жизни со всѣми свѣтлыми и даже грязными ея сторонами, и въ развитомъ чувствѣ отвѣтственности, съ которымъ мальчикъ уже поступаетъ въ школу, и въ необыкновенной работоспособности его, доходящей до желанія заниматься отъ 8 часовъ утра до 8 ч. вечера, и въ развитіи педагогической жилки, позволяющей учителю пользоваться пособничествомъ лучшихъ учениковъ при занятіяхъ съ слабѣйшими, и въ благоговѣйномъ отношеніи къ ученю и книгѣ, которую школьникъ цѣлуетъ крестясь прежде, чѣмъ раскрыть ее и пр. Мы не рѣшаемся пересказывать далѣе содержаніе вдохновенной характеристики С. А. Рачинскаго и совѣтуемъ читателю обратиться къ его сочиненіямъ, чтобы убѣдиться въ томъ, насколько прекрасна душа деревенскаго школьника. Только при наличности этого условія и можно понять, какъ могъ больной и старый помѣщикъ и профессоръ, какимъ былъ С. А. Рачинскій, находить и силы и удовольствіе въ 12-ти часовыхъ ежедневныхъ занятіяхъ, не исключая и праздниковъ, съ 70-тью мальчиками. Допустимъ, что вдохновенная характеристика школьника у С. А. Рачинскаго, которую нельзя читать буквально безъ сердечнаго трепета, или преувеличена или, что скорѣе можно принять, приложена только къ ученикамъ этого идеальнаго педагога, все же нужно сказать, что заниматься съ отроками легко и пріятно, легче и пріятнѣе, чѣмъ съ учениками другихъ возрастовъ. Въ самомъ дѣлѣ, свойственная отроку пластичность и спокойная понятливость, которую проф. Паульсенъ противопоставляетъ тупости ребенка и безпокойной страстности юноши, облегчаетъ обученіе. Присущая ему же значительная внушаемость и выдержка, пріобрѣтенная еще до поступленія въ школу недѣтскимъ трудомъ, облегчаетъ учителю достиженіе задачъ дисциплины. Самая трудная задача учителя—воспитывать облегчается не только этой внушаемостью, но и многими другими данными: вѣдь у школьниковъ появляется уже склонность къ самоощущенію и самоконтролю, совѣсть дѣлается живой, образуются понятія о добрѣ и злѣ,

пробуждаются чувства соревнованія и чести, а въ глубинѣ души, подѣ всѣми этими образованіями, бьется стремленіе къ совершенствованію, которое является божественнымъ началомъ въ душѣ человѣка. Демонъ же полового влеченія еще дремлетъ, и инстинктъ борьбы не направляется противъ учителя. Народная школа по всему этому занимаетъ исключительное положеніе: въ ней нѣтъ той борьбы между учителемъ и учениками, отъ которой страдаютъ обѣ воюющія стороны съ родителями на придачу; въ ней нѣтъ и той массы лжи, обмана, хитрости и притворства, которыя, подобно ржавчинѣ, разъѣдаютъ молодыя души; въ ней скорѣе, чѣмъ во всякой другой школѣ, могутъ установиться между учителемъ и учениками тѣ отношенія взаимнаго уваженія, довѣрія и любви, о которыхъ такъ мечтаютъ педагоги и ученики „воинствующей“ средней школы.

В. Тихомировъ.

Толстовцы въ деревнѣ и князь Хилковъ.

Итакъ отдавайте всякому должное
(Посл. къ Рим. 13 г. 7 ст.)

Изъ сектантскихъ движеній конца прошлаго вѣка особенный интересъ, по нашему мнѣнью, представляетъ движеніе, связанное съ именемъ русскаго писателя Гр. Л. Н. Толстого.

Еще у всѣхъ въ памяти громадное вліяніе отрицательныхъ религіозно-нравственныхъ и политическихъ идей Толстого на умы русской, либеральной интеллигенціи восьмидесятыхъ и послѣдующихъ годовъ. Русская интеллигенція, отказавшись, подъ вліяніемъ западныхъ идей, отъ православнаго уклада жизни русскаго народа, въ поискахъ смысла жизни, любила и любитъ творить себѣ идоловъ и поклоняться имъ. Достаточно, въ поясненіе, выяснить былыя увлеченія русскаго прогрессивнаго общества: кантіанствомъ, гегеліанствомъ, матеріализмомъ (нигилизмомъ), марксизмомъ и, наконецъ, идеями и ученіемъ Гр. Л. Н. Толстого. Но для насъ, церковныхъ людей, интересъ представляютъ не столько сами эти увлеченія, сколько попытки интеллигенціи свои вѣрованія привить простому русскому народу, народу богоносцу, выросшему и воспитавшемуся подъ кровомъ Православной Церкви, и, въ частности, въ данномъ случаѣ попытка привить народу религіозно-анархическія идеи Толстого, которая имѣла мѣсто въ селѣ Павловкахъ, Сумск. уѣзда, Харьковской губерніи.

Эта попытка по широтѣ замысловъ, числу участниковъ и средствамъ осуществленія представляетъ собою исключительное явленіе въ исторіи русской жизни. И этотъ нашъ интересъ усугубляется особенно еще тѣмъ обстоятельствомъ, что главное дѣйствующее лѣто этой толстовской эпопеи—

князь Дмитрій Александровичъ Хилковъ, принесшій въ жертву пропелаторской сектантской дѣятельности:—свое имя, карьеру, состояніе, т. е., буквально всего себя, въ результатѣ тридцатилѣтнихъ усилій созналъ ошибку своей жизни, возвратился въ „домъ отчій“ и свою вину искупилъ на полѣ брани, запечатлѣвъ свое обращеніе смертью героя.

Мы не имѣемъ своею цѣлью излагать подробную исторію возникновенія, развитія и завершения Толстовскаго движенія въ селѣ Павловкахъ, но, подъ вліяніемъ минуты—обращенія и смерти князя, постараемся, посылно, описать мѣсто дѣйствія, главныхъ дѣйствующихъ лицъ и главнѣйшіе моменты развитія и завершения дѣйствія, отсылая интересующихся перепетіями борьбы и другими частностями къ своевременно появлявшимся статьямъ и замѣткамъ въ періодической печати и особенно въ журналѣ: „Вѣра и Разумъ“¹⁾.

Село Павловки и его обитатели.

Село Павловки представляетъ собою самое заурядное малороссійское село Харьковщины, населенное выходцами изъ украины—черкассами въ началѣ семнадцатаго вѣка. Глухое, растянувшееся вдоль балки вереть на шесть, съ небольшою каменною церковью посрединѣ. Село Павловки населено крестьянами двухъ помѣщиковъ—Графа Строганова и Кн. Хилковой и потому прозывается и пишется во множест. числѣ—Павловки, двѣ Павловки. Религіозная и бытовая жизнь народа, послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, текла самымъ обычнымъ среди нашего народа темпомъ; народъ былъ сравнительно трудолюбивъ, скромнъ въ своихъ жизненныхъ потребностяхъ, почитателенъ къ духовенству и преданъ храму Божію и вѣрѣ своихъ отцовъ, о какихъ либо волненіяхъ, недовольствахъ

¹⁾ Напр., журналы миссіонер. совѣщаній 1896 г. и 1900 г. напеч. въ журн. „Вѣра и Разумъ“. Были изданы отдѣльные оттиски—Брошюра В. Терлецкаго „Павловскіе сектанты“, а изложеніе Толстов. міровоззрѣнія князя, исторіи сектантскаго движенія и извѣст. Павловскаго побойца—Миссіонер. Обзоръ за 1901 г. октябрь. Наши замѣтки, касающія исторію обрац. князя подъ заглав. „Православная вончина толстовца“ В. и Р. Кн. 23 и 24, и „Почему онъ пошелъ на войну“ В. и Р. Кн. 17. Письма Князя въ изданіи Новоселова. 1913 г. выпуск. 1-й.

среди крестьянъ не было ни слуху, ни духу, не замѣчалось среди народа и особыхъ пороковъ. Словомъ, жизнь прихода была самая мирная, какъ и въ тысячѣ подобныхъ малороссійскихъ селъ 60 и 70 г. г. прошлаго вѣка и сама по себѣ ничего особеннаго не предвѣщала. Впрочемъ, въ отношеніи матеріальнаго обезпеченія обѣ Павловки рѣзко различались. Павловка Строгановская, одна изъ самихъ глухихъ вотчинъ этого богатѣйшаго помѣщика, при выходѣ на волю получила значительный земельный надѣлъ и крестьянъ безземельныхъ тамъ не было. Павловка же Хилковская получила меньшій земельный надѣлъ и, кромѣ сего, при княжескомъ дворѣ была громадная дворня, совсѣмъ земли не получившая. Здѣсь поэтому къ описываемому времени чувствовалась остро земельная нужда. Среди мѣстныхъ обитателей самую интересною, колоритною фігурою былъ настоятель прихода—священникъ Захарія Добрецкій или, какъ крестьяне называли, просто „Захарій“.

„Захарій“.

Это былъ типичный представитель того уже вымирающаго, къ сожалѣнію, духовнаго сословія, которое воспитало сермяжную Русь въ устояхъ строгаго Православія и дало ему терпѣливо снести невгоды и ужасы крѣпостнаго состоянія. Священника (впослѣдствіи Протоіерея) Захарія, вѣроятно, въ Павловкахъ не скоро забудутъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ іереевъ, которые во всю свою жизнь стремятся быть дѣйствительно іереями Бога Вышняго, непоколебимыми въ своихъ убѣжденіяхъ и хотя бываютъ строгими къ людямъ и ихъ слабостямъ, но зато они прежде всего строги къ самимъ себѣ. Іерей Захарій былъ строгъ съ прихожанами, не потакалъ ихъ слабостямъ, но, несмотря на это, былъ любимъ ими за ревность къ пастырскому долгу и за отзывчивость къ нуждѣ и горю крестьянина. О какихъ либо столкновенияхъ съ прихожанами на столь обычной почвѣ матеріальнаго вознагражденія не могло быть и рѣчи,—такъ какъ о. Захарій довольствовался тѣмъ, что давали, будучи человекомъ весьма скромнымъ въ своихъ жизненныхъ потребностяхъ (ничего не пилъ, не курилъ и пр.), да къ тому же еще рано и овдовѣлъ (имѣлъ двухъ дѣтей). На этой почвѣ,

правда, у него происходили частыя столкновения съ другими священниками,—такъ какъ приходъ былъ дѣйстви-тельно незавиденъ въ матеріальномъ отношеніи,—но возлагать за это вину на Захарія весьма рискованно, принимая еще во вниманіе и то обстоятельство, что онъ часто отдавалъ низшимъ членамъ причта (въ старости) и свою часть дохода. Въ силу этого вторые священники въ Павловкахъ часто смѣнялись и особенной роли въ жизни прихода не играли. Іерей Захарій поступилъ священникомъ въ Павловки еще въ 1851 году, во времена крѣпостныя и хотя, какъ лучшему студенту семинаріи, ему, въ старости и предлагали лучшія, покойныя и почетныя мѣста (настоятеля уѣзднаго собора), но онъ такъ сжился съ Павловками, которымъ буквально отдалъ всю свою жизнь, что ни за что ни хотѣлъ разставаться съ ними.

Въ крѣпостныя времена о. Захарію не мало приходилось терпѣть отъ грозныхъ графскихъ управителей изъ крестьянъ за свои ходатайства о несправедно притѣсняемыхъ, когда свирѣпствовало самодурство и беспощадная порка. Ему не хотѣли управители ремонтировать квартиры, строить надворныхъ построекъ и, вообще, прижимали, но зато съ нимъ была любовь его пасомыхъ. О. Захарій самъ лѣчилъ своихъ прихожанъ, а во время холерной эпидеміи даже ухаживалъ за больными ¹⁾ Онъ же и училъ грамотѣ дѣтей своихъ пасомыхъ, съ какою цѣлью въ собственной квартирѣ открылъ начальную школу для дѣтисекъ. Когда же второй священникъ, заразившись примѣромъ настоятеля, тоже въ своей квартирѣ открылъ школу, то Захарій перенесъ свою на другой конецъ села, желая, чтобы и дальнія могли учиться грамотѣ. Ежедневно о. Захарій за двѣ версты ходилъ въ свою школу и безкорыстно творилъ свое великое—маленькое дѣло. Въ той же крестьянской избѣ, гдѣ помещалась школа, Захарій по воскреснымъ днямъ велъ съ народомъ религіозныя сельско-хозяйственныя и другія бесѣды. И отблагодарили же ревностнаго іерея въ послѣдствіи его ученики!.. Въ семидесятыхъ годахъ стараніями Захарія въ пустомъ экономическомъ домѣ на средства общества и

¹⁾ Въ Церков. архивѣ сохранилась любопытная медицинская тетрадь, въ которую о. Захарій записывалъ свойства лѣкарствъ и различныя рецепты.

графа открыта была и настоящая школа, а въ восьмидесятихъ—на средства того же графа была построена и доселѣ существующая земская школа.хлопоталъ о постройкѣ и строилъ зданіе все тотъ же неутомимый іерей Захарій. Словомъ, о. Захарій былъ пастырь добрый, творившій свое пастырское дѣло не за страхъ, а за совѣсть и посему вполне понятно, что ко времени появленія въ приходѣ, въ 1885 г., штунды, священствуя въ одномъ приходѣ уже 35 лѣтъ, онъ пользовался всеобщею любовью и уваженіемъ. Моральное вліяніе о. Захарія на прихожанъ было громадно и можно сказать, что ни одно общественное дѣло въ приходѣ не обходилось безъ участія уважаемаго пастыря въ той или другой мѣрѣ. Казалось бы, достойный пастырь, отдавшій приходу 34 года своей жизни, могъ спокойно взирать на остатокъ дней своихъ и пользоваться плодами трудовъ своихъ, окруженный любовью и уваженіемъ пасомыхъ, но вотъ съ этого то времени и настала для него самая страдная пастырская работа и постигли его тяжелыя пастырскія заботы, огорченія, испытанія...

К н я з ь .

Я уже упоминалъ о томъ, что Павловки состоятъ изъ двухъ селъ, двухъ Павловокъ. Приходскій храмъ стоитъ въ Строгановской Павловкѣ. Въ Хилковской же Павловкѣ послѣдовательно съ 1680 г. существовало четыре храма. Всѣ они были деревянные, незавидной постройки. Одинъ изъ нихъ №(3-й) сгорѣлъ, а послѣдній, неудачно построенный, обрушился въ 1804 г. Полуразрушенный храмъ въ 1818 году былъ окончательно закрытъ и разобранъ, а Павловки были приписаны къ Церкви села Ястребеннаго и жили безъ храма болѣе семнадцати лѣтъ, пока не былъ выстроенъ помещицей А. Кумберлей (владѣвшей тогда Павловками) существующій нынѣ, довольно красивый, каменный храмъ. Въ Хилковской же Павловкѣ взоръ проѣзжающаго прежде всего остановитъ расположенный на горѣ, среди парка, домъ съ надворными постройками княгини Ю. П. Хилковой, урожденной Джунковской. Не лишнимъ считаемъ упомянуть краткую исторію этого имѣнія. Нѣкогда всѣми Павловками владѣли помещики Ѳедоровы, потомки казацкаго сот-

ника, приведшаго въ Павловки казаковъ. Впослѣдствіи добрая половина имѣнія Ѳедоровыхъ перешла во владѣніе все-сильнаго въ свое время Сумскаго полковника Кондратьева, владѣвшаго едва ли не половиною Сумскаго уѣзда. Въ дальнѣйшемъ Ѳедоровы еще болѣе захирѣли и имѣніе ихъ еще болѣе уменьшилось, частію путемъ продажи, а частію черезъ брачные союзы, пока оставшееся главное ядро имѣнія не перешло отъ матери Ю. П. Джунковской, вышедшей замужъ за князя А. Хилкова, помѣщика Тульской губерніи ¹⁾.

Въ настоящее время вся земля этого имѣнія перешла въ руки крестьянъ, а у княгини остался только домъ съ паркомъ и съ нѣсколькими десятинами пахотной земли. Но оставимъ историческія справки и обратимся къ главному дѣйствующему лицу нашего повѣствованія. Въ 60—70 годахъ прошлаго вѣка въ Павловкахъ проживала, рано разошедшаяся съ мужемъ, княгиня Ю. П. Хилкова съ двумя своими малолѣтними сыновьями—Димой и Сашей. Когда молодые князья подросли и настала пора ихъ учить, то княгиня переселилась въ Петроградъ, въ Павловки же навѣзала только лѣтомъ и на праздникахъ Рождества и Пасхи. Живя въ Павловкахъ, княгиня постоянно съ сыновьями бывала въ храмѣ, принимала у себя духовенство и не гнушалась запросто бывать у священниковъ. Между тѣмъ время шло, молодые князья окончили корпуса и стали офицерами. Меньшій князь Александръ вскорѣ застрѣлился ²⁾, а Дима (князь Дмитрій), любимецъ матери, красавецъ—гусаръ, изрѣдка навѣдывался въ Павловки, поражая населеніе своимъ видомъ, лошадьми и др. Но вотъ разразилась русско-турецкая война и молодой князь перевелся въ Кавказкую дѣйствующую армію, въ казацкій полкъ, а за нимъ послѣдовала и его мать—княгиня, души не чаявшая въ своемъ единственномъ сынѣ, въ качествѣ сестры милосердія. Послѣ войны князь снова появился въ Павловкахъ въ сопровожденіи двухъ казаковъ, оставившихъ по себѣ въ

¹⁾ Князь Д. А. Хилковъ рассказывалъ мнѣ, что по матери онъ приходится правнукомъ Лебединскому протопопу Джунковскому.

²⁾ Семейная жизнь Хилковыхъ, полна трагедій. Старый Князь А. Хилковъ, разошедшись съ женою, прожилъ жизнь страшнымъ образомъ. У вн. Д. А. Хилкова покончили самоубійствомъ двѣ молодыя дочери.

народѣ память джигитовкою и другими казацкими хитростями и, наконецъ, стало извѣстнымъ, что князь почему то совсѣмъ вышелъ въ отставку, навсегда поселяется въ Павловкахъ, имѣя отъ роду 27 лѣтъ, и бросаетъ совершенно столь блестяще начатую военную карьеру (Хилковъ вышелъ въ отставку въ чинѣ подполковника). Выходъ князя въ отставку и поселеніе его въ Павловкахъ произошли въ 1885 году и съ этого времени жизнь народа и прихода перевернулась, что называется, верхъ дномъ. Крестьяне стали поговаривать о томъ, что молодой князь перемѣнился ¹⁾, сталъ доступнымъ и добрымъ, охотно вступаетъ въ бесѣды съ мужиками и жалѣетъ ихъ бѣдность. Хвалили князя за щедрость: даритъ людямъ деньги, хлѣбъ, однажды позвалъ въ паркъ пастуховъ и приказалъ набрать каждому яблокъ столько, сколько снесетъ и др. Лакей князя и близкіе слуги начали рассказывать на улицѣ о томъ, что князь не любитъ поповъ и называетъ ихъ дармоѣдами и обманщиками за то, что скрываютъ отъ людей правду—меньшіе по невѣдѣнію, а высшіе намѣренно—относительно того, что земля должна принадлежать только тѣмъ, кто ее обрабатываетъ собственными руками, т. е. крестьянамъ; что паны пользуются землею и крестьянскимъ трудомъ несправедливо, а попы, будучи государственными чиновниками, только помогаютъ имъ угнетать крестьянъ, проповѣдуя терпѣніе и устрашая адскими муками; что войска, суды, полиція, служатъ той же цѣли, т. е. угнетенію крестьянъ панами, а потому всего этого ничего не нужно: поповъ, службы въ войскахъ, полиціи и др., а слѣдовательно не надо платить и податей, а надо жить всѣмъ по-братски, обрабатывая землю каждый своими руками и только этимъ и довольствоваться,—такъ какъ всѣ люди происходятъ на свѣтъ одинаковымъ обра-

¹⁾ Психологическія причины, на первый взглядъ, столь странной перемѣны въ жизни князя вполне понятны, если мы примемъ во вниманіе двѣ крайнія полосы, пережитыя имъ: съ одной стороны—разгульная, пустая жизнь въ Петроградѣ, съ другой—встрѣча со смертію на подѣ брани. Эти крайности произвели большое вліяніе на впечатлительную душу князя и вызвали у него желаніе жить по правдѣ. Въ толстовщину князь устремился потому, какъ самъ говорилъ, что былъ молодъ и видѣлъ много фальши въ жизни высшаго столичнаго духовенства, но если бы встрѣтился съ церковникомъ, который произвелъ на него впечатлѣніе, то могъ бытъ иначе.

зомъ и разница въ сословіяхъ произошла отъ того, что болѣе ловкіе и сильные насиліемъ подчинили себѣ остальныхъ, заставляя ихъ на себя работать и въ цѣляхъ закрѣпленія своей власти надъ большинствомъ выдумали государство и Церковь со всѣми ихъ установленіями. Къ князю стали, по приглашенію его, въ горницы, на бесѣды ходить крестьяне—тамъ ихъ угощали чайкомъ и просвѣщали новымъ ученіемъ, а грамотныхъ снабжали и соответствующими брошюрками, главнымъ образомъ сочиненія гр. Л. Н. Толстого. Около этого же времени князь ѣздилъ въ Ясную Поляну къ графу за наставленіями и прогостилъ тамъ довольно долгое время.

Пока князь, хотя и одѣвался просто, почти по-крестьянски, и брался съ крестьянами, намѣреваясь даже жениться на крестьянкѣ, жилъ въ горницахъ, пропаганда его не имѣла никакого успѣха. Конечно, слухамъ, толкамъ, разговорамъ среди крестьянъ не было конца, но все таки они не довѣряли князю, подозрѣвали тайный умыселъ и даже подсмѣивались надъ его затѣями, но картина совершенно мѣняется, когда князь вынудилъ у своей матери падавшія на его долю 450 десятинъ земли и отдалъ ее, подъ видомъ продажи, въ общинное владѣніе своимъ бывшимъ крѣпостнымъ, образовавъ изъ нихъ земледѣльческую общину. Въ верстѣ отъ Павловки, на землѣ князя, въ теченіе почти года выросъ хуторъ, дворовъ въ 60, названный въ честь князя „Князевкою“ и „Дмитріевкою“, а въ концѣ хутора, подальше отъ поповъ, поселился и самъ князь въ выстроенной имъ почти крестьянскаго типа избѣ на семи десятинахъ земли, полученныхъ имъ въ надѣлъ отъ общины. Князь надѣлъ крестьянскую свитку, смазные сапоги и вмѣстѣ со своею невѣнчанною подругою, Цициліей Винеръ, началъ осуществлять толстовское опрощеніе, т. е. пахалъ, косилъ, возилъ навозъ и т. п. и сѣялъ толстовскія бредни. Теперь у князя стало сразу нѣсколько сотъ послѣдователей. Изъ сосѣднихъ селъ потянулись къ нему за совѣтами, наставленіями и Павловки всколыхнулись: старики еще хмурились, но молодежь прямо стала боготворить князя, называя его спасителемъ, и старались подражать князю. Съ этого времени Павловки пріобрѣтаютъ почти всероссійскую извѣстность и привлекаютъ къ себѣ благосклонное внима-

ніе русской интеллигенціи, особенно находившейся подъ вліяніемъ идей Толстого. Сюда зачастили нѣкоторые члены семьи гр. Л. Н. Толстого ¹⁾, видные толстовцы какъ то—Бодянской, художникъ Ге, Смирновъ и многіе другіе. Первоначальные труды князя по пропагандѣ толстовщины раздѣляли съ нимъ: его дядя Н. Ф. Джунковскій съ супругой, сестрой Цициліи, И. М. Клобскій, Я. И. Киселевичъ и нѣкоторые другіе, жившіе сперва въ Павловкахъ съ князьями, но затѣмъ вскорѣ высланные отсюда.

Трагедія стараго священника.

Понятна та душевная мука, которую испытывалъ старый священникъ при видѣ успѣховъ сектаторской дѣятельности князя. То, что создавалось съ такими усиліями и столь долгіе годы, мгновенно рушилось: любовь и преданность народа вѣрѣ и Церкви, авторитетъ духовенства. Казалось безцѣльна была вся его жизнь и пастырская дѣятельность! И эта душевная боль старика усугублялась особенно еще тѣмъ обстоятельствомъ, что самыми ревностными послѣдователями князя стали именно тѣ грамотѣи, надъ просвѣщеніемъ которыхъ въ свое время такъ ревностно и безкорыстно трудился о. Захарій. О. Захарій, возведенный уже въ санъ протоіерея, привыкшій за долгіе годы священства къ всеобщему послушанію и уваженію, вынуждался теперь къ словесному препирательству съ тѣми, которыхъ онъ крестилъ и училъ грамотѣ. По привычкѣ всѣ въ Павловкахъ, даже явные сектанты, относились къ протоіерею вѣжливо и особенно грубыхъ выпадовъ не допускали, но осужденія, пересуды и незаслуженныя обвиненія духовенства стали обычными среди народа. Приходъ рушился, храмъ опустѣлъ, православные обычаи, праздники и посты стали нарушаться не только сектантами, но и рядовыми православными.

¹⁾ Въ преж. миссіонер. докладахъ павловскихъ священниковъ (См. журналы Миссіонер. Стѣзда 1896 г.) сказано, что въ Павловки часто прѣзжалъ Гр. Л. Н. Толстой для руководства общины, но это невѣрно. Графъ въ Павловкахъ не бывалъ—въ вѣ чемъ меня увѣрялъ Дмитрій Александровичъ, а я ему не имѣю основаній не доврять.

Въ цѣляхъ борьбы съ сектантствомъ въ мѣстной земской школѣ духовенствомъ были открыты публичныя бесѣды съ сектантами, которые, кстати сказать, носили нѣсколько беспорядочный характеръ. На эти бесѣды сектанты являлись сначала охотно. Приѣзжали они обыкновенно на нѣсколькихъ подводахъ во главѣ съ княземъ. Протоіерей, не могшій себя по указанной уже причинѣ принудить къ словеснымъ пререканіямъ, словопреніе съ сектантами предоставлялъ другому, молодому своему товарищу, самъ ограничиваясь только словами увѣщанія. Сектанты, отказываясь бесѣдовать по церковнымъ и догматическимъ вопросамъ, охотно бесѣдовали на темы практическаго, такъ сказать, содержанія: о клятвѣ, присягѣ, военной службѣ и др. Князь въ свиткѣ, садившійся обыкновенно сзади всѣхъ, подсказывалъ своимъ единомышленникамъ, подыскивалъ для нихъ нужныя мѣста Св. Писанія, а иногда подавалъ и реплики. Въ виду чрезвычайной горячности, какъ сектантовъ, такъ и православнаго оппонента, бесѣды эти постоянно оканчивались взаимными обвиненіями и даже оскорбленіями и какъ бесполезныя, служившія болѣе торжеству князя, вскорѣ прекратились. Вдобавокъ князя (1891 г.) административнымъ порядкомъ выслали въ Закавказье, а безъ князя сектанты прямо уже избѣгали бесѣдъ и споровъ съ духовенствомъ и миссіонерами. Высылка князя на Кавказъ сильно озлобила сектантовъ и укрѣпила ихъ въ правотѣ своего упованія. Сектанты говорили: „Правда глаза рѣжетъ, обличить въ неправдѣ насъ не могутъ, такъ прибѣгаютъ къ насиліямъ, ну что-жъ потерпимъ—вашъ пока часъ, ваше время“. Сектантство, подогрѣваемое письмами князя, не уменьшалось, а все распространялось и все болѣе и болѣе учащались грубые выпады противъ Церкви и духовенства. Къ властямъ, какъ высшимъ, такъ и къ своимъ сельскимъ—низшимъ, сектанты, конечно, относились отрицательно и даже весьма враждебно, особенно послѣ высылки князя. Нести общественныя повинности, участвовать въ сельскихъ сходахъ, служить въ выборныхъ должностяхъ сектанты не желали, какъ не желали и платить податей. Вызовы, предписанія даже высшаго начальства сектанты совершенно игнорировали и подчинялись только насильственному приводу. Рекруты-сектанты упорно отказывались присягать и

нести военную службу. Даже при воцареніи, нынѣ благополучно царствующаго, Государя Императора Николая Александровича, тридцать девять главъ семействъ, несмотря на всѣ угрозы и застращиванія, упорно отказались принести вѣрноподданническую присягу. Словомъ, въ приходѣ воцарилась политическая анархія.

Къ этимъ, чисто пастырскимъ страданіямъ о. Захаріи присоединилось еще страданіе чисто служебнаго свойства. Дѣло въ томъ, что Епархіальное начальство почему-то пришло къ старика протоіерею неспособнымъ вести борьбу съ сектантствомъ и предложило ему занять болѣе почетное и покойное священническое мѣсто, но протоіерей, отдавшій всю свою жизнь Павловкамъ, ни за что, на старости лѣтъ, не хотѣлъ уходить отсюда, собираясь здѣсь сложить и свои кости. Тогда ему пригрозили насильственнымъ переводомъ и старикъ протоіерей, какъ особенной милости, просилъ Епархіальное начальство дать ему какой угодно приходъ, но только вблизи Павловокъ.

Вотъ тутъ то и сказала еще не угасшая совсѣмъ любовь прихожанъ къ своему пастырю. Услыхавъ, что протоіерея переводятъ изъ Павловокъ, старики прихожане, неподдавшіеся соблазну княжеской проповѣди, собрались и постановили приговоромъ просить Архіепископа Амвросія оставить у нихъ ихъ любимаго священника, съ какою цѣлью послали въ Харьковъ даже двухъ уполномоченныхъ. Старикъ былъ оставленъ. Недолго послѣ этого священствовалъ еще протоіерей въ селѣ Павловкахъ. Съ одной стороны сектанты, а съ другой—и преимущественно, старческіе недуги (застарѣлый ревматизмъ и др.) заставили старика оставить любимый приходъ и попроситься на покой—въ августѣ 1895 года.

Послѣ выхода въ заштатъ протоіерей прожилъ еще 7 лѣтъ у своего сына, священника села Рогознаго, Сумскаго уѣзда, ежегодно навѣщая Павловки, и мирно почилъ о Господѣ на 73 году своей жизни. Осталось неисполненнымъ самое пламенное желаніе Протоіерея Добрецкаго—быть похороненнымъ подъ стѣнами того храма, въ которомъ почти всю жизнь возносилъ молитвы,—онъ похороненъ въ оградѣ того храма, гдѣ священствуетъ его сынъ. И теперь постоянно крестьяне съ любовью, уваженіемъ вспоминаютъ Прото-

іерея Захарія, тогда какъ именъ многихъ священниковъ, въ томъ числѣ и настоятелей, бывшихъ послѣ Захарія, даже не помнятъ. И неудивительно: пишущій эти строки послѣ о. Захарія уже шестой настоятель, а съ 1895 по 1901 годъ одинъ за однимъ смѣнилось три настоятеля. Среди другихъ Павловскихъ священниковъ, въ томъ числѣ и настоятелей, были люди безусловно достойные и почтенные, но въ виду краткости службы ихъ въ Павловкахъ они не оставили послѣ себя большой памяти и не могли имѣть особеннаго вліянія на жизнь прихода.

О томъ, что было послѣ...

Прежде чѣмъ продолжать свое повѣствованіе, для большей полноты и ясности его, постараемся кратко изложить догматическое и нравственное ученіе Павловскихъ сектантовъ. Уже при бѣгломъ съ нимъ знакомствѣ открывается его первая характерная особенность: грубый и поверхностный пантеизмъ.

Богъ—природа. Иисусъ Христосъ—естественный сынъ Іосифа и Маріи, претерпѣвшій крестную смерть за свои убѣжденія подобно тому, какъ и теперь люди претерпѣваютъ гоненія за свои вѣрованія, несогласныя съ господствующими. Церковь со всѣми своими установленіями—учрежденіе человѣческое, а потому она излишня и даже вредна. Излишни таинства, обряды, иконы, посты и др. Авторитетъ Евангелія не обязателенъ, тѣмъ болѣе еще потому, что Оно является произведеніемъ не самого Іисуса Христа, а Его невѣжественныхъ учениковъ, извратившихъ ученіе Своего Учителя. Подлинною сектанты признавали только нагорную проповѣдь Спасителя (5—8 гл. Ев. Маттея) и, конечно, понимали ее въ толстовскомъ духѣ: „не клянись, не воюй, не судись, не противься злу, люби ближняго твоего“. Безсмертіе души, загробную жизнь и загробное мздовоздаяніе сектанты отрицали. Но самое главное и существенное ихъ вѣрованіе—это то, что всѣ люди равны между собою по самому своему происхожденію и должны жить ближе къ природѣ на землѣ, подѣленной между всѣми поровну. Посему—ни поповъ, ни царивъ, ни военной службы, ни полиціи... не надо, какъ излишнихъ и служащихъ па-

намъ и богатымъ средствами порабощенія остальныхъ. Уже изъ этого краткаго изложенія ученія Павловскихъ сектантовъ явствуется, что оно не было въ собственномъ смыслѣ религиознымъ, а скорѣе социально-политическимъ. Посему у Павловцевъ не было и 'богослужебныхъ собраний, а они просто сходились на бесѣдки, сначала къ князю, а когда его выслали, то другъ къ другу по очереди. На этихъ бесѣдахъ они читали брошюры Толстого, письма князя, толковали о своихъ дѣлахъ, мечтали о будущемъ, изрѣдка читали и Евангеліе, но болѣе въ цѣляхъ подысканія мѣстъ противъ православныхъ. Мы уже упоминали объ отношеніи сектантовъ къ властямъ и военной службѣ, теперь кратко упомянемъ объ отношеніи властей къ сектантамъ. Отношенія эти, на нашъ взглядъ, отличались непослѣдовательностію, странностями и попустительствомъ. Достаточно сказать, что, кромѣ высылки князя и трехъ ближайшихъ его послѣдователей, ни одинъ сектантъ не былъ судимъ и наказанъ за свои анархическіе выпады ¹⁾. Для иллюстраціи приведу одинъ примѣръ воздѣйствія начальства на сектантовъ. Для наказанія сектантовъ, а на нашъ взглядъ, для собственнаго покоя, начальство закрыло въ Павловкахъ волость, приписавъ Павловки къ Рѣчанскому волостному правленію, за восемь верстъ. Эта мѣра достигала, какъ разъ противоположныхъ результатовъ. Во-первыхъ, изъ-за кучки анархистовъ страдала благонамѣренная часть прихода и вмѣстѣ съ нею и духовенство, а во-вторыхъ, сектанты, обращаясь въ волость, въ Рѣчки несли туда съ собою и сразу, сектантство, да и самый фактъ закрытія въ Павловкахъ волости приписали себѣ. Сектанты говорили обыкновенно: „вотъ, молъ, мы закрыли волость, закроемъ скоро и церкви ²⁾“...

Между тѣмъ князь, сосланный въ административномъ порядкѣ на Кавказъ въ 1891 году, тосковалъ о своей частвѣ и не могъ сидѣть безъ агитаторской дѣятельности. Теперь онъ благосклонное свое вниманіе обратилъ на духоборовъ, заинтересовавшись ихъ жизнью и ученіемъ еще въ свою

¹⁾ Кромѣ, конечно, извѣстнаго побойща.

²⁾ Волость въ Павловкахъ снова открыта только въ самое послѣднее время.

бытность на войнѣ. Въ жизни и ученіи духоборовъ Хилковъ находитъ много схожаго со своими собственными убѣжденіями и толстовскими идеями. Онъ началъ нѣсколько исправлять вѣрованія духоборовъ, прививая имъ толстовскія идеи, а въ то же время восторженными письмами знакомилъ и рекомендовалъ духоборцевъ вниманію гр. Толстого и другихъ своихъ единомышленниковъ. Такъ какъ бывший въ то время тифлисскимъ губернаторомъ князь Шервашидзе началъ понемногу стѣснять духоборовъ въ ихъ вольностяхъ, то Хилковъ со всѣмъ пыломъ взялся быть ихъ защитникомъ и покровителемъ. Въ довершеніе всего, князь, желая, что называется, насолить Церкви и Государству, затѣялъ всесвѣтнѣйшій скандалъ (смотри, молъ, Европа!) переселеніемъ духоборцевъ въ Канаду. Предпріятіе это было финансировано гр. Толстымъ и другими. Привлечены были даже американскіе квакеры. Я не буду излагать этой духоборческой эпопеи, скажу только кратко, что Хилковъ, поселяя духоборцевъ подальше отъ цивилизаціи и прививши имъ толстовское непротивленіе (среди духоборовъ образовалась партія непротивленцевъ—постниковъ съ самыми крайними выводами), доставилъ духоборамъ массу страданій, канадской администраціи много хлопотъ, а у всѣхъ мыслящихъ людей вызвалъ искреннее сожалѣніе о несчастныхъ. Князь горько сожалѣлъ, въ послѣдствіи, о своей роли въ духоборческомъ дѣлѣ. Въ связи съ переселеніемъ духоборовъ зашевелились и Павловцы, приглашаемые княземъ тоже слѣдовать въ Канаду. Въ количествѣ 50 семей Павловскіе сектанты подали было и соотвѣтствующее ходатайство, но князь, скоро разочаровавшись въ духоборческомъ предпріятіи, остановилъ ихъ.

Не видя исполненія своихъ упованій, претерпѣвъ неудачу съ Канадой, Павловскіе сектанты еще болѣе начали злобиться противъ Церкви и духовенства и особенно потому еще, что среди нихъ, во внутренней ихъ жизни, началось нравственное разложеніе, раздоры, беспорядки и они мало-по-малу стали терять кредитъ въ глазахъ народа. Мы уже видѣли, что въ ученіи Павловскихъ сектантовъ не было ничего такого, что бы нравственно сдерживало испорченную духовную природу человѣка, а напротивъ было много такого (хотя бы отрицаніе безсмертія души и загробнаго воз-

даянія), что даже должно было способствовать развращенію и развитію пороковъ среди нихъ. Озлобляемые неудачами Павловскіе сектанты стали на своихъ бесѣдкахъ подбадривать себя водочкой, тайно, но весьма неумѣренно, замѣчалась большая свобода въ половыхъ отношеніяхъ, лицемеріе, зависть, страшная жадность, недружелюбіе во взаимныхъ отношеніяхъ и др. Православные подсмѣивались надъ сектантами, а тѣ еще болѣе злобились, считая причиною всѣхъ своихъ неудачъ 'высылку князя. Вотъ на этой то почвѣ сектантскихъ нестроений и выросло то страшное дѣло, которое извѣстно подъ именемъ „Павловскаго побоища“. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1901 года въ Павловки случайно забрелъ крестьянинъ Кіевской губерніи, сумасбродъ малеванецъ, Моисей Федосіенко. Нашедши здѣсь сектантовъ, онъ обратился къ нимъ съ проповѣдью о томъ, что де, попы обманщики скрываютъ отъ людей правду о томъ, что земля должна принадлежать крестьянамъ, храмы капища не правды; что Царь хочетъ отдать землю мужичкамъ, да Сенатъ и министры не позволяютъ, но что скоро настанетъ время, когда у пановъ все таки землю отберутъ, не будетъ ни попивъ, ни панивъ, ни начальства и настанетъ рай для праведниковъ-сектантовъ, т. е. говорилъ именно то, чего такъ пламенно желали Павловцы и что составляло корень ихъ мечтаній. Павловскіе сектанты воспрянули духомъ. На х. Князевѣ по хатамъ начались ночныя собранія. Въ крестьянскую хату набивалось масса народа, говорились изступленныя рѣчи. Отъ духоты и возбужденія съ нѣкоторыми происходили обмороки и тогда Федосіенко, называвшій себя Моисеемъ пророкомъ, творилъ чудеса, вспрыскивая обморочныхъ водою, воскрешалъ мнимоумершихъ. На этихъ ночныхъ собраніяхъ въ изступленныхъ умахъ сектантовъ и возникло рѣшеніе начать на землѣ истребленіе неправды и этимъ приблизить наступленіе сектантскаго рая. Федосіенко подбадривалъ толстовцевъ увѣреніями, что въ Россіи есть уже масса ихъ единомышленниковъ, что на помощь имъ пріѣдутъ изъ Кіева братья (4 вагона) и что, де, на 16 сентября (назнач. время Моисеемъ Ф. истребленіе неправды въ Павловкахъ) будетъ бунтъ по всей Россіи и т. д. Надъ Павловцами нависла чувствовавшаяся всѣми, кромѣ гражданскаго начальства, какая то

гроза. Народъ, особенно женщины нервничали, нѣкоторые съ семьями поуѣзжали въ другія села, стоявшія въ разгарѣ сельско-хозяйственныя работы (сѣвъ озимыхъ копка, и возка свеклы) были брошены не только сектантами, но и православными... И вотъ, 16 сентября, въ воскресенье, толпа сектантовъ (болѣе 200 ч.) съ х. Князева, по пути увеличиваясь, двинулась истреблять неправду и избивать грѣшниковъ. Сначала они по пути разгромили церковь—школу, устроенную въ 1896 году въ Хилковской Павловкѣ въ цѣляхъ борьбы съ сектантами¹⁾, при этомъ особенно неистовствовали и кощунствовали женщины, а затѣмъ, подбодренные первымъ успѣхомъ, двинулись къ приходскому храму съ тою же цѣлью, имѣя въ дальнѣйшемъ намѣреніе убить священниковъ, спалить грѣшниковъ и отобрать у пановъ землю. Изступленная толпа двигалась съ криками: правда идетъ, неправду бьетъ, Христосъ Воскресъ! и била въ ладоши. Но торжество сектантовъ было непродолжительно. Около приходского храма сектантовъ встрѣтила, созванная набатомъ, толпа православныхъ и началось форменное кровопролитное сраженіе. Сектанты были побѣждены, избиты и разбѣжались. 67 душъ на другой день было арестовано и отправлено въ уѣздную тюрьму. Самъ Федосіенко въ побоищѣ не участвовалъ, за нѣсколько дней скрывшись изъ Павловки и обѣщавъ къ 16-му привести подкрѣпленіе²⁾.

Павловское побоище закончилось судебнымъ разбирательствомъ въ Сумскомъ окружномъ судѣ.

¹⁾ Церковь-школа была устроена на счетъ Св. Синода по мысли Архіепископа Амвросія Руководилъ постройкою извѣстный Протоіерей Т. И. Буткевичъ, нерѣдко навѣщавшій Павловки съ миссіонерскими цѣлями. Не забывали Павловку и епархіальные миссіонеры, жившіе здѣсь по цѣлымъ недѣлямъ. Съ миссіонерскою цѣлью посѣщали Павловки и Архипастыри. Епископъ Стефанъ (освящалъ церковь-школу послѣ разгрома). и Архіепископъ Арсеній служили въ Павловкахъ и бесѣдовали съ народомъ. Епископы Петръ, Иннокентій, Евгений и Теодоръ, только посѣтили Павловки и бесѣдовали.

²⁾ Федосіенко скрылся не безъ цѣли, наученный горькимъ опытомъ. За нѣсколько лѣтъ передъ описываемымъ событіемъ, онъ устроилъ подобный бунтъ, только въ маломъ масштабѣ, въ одномъ изъ селъ Кіевской губ. Въ результатъ онъ былъ судимъ и посаженъ въ Кіевскую больницу для умалашенныхъ.

Конецъ толстовской эпопеи.

Когда человекъ увидить, что ему „некуда итти“, то онъ обязательно вспомнить о Личности Иисуса Христа и прійдетъ къ Этой Личности, не за гробомъ, а тутъ на землѣ“-)...

Письма Князя Д. А. Хилкова. Письмо VIII ст. 45 Изд. Новоселова.

Послѣ описаннаго разгрома сектанты струсили. Они, спѣшили вѣнчаться съ своими сожительницами, крестить своихъ дѣтей и даже начали ставить иконы въ домахъ, но все это не спасло ихъ отъ заслуженнаго наказанія: 8 душъ было сослано въ каторжныя работы, а болѣе 20 семействъ высланы въ Енисейскую губернію на поселеніе. Сектанты переживали тяжелыя минуты при видѣ слезъ и горя невольныхъ выселенцевъ въ Сибирь и нѣсколько утратили свою самоувѣренность. Князь въ письмахъ изъ-заграницы осудилъ своихъ послѣдователей. Но когда первые мѣсяцы растерянности и унынія прошли, сектанты снова замкнулись въ своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ и ждали теперь съ нетерпѣніемъ возвращенія въ Павловки князя. Наученные горькимъ опытомъ, сектанты вели себя тихо даже въ 1905 году, когда всюду бушевали крестьянскія страсти.

Наконецъ Павловцы дождались своего князя. Послѣ духоборческой эпопеи князь почти все время проживалъ за границей (ему воспрещенъ былъ въѣздъ въ Россію) и преимущественно въ Женевѣ. Вращался онъ въ эмигрантскихъ кружкахъ, состоя въ партіи социаль-революціонеровъ. За мѣтивъ скоро большія нестроенія въ партіи и разоидясь съ главарями ея въ самыхъ существенныхъ вопросахъ (это было время Азефа, Бакая и др.) князь почувствовалъ себя одинокимъ и очень тосковалъ по Россіи. 1905 годъ открылъ князю свободный въѣздъ въ Россію и онъ успѣшилъ поселиться въ милой для него Павловкѣ. Крестьяне страшно обрадовались пріѣзду князя и бросились къ нему со своими нуждами, огорченіями и недоумѣніями, но князь былъ

уже не тотъ, крестьяне сразу замѣтили въ немъ перемѣну. Князь попрежнему жалъ руки крестьянъ, недружелюбно высказывался о Церкви и духовенствѣ, но для всѣхъ ясно стало, что въ своихъ толстовскихъ убѣжденіяхъ онъ эволюціонировалъ и кромѣ того совершенно утратилъ пылъ новатора. Въ Павловкѣ князь послѣ столькихъ жизненныхъ передрагъ пріѣхалъ отдыхать и прямо тяготился разговорами на прежнія темы съ крестьянами. Правда, дабы успокоить большую совѣсть своихъ послѣдователей, князь Павловское побоище объяснилъ провокаціей со стороны поповъ и миссіонеровъ, подославшихъ, молъ, Федосіенко съ цѣлью вызвать сектантовъ на преступныя дѣйствія и тѣмъ подвести ихъ подъ законную отвѣтственность и уронить ихъ престижъ въ глазахъ народа, правительства и общественнаго мнѣнія, но въ вопросѣ о землѣ князь теперь передъ крестьянами развивалъ теорію Генри Джорджа,—о націонализациі земли. Власти и духовенство князь теперь хотя и осуждалъ, но только за злоупотребленія.

Занявшись усиленно сельскимъ хозяйствомъ, пчеловодствомъ, птицеводствомъ, князь въ разговорахъ съ крестьянами сталъ даже избѣгать старыхъ темъ и неизмѣнно переходилъ на разговоры о хозяйствѣ, улучшеніяхъ и др.

Крестьяне пользовались хозяйственными совѣтами князя, брали охотно у него яйца породистыхъ куръ, утокъ, сѣмена овощей и др., но въ то же время ясно видѣли, что князь, какъ они говорили, измѣнилъ имъ и потому, скрѣпя сердце, стали мало-по-малу сливаться съ общою православною массою, стали крестить дѣтей, поставили иконы и пр. Только самые непримиримые, не могшіе разстаться съ мечтами о землѣ, потянулись въ Сибирь на свободныя земли.

Между тѣмъ, дѣйствительно, князь эволюціонировалъ именно въ ту сторону жизни, противъ которой такъ яростно бунтовалъ раньше. Жизненные ошибки, разочарованія, удары судьбы (самоубійство двухъ взрослыхъ дочерей), жизненные встрѣчи, наблюденія надъ революціонными партіями и надъ жизнью окружающихъ крестьянъ, развращенныхъ сектантствомъ и потерявшихъ укладъ православной жизни,—все вмѣстѣ взятое, въ уединеніи, на хуторѣ, рас-

полагало къ переоцѣнкѣ цѣнностей. Особенно отрезвляющимъ образомъ на князя повліяла распущенность Павловскихъ крестьянъ, въ чемъ князь не могъ не винить и самого себя. А картина крестьянской жизни въ Павловкахъ, дѣйствительно, была некрасива!

Не говоря уже о проступкахъ противъ Церкви, о нарушеніяхъ святости праздниковъ, постовъ, непосѣщеній храма и пр., въ личной, семейной и общественной жизни Павловскихъ крестьянъ выросли страшные пороки: пьянство, драки, распущенность молодежи, плохая семейная жизнь отцовъ съ дѣтьми и мужей съ женами, самое разнузданное хулиганство, но самое ужасное—это поджоги. При малѣйшемъ оскорбленіи, часто отъ одной зависти или озорства, крестьяне стали поджигать другъ друга и въ Павловкахъ развилось страшное количество пожаровъ, за лѣто бывало по 50 и болѣе. Для иллюстраціи я расскажу о томъ, что самому пришлось пережить здѣсь. Я пріѣхалъ въ Павловки на первой недѣлѣ Великаго Поста (въ 1911 г.) и былъ страшно обезкураженъ пожарами въ ночное время, которыхъ до Пасхи было 14. Наступалъ Свѣтлый Праздникъ. Я съ дѣтства привыкъ проводить этотъ день въ особенно торжественно-молитвенномъ настроеніи, но то, что мнѣ въ Пасхальную ночь пришлось пережить въ Павловкахъ, я никогда не забуду. Въ 10 часовъ вечера, во время чтенія дѣяній, въ 200 саженьяхъ отъ церкви были подожжены двѣ клуны, а въ моментъ выхода крестнаго хода изъ церкви (въ 12 ч. ночи) загорѣлись соломенные постройки возлѣ самаго храма. То Павловскіе парни устраивали иллюминацію. Это хулиганство меня такъ разстроило, что я готовъ былъ бѣжать куда угодно на другой приходъ, только вонъ изъ Павловокъ. Теперь, слава Богу, все уже утихло и религиозно-нравственная жизнь народа постепенно налаживается. Такимъ образомъ все: жизненные ошибки, разочарованія, окружающая распущенность народа, собственная душевная пустота, одиночество и пр.,—все вмѣстѣ взятое отрезвило князя отъ прежнихъ увлеченій и заставило приступить къ серіозному самоанализу, въ результатъ котораго и было возвращеніе его въ „домъ отчій“. Сначала князь только ничего не имѣлъ противъ рѣдкихъ посѣщеній его

мѣстнымъ священникомъ, затѣмъ эти посѣщенія стали для него желательными, и, наконецъ, необходимыми. Если бывало пишуцій эти строки не могъ, за недосугомъ, недѣли 2 навѣститъ князя, то онъ обыкновенно присылалъ записки, вырѣзки изъ газетъ, книги и просилъ написать свое мнѣніе по интересующему его вопросу—чѣмъ, естественно, уско-рялъ наше свиданіе. При встрѣчахъ, князь горячо просилъ не забывать его. Дѣйствительно, сколько ночей прошло у насъ съ княземъ въ восторженныхъ душевныхъ бесѣдахъ. Бывало, только утренній свѣтъ, да пробудившаяся послѣ ночи жизнь отрезвляла насъ и прекращала наши бесѣды. Когда мы уставали отъ серіозныхъ богословскихъ и дру-гихъ разговоровъ, то обыкновенно князь дѣлился со мною своими воспоминаніями¹⁾. Зная по личному опыту о высо-комъ религіозно-воспитательномъ вліяніи на душу человѣка изученія Исторіи Христіанской Церкви, я посовѣтывалъ князю начать изученіе Православія и Христіанства съ исто-ріи. Князь, бывшій почти тридцать лѣтъ страстнымъ вра-гомъ Церкви, оказался почти профаномъ въ этой области, хотя хорошо былъ знакомъ съ социаль-демократической точкой зрѣнія на Церковь и христіанство и съ разными отрицателями. Послѣ Исторіи мы уже приступили къ изу-ченію православно-христіанскаго ученія, но путемъ изученія собственно не догматическаго богословія, а апологетиче-скаго или обличительнаго, конечно, въ связи съ изученіемъ жизни и трудовъ Св. Отцовъ и учителей Церкви и подвиж-

1) Изъ множества жизненныхъ эпизодовъ, сообщенныхъ мнѣ княземъ, я кратко упомяну только объ одномъ—о встрѣчѣ князя съ приснопамятнымъ О. Іоанномъ Кронштадскимъ. Мать княгиня, желавшая чтобы сынъ служилъ и потому опечаленная выходомъ его въ отставку и опрощеніемъ, употребляла всѣ усилія, чтобы образумить сына. Между прочимъ. Она уговорила сына поѣхать съ нею въ село Николаевку Сум. у., къ помѣщикамъ Калугинымъ, въ то время, когда тамъ гостилъ О. Іоаннъ Кронштадскій. Князь, бравировавшій тогда своимъ положеніемъ, въ свиткѣ и прочихъ аксессуарахъ своего опрощенія цохалъ, но эта встрѣча доставила только нѣсколько тяжелыхъ минутъ О. Іоанну и всѣмъ присутствовавшимъ,—такъ какъ князь былъ какъ разъ въ фазисѣ сильнаго увлеченія, не могъ покойно разуждать, видя вокругъ себя только враждебное настроеніе и др.

никовъ вѣры. Подобное изученіе православной догматики было страшно интересно для насъ обоихъ, такъ какъ предварялось, сопровождалось и заключалось самыми горячими бесѣдами, спорами и пр.

Ознакомленіе съ Исторіей Церкви и особенно съ жизнью и трудами великихъ подвижниковъ вѣры и жизни умилило князя, а изученіе православнаго догматическаго ученія въ апологетическомъ освѣщеніи очаровало его, произвело переворотъ въ его міровоззрѣніи и примирило съ жизнью. Теперь князь со всѣмъ пыломъ отдался изученію Православія въ его прошломъ и настоящемъ и спѣшилъ дѣлиться своимъ сокровищемъ со своими бывшими единомышленниками. Яркимъ памятникомъ свѣтлаго христіанскаго мышленія князя являются письма его послѣднихъ лѣтъ жизни, изданныя въ прошломъ году Новоселовымъ. Письма эти дышатъ пыломъ прозелита и исполнены радости того приточнаго человѣка, который, нашедши скрытое въ полѣ сокровище, идетъ продаетъ все, чтобы обладать имъ, и радости Евангельскаго купца, нашедшаго драгоценную жемчужину (Ев. Матѣ. 13 ч. 44 ст.). Здѣсь же, въ письмахъ, князь подвелъ и итогъ своей прежней, сектантской дѣятельности, высказалъ свой взглядъ на сектантство и значеніе его для Россіи: „сектантство можетъ имѣть роковое значеніе въ жизни русскаго народа“... „русскій человѣкъ по-природѣ православный и если его лишитъ православныхъ вѣрованій, то онъ рискуетъ перестать быть человѣкомъ“¹⁾. Свое возвращеніе въ „домъ отчій“ и любовь къ Родинѣ и Церкви князь Д. А. Хилновъ запечатлѣлъ кровію на полѣ брани, въ Галиціи, какъ смертью героя—8 октября 1914 года.

Заключеніе.

Наша жизненная повѣсть окончена, но мы, въ заключеніе, позволимъ себѣ одѣлать еще нѣсколько выводовъ. Прежде всего мы видѣли:—къ какимъ ужаснымъ результатамъ привела попытка привить народу, воспитавшемуся

¹⁾ Письма Князя Д. А. Хилнова 1915 г. Изданіе „религіозно-философской бібліотеки“. Выпускъ I-й.

подъ кровомъ Церкви, анархическія идеи Гр. Л. Н. Толстого и, въ частности, видѣли—какое нравственно разлагающее вліяніе сектантство оказываетъ на жизнь русскаго крестьянина, отрывая его отъ историческаго православнаго уклада жизни. Наблюдая исковерканную сектантствомъ жизнь народа и здѣсь, въ Павловкахъ, и въ другихъ мѣстахъ, князь Д. А. Хилмовъ ужаснулся и въ конечномъ подсчетѣ долженъ былъ высказать то свое убѣжденіе: „что сектантство можетъ имѣть роковое значеніе въ жизни русскаго народа“¹⁾. Въ силу этого столь странными и досадно обидными являются: съ одной стороны—вся та шумиха, которую любятъ производить либеральная интеллигенція вокругъ дѣлъ о сектантахъ, а съ другой—всѣ тѣ страстныя статьи, матеріалы и записки Бончъ-Бруевича, Пругавина и др. публицистовъ, которыми пестрятъ страницы толстыхъ журналовъ и въ которыхъ упорно навязывается русскому обществу взглядъ на сектантовъ, какъ на лучшихъ русскихъ людей, героевъ челоѳческаго духа. Всѣ подобныя публицисты, по нашему крайнему мнѣнію, являются прямо измѣнниками своего народа, толкая его на путь анархіи и забвенія, затемнѣнія національнаго самосознанія. Далѣе, описанная исторія, лучше всякихъ доказательствъ, подтверждаетъ слова Нашего Господа: „Создамъ Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ея“... (Ев. Матѳ. 16 г. 18 ст.) и послужить нравственною поддержкою для насъ, пастырей миссіонеровъ, въ борьбѣ со врагами Церкви, въ нашемъ святомъ дѣлѣ „созиданія Тѣла Христова“. Дѣйствительно борьба была страстная и силы, казалось, были черезъ чуръ ужъ неравны. Съ одной стороны малая Церковь, какъ цѣлая ладья среди житейскаго моря, со слабыми, неумѣлыми корабельщиками, а съ другой—силы ада въ лицѣ великихъ авторитетовъ вѣка сего въ ореолѣ богатства и славы. Казалось, временами, разбушевавшіяся волны житейскаго моря готовы были уже поглотить ладью-Церковь, но пронеслась буря, утихли волны и церковный корабль, попрежнему, хотя и съ нѣсколькими поломанными снастями, скользитъ по морю житейскому, при-

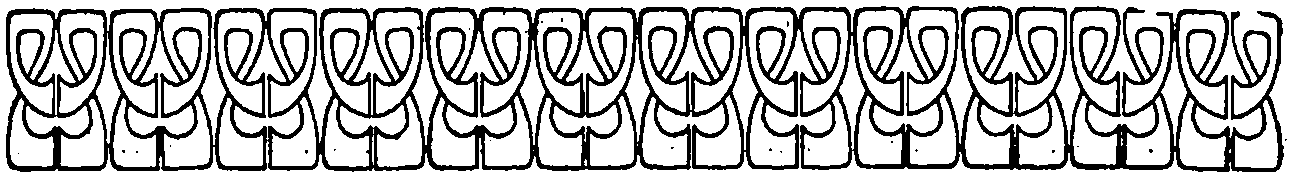
¹⁾ Грозный признакъ такого утвержденія замѣчается хотя бы въ средѣ баптистовъ въ связи съ ностоящей войной.

нялъ, въ концѣ концовъ, на свой спасительный бортъ и своего страшнаго врага, воздвигнувшаго противъ Церкви яростное гоненіе.

Наконецъ, считаю необходимымъ еще разъ обратить вниманіе читателя на величавую фигуру скромнаго сельскаго священника, терпѣливо, кротко несшаго тяжелый крестъ пастырскаго служенія, одного изъ тѣхъ незамѣтныхъ героев исторіи и жизни, которыми жила, процвѣтала и существуетъ Св. Русь.

Свящ. Іаковъ Приходинъ.

ИСТИННАЯ НАУКА.

Въ то время какъ книжные рынки наши переполнены произведеніями безбожной литературы и книжные шкафы въ общественныхъ библіотекахъ трещатъ подъ тяжестью такихъ сочиненій по естествознанію, какъ геккелевскія „Міровыя загадки“ и „Естественная исторія міротворенія“; произведенія серьезныя и объективныя достойнѣйшихъ представителей современной науки являются чуть ли не библиографическою рѣдкостью. И получаются такіе результаты, что о естественной исторіи міротворенія разсуждаютъ чуть ли не младенцы, не умѣющие съ голкомъ разсказать даже библейскаго о томъ повѣствованія, а о существованіи серьезныхъ научныхъ трудовъ не знаютъ даже ихъ наставники, какъ будто ихъ совсѣмъ и не существуетъ, какъ будто фантазированіе Геккеля и его единомышленниковъ является дѣйствительно послѣднимъ словомъ науки. Чѣмъ объяснить это? Прежде всего, конечно, тѣмъ, что малъ спросъ въ наше время на такія книги; а спросъ малъ потому, что чтеніе ихъ принято считать признакомъ какъ бы дурного тона и ужъ во всякомъ случаѣ научнаго невѣжества такого читателя и безвкусія его. Но это, думается намъ, не единственная причина: думается, что есть читатели на эти книги и въ наше время, есть и спросъ на нихъ, найдется же хоть семь праведниковъ и въ наше время. Другою причиною этого печальнаго явленія оказывается ихъ появленіе на свѣтъ въ крайне ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Книжные издатели очень неохотно выпускаютъ въ свѣтъ такія сочиненія, малодушно опасаясь за свое доброе имя, а когда и рѣшаются на изданіе ихъ, то предпосылаютъ имъ свои собственныя объясненія, въ которыхъ сми-

ренно просить у читателя извинения за совершенную ими безтактность. Одну из таких книг, запретных и чуть ли не сокрытых от читателя за семью печатями, имѣемъ мы сейчасъ въ своихъ рукахъ. Это сочиненіе профес. кильскаго университета Іог. Рейнке, серьезнаго и объективнаго представителя современнаго естествознанія, „Натурфилософія“, заключающее въ себѣ три главы: а) Наше міровоззрѣніе, б) Истина въ теоріи развитія и в) Геккель, какъ біологъ.—Прив. доц. С.-Петр. университета Комаровъ, редактировавшій готовый для изданія переводъ этой книги, въ своемъ предисловіи, обращенномъ къ читателю, беретъ подъ свою защиту Геккеля, а Рейнке удостоиваетъ такой оцѣнки: „Рейнке, съ моей точки зрѣнія, писатель субъективный и, одновременно, движимый не глубокой вѣрой въ могущество, и грядущее торжество науки, а скорѣе старческимъ скептицизмомъ“. Это, вѣроятно, потому, что по признанію того же Комарова, онъ, Рейнке, считаетъ „эти двѣ области (религію и науку) параллельными и не допускаетъ, чтобы наука мѣшалась въ сферу религіи“. Вотъ въ чемъ проявляется его субъективизмъ и старческой скептицизмъ! Другихъ данныхъ, оправдывающихъ сужденіе редактора объ ученыхъ взглядахъ проф. Рейнке въ книжкѣ послѣдняго мы не нашли. Мы видимъ въ лицѣ Рейнке человѣка въ высшей степени почтеннаго, истиннаго мужа науки, который не привыкъ бросать свои слова на вѣтеръ, не ищетъ дешевой популярности и знаетъ ту великую нравственную отвѣтственность которая лежитъ на томъ, кто рѣшается говорить отъ имени науки. Отсюда его осторожность въ сужденіяхъ и доводахъ. Онъ не фантазируетъ въ области науки, не заполняетъ своими измышленіями пробѣлы въ области научнаго знанія, не выдаетъ своей гипотезы за послѣднее слово науки, а говоритъ только то, о чемъ говоритъ намъ опытное знаніе.

Излагая свое научное міровоззрѣніе, онъ ничего не говоритъ о Богѣ. Но дѣлаетъ это не потому, что не признаетъ Его и находитъ бытіе Его излишнимъ; при рѣшеніи вопроса о мірообразованіи (въ томъ, что онъ человѣкъ вѣрующій, читатель нисколько не сомнѣвается); а потому только, что вопросъ о сверхъестественномъ бытіи и о Богѣ не подлѣжитъ научному обслѣдованію и лежитъ внѣ сферы компетенціи естественныхъ наукъ. Проф. Рейнке говоритъ по

вопросу о происхожденіи міра и жизни только то, что можно сказать на основаніи научнаго опыта.— Не выходя за границы міра, даннаго въ опытѣ, ученый, по мысли Рейнке, долженъ признать, что жизнь возникла въ опредѣленное время на поверхности земли изъ минеральныхъ веществъ. Въ то время, когда земля была раскалена жаромъ, органическая жизнь на землѣ начаться не могла. Поэтому нужно допустить, что первая живая клѣтка на землѣ образовалась изъ неорганическихъ веществъ, послѣ того какъ условія температуры на землѣ стали приблизительно таковыми, какими мы ихъ видимъ въ настоящее время. Проф. Рейнке указываетъ и тѣ неорганическія вещества, изъ которыхъ должна была развиться первая протоплазма: угольная кислота, вода, азотная кислота, сѣрная кислота, желѣзо, известь. Но какимъ образомъ изъ этихъ соединеній могла сама собою образоваться живая протоплазма, важными составными частями которой являются бѣлокъ и хлорофиллъ, *для науки остается непонятнымъ*. Если въ настоящее время химики умѣютъ уже искусственно создавать изъ минеральныхъ веществъ сахаръ и другія такъ называемыя органическія соединенія и если въ будущемъ имъ то же удастся по отношенію къ бѣлку и хлорофиллу, въ чемъ я лично не сомнѣваюсь, (слова Рейнке), то это *вовсе не говоритъ еще въ пользу возможности произвольнаго происхожденія такихъ соединеній изъ минеральныхъ веществъ*. При искусственномъ полученіи органическихъ веществъ рѣшающимъ факторомъ являются умъ и знанія химика... Стали бы смѣяться надъ такимъ химикомъ, который началъ бы увѣрять насъ, что простымъ взбалтываніемъ уже упомянутыхъ минеральныхъ соединеній можно получить бѣлокъ. Отсюда такой выводъ. Для естествоиспытателя, мыслящаго согласно наукѣ, ничего другого не остается, какъ смотрѣть на первое происхожденіе живыхъ клѣтокъ на землѣ, какъ на тайну, сорвать покровъ съ которой не въ состояніи естественныя науки. Естествознаніе должно признать появленіе первичныхъ организмовъ на земномъ шарѣ, которые не имѣютъ родителей, какъ нѣчто данное, какъ мы принимаемъ за данное бытіе матеріи и бытіе энергіи. Біологія знаетъ только одинъ основной законъ: *omne vivum ex vivo*. И если когда нибудь въ теченіе исторіи земли и совершилось по-

добное возникновение живыхъ существъ безъ родителей, (подъ вліяніемъ силъ, которыхъ еще не открылъ ни одинъ естествоиспытатель и работу которыхъ врядъ ли кто нибудь когда нибудь увидитъ), то *причины и силы, тогда проявившія себя, также невѣдомы науцѣ, какъ неизвѣстны тѣ загадки и тайны, которыя проявляютъ себя и въ міровой эволюціи*, принимаемой наукою. Серьезный естествоиспытатель видитъ въ словѣ, „самозарожденіе“ лишь *сознаніе въ своемъ незнаніи*. Откуда взялась, первичная туманность, откуда токъ энергіи, сплотившей эту туманность, каково происхожденіе организмовъ, какъ возникъ разумъ, который руководитъ человѣкомъ, мы этого не знаемъ; мы также мало знаемъ и о концѣ міра. Естественныя науки, говоритъ Рейнке, не должны преступать заповѣди, которая предписываетъ имъ ограничить свою дѣятельность постижимымъ и отказаться отъ всякаго объясненія непостижимаго, также какъ и отъ введенія сверхъестественныхъ факторовъ въ нашу міровую картину. Философіи же не воспрещается пойти для пополненія міровой картины и дальше, пойти такъ далеко, какъ это будетъ ей угодно.

Говоря о происхожденіи различныхъ видовъ живыхъ существъ, Рейнке утверждаетъ, что всѣ они произошли изъ соотвѣтствующихъ имъ видовыхъ клѣточекъ. Подобно тому какъ млекопитающіяся птицы, амфибіи и растенія развиваются изъ одной зародышевой клѣтки, точно также и на нашей планетѣ прежде существовали лишь однѣ простыя клѣтки, изъ которыхъ въ теченіе многихъ милліоновъ лѣтъ произошли современные виды. Если мы не признаемъ такихъ родоначальныхъ клѣточекъ, то никогда фактически не узнаемъ тѣхъ причинъ, въ силу которыхъ изъ яйца ласточки всегда развивается ласточка, изъ яйца воробья-воробей; если мы для объясненія прибѣгнемъ къ наслѣдственности, то и она окажется неизвѣстной величиной. Объясненіе наслѣдственности мы должны отнести за счетъ внутреннихъ причинъ, изслѣдовать же внутреннія причины біологія не въ состояніи. Но если это справедливо по отношенію къ совершающимся передъ нашими глазами явленіямъ индивидуальнаго развитія или онтогеніи, то какое значеніе оно должно имѣть для гипотетическаго развитія рода, или филогеніи? Силами, имѣющими вліяніе при усо-

вершенствованіи рода могутъ быть только внутреннія неизвѣстныя причины, аналогичныя тѣмъ, которыя оплодотворенную яйцевую клѣтку кролика—микроскопическій комочекъ углеродистыхъ соединеній, заставляють съ механической точностью развиваться въ новаго кролика.

По вопросу о происхожденіи человѣка Рейнке пишетъ: нѣтъ ни одного доказательства, (которые можно бы было провѣрить на опытѣ), говорящаго въ пользу гипотезы, будто человѣкъ произошелъ отъ животнаго; только придерживаясь идеи общаго развитія, мы должны поставить человѣка въ ряду несовершенныхъ организмовъ, какъ послѣднюю ступень животной лѣстницы. Что же касается мнимыхъ предковъ человѣка, которыхъ выставляетъ Геккель, то будетъ вполне справедливо, если скажемъ, что родословная ихъ является столь же достовѣрною, какъ и родословная гомеровскихъ героевъ. Достоинство науки требуетъ заявить лишь, что намъ ничего неизвѣстно о животномъ происхожденіи человѣка. Возможно, говоритъ Рейнке, высказывая свое предположеніе, что послѣ охлажденія до нѣкоторой степени земного шара, первичныя клѣточки человѣческаго рода возникли одновременно съ другими первичными клѣточками и затѣмъ постепенно развились въ формы животныхъ, отъ которыхъ не сохранилось до нашихъ дней никакихъ слѣдовъ, и что только въ теченіи третичнаго періода тѣло человѣка приняло окончательную форму. Но это одно только изъ возможныхъ предположеній. Съ перваго появленія человѣка въ немъ заложена способность къ духовному совершенствованію, которая и отличаетъ душу человѣка отъ души животнаго значительно болѣе, чѣмъ отличны ихъ тѣла. Какъ и откуда появился духъ человѣка на нашей планетѣ и „воплотился въ тѣло“, на это намъ не даютъ отвѣта естественныя науки. Какимъ образомъ тѣло связано съ духомъ и каково ихъ взаимоотношеніе—это для науки книга съ семью печатами.

Мы позволили себѣ сдѣлать всѣ эти извлеченія изъ книги Рейнке въ виду того важнаго значенія, которое мы приписываемъ авторитетнымъ заявленіямъ ученаго профессора. Болѣе цѣнныя для насъ заключенія мы подчеркивали. Его научное міровоззрѣніе можетъ совершенно свободно ужиться съ тѣмъ религіознымъ міровоззрѣніемъ, ко-

торое раскрываетъ намъ Библія. Библія въ своемъ ученіи о происхожденіи міра не отвергаетъ той міровой эволюціи, которая признается основнымъ догматомъ естествознанія; она говоритъ о постепенномъ появленіи и развитіи различныхъ формъ жизни, начиная съ самыхъ несовершенныхъ и кончая человѣкомъ. Не отвергая ученія о постепенномъ развитіи міровой жизни, Библія даетъ намъ религіозный отвѣтъ на тѣ вопросы, которые лежатъ внѣ опыта и которые, поэтому, проф. Рейнке оставляетъ совсѣмъ безъ отвѣта. Она говоритъ намъ о Богѣ, высочайшей и разумной Причинѣ всего существующаго, установившемъ „въ началѣ“ для міровой жизни опредѣленные законы и призавшій къ проявленію себя въ мірѣ тѣ причины и силы, которыхъ не могутъ найти ученые изслѣдователи природы ни въ микроскопѣ; ни въ телескопѣ. Дѣйствіемъ этихъ причинъ и силъ въ опредѣленное въ исторіи земли время неорганическая жизнь произвела изъ себя органическую,—тѣ первоначальныя органическія клѣточки, которыя сами, не имѣя родителей, произвели все живущее по роду и по виду своему.

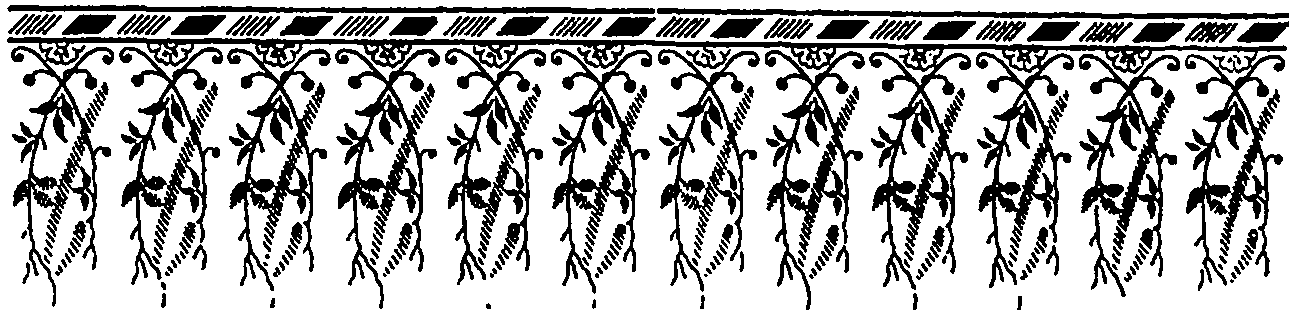
Въ заключеніе своей замѣтки познакомимъ читателя съ тѣми сужденіями, которыя дѣлаетъ Рейнке о Геккелѣ, какъ ученомъ. Эрнстъ Геккель, говоритъ онъ, въ высшей степени даровитый и талантливый человѣкъ, блестяще заявившій себя на научномъ поприщѣ. Однако его позднѣйшіе труды, съ которыми онъ обращается къ широкой публикѣ, „Естественная исторія мірозданія“, „Міровыя загадки“ и „Чудеса жизни“ являются *карикатурами настоящей науки*. (Курсивъ нашъ). И если бы Геккель не представлялся намъ виртуозомъ самообмана, то мы должны были бы назвать его Калиостро естествознанія, въ особенности біологіи. Онъ съ успѣхомъ можетъ продекламировать слѣдующій монологъ: „Ужъ много лѣтъ я съ безпримѣрнымъ упорствомъ набиваю головы людей тѣмъ, что я необыкновенно шутливый, энергичный и умный человѣкъ; это сдѣлалось уже отчасти и общественнымъ мнѣніемъ, поколебать которое не въ состояніи никакая небесная или земная сила. Я могу заикаться и болтать, я могу писать быстро и мелко; я могу сдѣлаться мишенью нападокъ... слава моя не пострадаетъ отъ этого. Геккель пытается навязать неспособной критически мыслить толпѣ фантастическую, недостаточно обоснованную, и

во многихъ отношеніяхъ невѣрную міровую картину, въ подтвержденіе которой выставляетъ факты, не подтвержденные естествознаніемъ. И если бы всѣ тѣ, кто въ настоящее время хоромъ прославляютъ его, имѣли понятіе о томъ, какъ Геккель водить ихъ за носъ туда и сюда, то они въ справедливомъ гнѣвѣ разбили бы связанную съ его именемъ картину природы. Но у нихъ не хватаетъ для этого необходимыхъ знаній въ области естествознанія, а на этомъ и основано какъ счастье Геккеля, такъ и загадка его успѣховъ. Широкія массы даже и не допускаютъ, что такой извѣстный естествоиспытатель даетъ имъ вмѣсто хлѣба камень. Геккель въ своихъ популярныхъ сочиненіяхъ, особенно въ своихъ теоретическихъ спекуляціяхъ совершенно не соблюдаетъ научную точность и строгую истину; вмѣсто доказательствъ онъ ограничивается простымъ утвержденіемъ; выводы изъ недостаточныхъ основаній онъ выставляетъ какъ факты; вмѣсто проблемъ выставляетъ догмы и предрасудки, а за все это нельзя не сдѣлать ему упрека въ ненаучности. Вся геккелевская теорія самозарожденія есть просто научная утка. Эти сужденія проф. Рейнке не голословны, они подтверждаются научными фактами; но мы не станемъ утомлять ими вниманіе читателей. Комментаріи къ сказанному излишни. Отъ всей души рекомендуемъ слѣпымъ почитателямъ Геккеля познакомиться со взглядами такого серьезнаго и объективнаго представителя науки, какимъ является проф. Рейнке.

П. Кратировъ.

Библіографія

I.

Проф. И. И. Соколовъ. „Православный греческій востокъ“ (Выпускъ третій). IV—124 стр. Петроградъ. 1916 г.

Въ новый выпускъ сборника проф. Соколова „Православный греческій востокъ“ вошли три самостоятельныхъ статьи, всѣ, однако же, посвященныя исторіи Константинопольской церкви въ современномъ ея состояніи. Первое мѣсто отдано воспоминаніямъ о почившемъ 13 ноября 1912 года незабвенной памяти святѣйшемъ вселенскомъ патріархѣ, Іоакимѣ Третьемъ, обрисовкѣ, въ краткихъ, но сильныхъ чертахъ, этой исключительно крупной исторической личности. По справедливому, носящему отгѣнокъ какъ бы нѣсколько грустнаго недоумѣнія, замѣчанію автора,—даже въ греческой печати до настоящаго времени, не появлялось еще ни одного сочиненія, специально посвященнаго патріарху Іоакиму Третьему. Тѣмъ большую цѣнность приобретаетъ, въ связи съ этимъ, хотя бы и краткая статья представителя русской церковно-исторической науки, какъ выраженіе неувыдаемой памяти сыновъ русской церкви о великомъ вселенскомъ первоіерархѣ. Многимъ памятно еще, конечно, то чувство скорбной утраты, какимъ реагировала православная Россія на кончину святѣйшаго патріарха Іоакима. Но для многихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не вполне, быть можетъ, ясенъ внутренній обликъ почившаго, неясны, слѣдовательно, и размѣры понесенной вселенской православной церковью въ лицѣ его утраты. Обрисовка духовнаго облика

святѣйшаго патріарха и составляетъ основную задачу статьи проф. Соколова,—обрисовка, исполненная съ художественною сжатостью, точностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полнотою. Чѣмъ былъ святѣйшій патріархъ,—преемникъ по византійской кафедрѣ Вселенскаго Учителя и Святителя Іоанна Златоуста, а также знаменитыхъ борцовъ противъ папства и защитниковъ внутренней свободы восточной церкви, патріарховъ Фотія и Михаила Кирулларія, патріарховъ-мучениковъ Кирилла Лукариса и Григорія V, ревнителя церковной правды и каноновъ Григорія VI? „Ревностнымъ ихъ послѣдователемъ, ученикомъ по духу, въ очень многомъ оправдавшимъ завѣты великихъ учителей и, больше того,—угодившимся имъ нѣкоторыми чертами личной жизни“, — такъ можно бы формулировать вкратцѣ отвѣтъ проф. Соколова. „Человѣкъ благороднѣйшій, съ сильнымъ природнымъ умомъ, энергичный и просвѣщенный, любитель и покровитель наукъ и знанія, независимый въ своихъ сужденіяхъ, смѣлый и рѣшительный въ своихъ дѣйствіяхъ, опытный и тактичный администраторъ, ревностный и самоотверженный церковный дѣятель, весьма обходительный въ сношеніяхъ съ другими, независимо отъ ихъ ранга и общественнаго положенія, краснорѣчивый и находчивый, придававшій своей рѣчи удивительную простоту, убѣдительность и ясность, которая увлекали слушателей и производили чарующее на всѣхъ впечатлѣніе, необыкновенно простой въ своей жизни и способный быстро и сильно располагать къ себѣ, человѣкъ высокихъ моральныхъ доблестей, безсребренникъ и аскетъ, глубоко-религіозный и молитвенно-проникновенный“... Человѣкъ, проявившій самую исключительную заботливость объ упорядоченіи церковно-общественнаго строя патріархата, убѣжденный и неустанный защитникъ предъ турецкимъ правительствомъ историческихъ правъ и прерогативъ православной церкви, вынужденный изъ-за этого на долгій срокъ оставить патріаршую кафедру, но восторжествовавшій все же въ борьбѣ за права церкви. Іерархъ истинно вселенскаго направленія,—черта особенно крупная. Таковъ внутренній обликъ почившаго патріарха, подробно обрисовываемый въ статьѣ проф. Соколова. При чтеніи ея невольно присоединяешься сердцемъ къ заключительнымъ словамъ автора: „Вѣчная память во вѣки вѣ-

ковъ во всемъ христіанскомъ мірѣ святѣйшему патріарху Іоакиму Третьему“. Вѣчная память среди сыновъ русской православной церкви и скорбь объ утратѣ, такъ ярко выражена въ лирическомъ „Плачѣ на кончину патріарха Іоакима III“ составленномъ въ свое время архіепископомъ Харьковскимъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ.

Въ двухъ остальныхъ статьяхъ проф. Соколова предложены: 1) схема судебныхъ установленій, нынѣ дѣйствующихъ въ Константинопольской церкви, и 2) анализъ устава греческаго православнаго кинота въ Ставродроміи въ Константинополѣ, относящійся къ 1904 году. По содержанию и изложенію своему статьи эти могли бы казаться написанными для специалистовъ, или, во всякомъ случаѣ,—лицъ, блико заинтересованныхъ, чисто теоретически, въ освѣщеніи этихъ вопросовъ. Однако, значеніе ихъ въ сильной степени измѣняется,—что имѣетъ въ виду и авторъ,—въ связи съ переживаемымъ русскими православными людьми временемъ, когда предъ нами такъ непосредственно-сильно стоитъ уже нѣсколько лѣтъ вопросъ о преобразованіи церковнаго суда и реформѣ русскаго православнаго прихода. Если принять во вниманіе послѣднее обстоятельство, то станетъ вполне естественнымъ и законнымъ ожиданіе, что искреннюю благодарность проф. Соколову за его трудъ принесутъ не только специалисты, но и широкая читающая публика. О реформѣ церковнаго суда и православнаго прихода у насъ въ настоящее время пишется и говорится очень много. Но трудно быть увѣреннымъ, чтобы на основаніи газетныхъ статей въ широкихъ кругахъ русскаго общества вопросъ этотъ такъ сказать откристаллизовался, чтобы каждому было ясно, каковы же именно должны быть реформированные судъ и приходъ во всѣхъ сторонахъ ихъ проявленій и жизни. Въ данномъ случаѣ важенъ, безспорно, опредѣленный жизненный примѣръ. Такой именно-примѣръ организации кинота и судоустройства въ церкви Константинопольской—и данъ въ статьяхъ проф. Соколова. Конечно, цѣнность ихъ—не только цѣнность момента, но для широкой публики она въ данное время преимущественно такова. И, быть можетъ, такую же, нѣсколько особую, цѣнность имѣетъ, наряду съ этимъ, и первая статья, посвященная памяти святѣйшаго патріарха Іоакима Третьяго, какъ перво-

іерарха, подобныхъ вполнѣ которому церковь русская если и не имѣла въ минувшей своей исторіи, то можетъ горячо желать имѣть въ будущемъ.

И. П.

II.

Е. Деннертъ „Богъ. Можемъ ли мы еще вѣрить въ Бога?“ (Переводъ Гильберта подъ редакціей Ал. Введенскаго). Стр. 147. Одесса, 1915 г.

Поставленное авторомъ, слишкомъ сильно бьющее въ глаза, заглавіе его небольшого по объему труда, позволяя заранѣе угадывать содержаніе и симпатичную цѣль послѣдняго, вмѣстѣ съ тѣмъ предугадываетъ и его возможные недостатки, неизбѣжные по существу дѣла. Сочиненіе Деннерта—одно изъ тѣхъ, какія читаются съ чувствомъ тихой радости, наполняющей сердце предъ лицомъ сдержанно-религіознаго, но твердаго, сознательно-разумнаго исповѣданія вѣры въ Бога и призыва къ ней другихъ. „Можемъ ли мы еще вѣрить въ Бога?“—вопросъ, быть можетъ, потерявшій въ настоящее время ту мучительную остроту и болѣзненность для религіознаго сознанія каждаго, какую ему усволяетъ авторъ. Потерявшій потому, главнымъ образомъ, что въ наши дни гораздо можно чаще наблюдать не невѣріе, а полный религіозный индифферентизмъ,—явленіе несравненно болѣе грустное и тяжелое, поскольку къ нему мало примѣнимы и малозначущи даже самые свѣтлые способы противодѣйствія. При всемъ томъ, вопросъ, поставленный авторомъ, далеко нельзя, конечно, считать вовсе снятымъ съ очереди, разрѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ для каждаго. Религіозное безразличіе — печальный удѣлъ людей, духовно созрѣвшихъ или, вѣрнѣе, умершихъ; что же касается юношества, то—и это все же, къ счастью, какъ ни грустенъ фактъ самъ по себѣ,—ему свойственно именно невѣріе, религіозное, недостаточно продуманное и прочувствованное, отрицаніе. Здѣсь, среди молодыхъ умовъ и сердецъ, возникновеніе вопроса о возможности вѣры въ Бога—явленіе, наблюдаемое теперь, какъ и въ былое время, слишкомъ часто. Въ этой же средѣ, слѣдовательно, должно звучать и отвѣтное слово, въ данномъ случаѣ—предложенное *Е. Деннертомъ*. Схема книги, общее ея содержаніе не

слишкомъ сложны. Авторъ окидываетъ общимъ взглядомъ картину жизни вселенной, отмѣчая въ послѣдней закономерность и цѣлесообразность, излагаетъ сущность современныхъ эволюціонныхъ теорій, болѣе подробно останавливаясь на дарвинизмѣ и его критикѣ; переходитъ далѣе къ раскрытію исторіи развитія вселенной и, наконецъ,—къ вопросу о положеніи человѣка въ этой послѣдней, путяхъ и задачахъ его жизни. „Современная картина міра, а равно процессъ его развитія, не только не исключаютъ вѣры въ Бога, но требуютъ признанія Его бытія со стороны всякаго сознательно-разумнаго существа“—таково основное положеніе автора; отсюда—выводъ: задачи человѣческой жизни. Серьезно-сдержанное и, наряду съ этимъ, проникновенно-убѣжденное изложеніе мыслей, оправданіе религіозной вѣры и призывъ къ сознательному исповѣданію ея ставятъ высокую цѣнность книги внѣ всякаго сомнѣнія. Но при всемъ томъ возникаетъ вопросъ: кому и въ какихъ случаяхъ она могла бы быть рекомендуема для прочтенія? Какъ уже сказано выше, самый объемъ книги предрѣшаетъ ея недостатки. Вопросъ о возможности вѣры въ Бога слишкомъ великъ и сложенъ, чтобы его можно было исчерпать на 147 страницахъ небольшого формата книги. Не говоримъ даже: исчерпать до конца; поле—слишкомъ узкое для осуществленія даже болѣе скромной задачи, взятой авторомъ: разбора и критики современныхъ эволюціонныхъ теорій. По необходимости, въ связи съ этимъ, въ трудѣ г. Деннерта приходится сталкиваться съ критикой безъ предварительнаго достаточнаго полнаго изложенія критикуемаго. Взрослаго человѣка, въ виду этого, положенія автора не удовлетворили бы. Повторяемъ, это—книга для юношества скорѣе. Но въ такомъ случаѣ въ ней нельзя не отмѣтить съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія другихъ недочетовъ. Не излагая подробно подвергаемаго критическому анализу матеріала, необходимо во всякомъ случаѣ, примѣняясь къ границамъ юношескаго знанія, кратко, но непремѣнно отчетливо и точно излагать сущность разбираемыхъ теорій и проводить это съ возможно большей строгостью. Какъ разъ данное то условіе въ книгѣ авторомъ и не выполнено, Многіе вопросы разбираются такимъ образомъ, что читателю какъ бы предполагаются въ совершенствѣ извѣстными, ученіе, напримѣръ,

Ницше, существующія астрономическія гипотезы, монистическія теоріи и т. п. Предполагать такія познанія у нашего юношества, учащейся молодежи, было бы слишкомъ неосновательно. Другой существенный недостатокъ книги, хотя уже формальнаго свойства,—это недостатокъ планомѣрности въ изложеніи, отсутствіе строгой пунктуальности. Общій планъ труда больше чѣмъ ясенъ, но частныя положенія зачастую настолько неотгранены, смѣшаны, порывисты, что трудно услѣдить за постепеннымъ развитіемъ аргументаціи автора. Наконецъ, недостаточно выдержанъ общій тонъ книги: начатая и законченная пламеннымъ призывомъ убѣжденнаго апологета христіанской вѣры, въ главной своей части она, не будучи строго научной, производитъ впечатлѣніе нѣкоторой вялости и неувѣренности. Составляетъ ли, однако же, все это крупный минусъ труда? Разумѣется,—нѣтъ. Было бы трудно, конечно, рекомендовать эту книгу для чтенія вообще юношеству. Но мучимые сомнѣніемъ, ищущіе религіознаго свѣта и правды, сами сумѣютъ разобраться въ ней и взять изъ нея необходимое ихъ уму и сердцу. Если настоящая книга не дастъ имъ удовлетворенія безусловнаго, то для однихъ послужитъ предостереженіемъ противъ опрометчиваго увлеченія модными теоріями, устранившими Бога изъ міровой жизни, а для другихъ часть руководящія нити для выхода на правильный путь.

А. К.

плотское общеніе супруговъ въ условіяхъ, причиняющихъ вредъ дѣторожденію, пріобрѣтаетъ исключительный характеръ „рабскаго служенія однимъ только половымъ возделѣніямъ“. Напротивъ, половой супружескій актъ, совершаемый по требованію плоти, ради удовлетворенія похоти, по нему, не можетъ быть осужденъ, какъ *грѣхъ*, если только при плотскомъ совокупленіи „супруги сознательно не избѣгаютъ рожденія дѣтей, не высказываютъ открытаго нежеланія имѣть ихъ и не препятствуютъ рожденію какимъ-нибудь другимъ способомъ“¹⁾. Въ этихъ условіяхъ половое общеніе въ бракѣ въ извѣстной степени есть и *законообразное* удовлетвореніе плотской потребности самой по себѣ. Потому-то бл. Августинъ, самъ лично пережившій всѣ половые экстазы²⁾, сильно сомнѣвается въ существованіи такихъ людей, которые въ брачномъ сожитіи воодушевлялись бы однимъ лишь чистымъ желаніемъ имѣть дѣтей, не отдаваясь

ни всячески избѣгать зарожденія дѣтей (см. о немъ у *Катрейна*, „Die katholische Weltanschauung“, S. 413—414). Неомальтузіанство связано съ именемъ англійскаго экономиста *Мальтуса* и его теоріей о несоразмѣрномъ съ средствами питанія увеличеніи народонаселенія, требующемъ, чтобы люди какъ можно меньше размножались (см. его „Опытъ о законѣ народонаселенія“, т. I, стр. 97—102. Переводъ Бибикова, 1868 г.). Къ числу весьма многихъ горячихъ приверженцевъ и заступниковъ этой теоріи принадлежитъ, между прочимъ, *Джонъ Стюартъ Милль* (см. его „Основанія политической экономіи“, т. I, стр. 238, 432 и др. Спб. 1874 г.). И нашъ *Л. Толстой*, ополчившійся противъ брака и семейной жизни, является въ своей „Крейцеровой Сонатѣ“ и въ „Послѣсловіи“ къ ней однимъ изъ рѣшительныхъ послѣдователей Мальтуса. Критическое обсужденіе мальтузіанской мысли Толстого, будто бы бракъ и семейная жизнь составляютъ препятствіе къ общему матеріальному благосостоянію человѣчества, можно найти у *проф. А. Ѳ. Гусева*, „Бракъ и безбрачіе въ *Крейцеровой Сонатѣ* и *Послѣсловіи* къ ней г. Л. Толстого“. Изд. 3. Казань, 1901 г., стр. 124 и дал.).

¹⁾ „De voto conjugali“, с. 5. M. t. VI, col. 376. По постановленію VI вселенскаго собора, лицъ — кто бы они ни были, — дающихъ средства къ изгнанію плода, Церковь разсматриваетъ, какъ *человѣкоубійцъ* (*Книга правилъ*, стр. 120). Весьма строго смотритъ она и на лицъ, изобрѣтающихъ и пускающихъ въ ходъ средства, препятствующія къ забеременѣнію* (Тамъ же, стр. 154).

²⁾ См. его „Исповѣдь“ (confessiones) въ перев. *Д. Поддурскаго*. „Труды Кіевск. дух. Академіи“ за 1866 и 69 г.

въ то же время и похотливымъ вожделѣніямъ ¹⁾, Наконецъ, плотское вожделѣніе въ родовомъ актѣ, возникающее изъ половой потребности человѣческой природы, есть нѣчто *естественное*, необходимо вытекающее изъ тѣлесной организаци. „Природа, какъ въ отношеніи къ пищѣ, такъ и въ отношеніи къ законному браку“,—говоритъ *Климентъ Александрійскій*,—„позволяетъ пользоваться лишь тѣмъ, что *естественно*, цѣлесообразно, благопристойно. Всякая чрезмѣрность и неумѣренность идутъ уже противъ законовъ природы“, являясь прямою „несправедливостію по отношенію къ ней“ ²⁾. Вотъ почему мы стыдимся въ сферѣ половыхъ отношеній всего ненормальнаго, противоестественнаго, „при чемъ степень безнравственности проявленій полового инстинкта обусловливается степенью ихъ неестественности. Чувственные порывы, напр., юноши, въ которомъ, по выраженію поэта, „какъ лава въ жилахъ, льется кровь, и, какъ огонь, въ крови горитъ огонь“, безспорно, конечно, чище изможденной половой страстности старца, къ которому въ свою очередь не менѣе примѣнимы слова: „развратникъ только льнетъ къ плодамъ незрѣлымъ, чтобы возбудить въ крови, остывшіи пылъ“ ³⁾.

Послѣ сказаннаго едва ли можно признать состоятельною теорію „психологіи дѣторожденія“, принадлежащую старообрядч. еп. Михаилу (Семенову), по смыслу которой плотское общеніе супруговъ не должно имѣть для нихъ никакого, помимо чадородія, самостоятельнаго значенія, причемъ оно должно быть безусловно безстрастнымъ ⁴⁾. Но эта теорія, не отличающаяся и оригинальностью ⁵⁾, является чи-

¹⁾ De bono conjugali, с. 17, § 19. Migne, Patr. curs. compl. t. VI, col. 386.

²⁾ „Педагогъ“ въ перев. Н. Корсунскаго. Ярославъ. 1890 г., кн. II, гл. 10, стр. 207, 211.

³⁾ П. Девицовъ. „О брачномъ союзѣ и его значеніи въ области половыхъ отношеній“. „Христ. Чтеніе“ 1905 г., июль, стр. 77.

⁴⁾ „Новый Путь“ 1903 г., № 6. „Записки ред.-философскихъ собраний“, стр. 252—253. Ср. „Миссіонер. Обзор.“ 1902 г., ноябрь.

⁵⁾ Еще *Лактанцій*, оправдывая бракъ единственно только цѣлями дѣторожденія, требовалъ, чтобы этотъ законъ природы выполнялся безъ вожделѣнія и страсти. (Божеств. настав. кн. VI, гл. 23).

стѣйшей утопіей. Такъ не бываетъ на дѣлѣ, какъ это представляетъ себѣ авторъ. Возможно ли зачатіе ребенка при безусловномъ безстрастіи супруговъ? По вѣрному на этотъ разъ замѣчанію извѣстнаго оргіаста *В. Розанова*, сліяніе половъ „даже механически невозможно безъ сильнаго прилива крови въ половой сферѣ, что уже образуетъ наличность чувственности“¹⁾. Правда, проф.-прот. *Соллертинскій* въ доказательство возможности безстрастности акта дѣторожденія указываетъ на цвѣточное размноженіе, какъ своего рода брачный процессъ, въ которомъ, однакожъ, „сладострастія нѣтъ“²⁾. Но кто знаетъ, если бы растенія обладали сознаниемъ, какъ человѣкъ, то, быть можетъ, и они испытывали бы нѣчто въ родѣ сладострастія. Нѣтъ, рассматриваемая нами теорія „психологіи дѣторожденія“ настолько далека отъ дѣйствительности, что это—вовсе не то, что боговдохновенные совѣты касательно супружеской жизни ап. Павла, вполне согласные съ подлинными свойствами человѣческой природы (1 Кор. гл. 7).

Въ подтвержденіе своей фантастической теоріи старо-обрадч. епископъ ссылается, повидимому, на безусловно-безстрастный характеръ полового общенія первой человѣческой четы въ состояніи невинности³⁾. Такого же мнѣнія о брачномъ полообщеніи нашихъ еще несогрѣшившихъ прародителей держался и бл. *Августинъ*. „Тогда“ (т. е. въ раю невинности),—говоритъ онъ,—„половые члены приводились бы въ движеніе мановеніемъ воли, какъ и всѣ прочіе члены человѣческаго тѣла; тогда супругъ прильнулъ бы къ лону супруги *безъ страстнаго волненія*, съ сохраненіемъ полнаго спокойствія души и тѣла и при полномъ сохраненіи цѣломудрія“⁴⁾. Но можно ли утверждать это такъ

¹⁾ „Новый Путь“ 1904 г., № 4, стр. 189.

²⁾ „Новый Путь“ 1903 г., № 6, стр. 355—356.

³⁾ См. нашу книгу: „Осовременное декадентство и христіанство“, стр. 132.

⁴⁾ „De civitate Dei“, XIV. Migne, Patr. curs. compl., t. VII, col. 484.—Очевидно, бл. Августинъ въ противоположность мнѣнію нѣкоторыхъ другихъ церковныхъ писателей (напр., бл. *Иерониму*, см. Творенія его въ русск. перев., т. I, стр. 117—118), совершенно послѣдовательно съ точки зрѣнія общихъ основъ христіанства (Быт. 1, 23, 23—24; Ср. Еф.

категорически? Способъ размноженія человѣческаго рода по грѣхопадѣнїи нашихъ прародителей не могъ существенно измѣниться, такъ какъ въ словѣ Божїемъ нѣтъ никакихъ данныхъ для предположенія, что съ грѣхопадѣнїемъ чело-вѣка произошло внезапное измѣненіе въ неотдѣлимой отъ этого способа самой структурѣ его тѣлеснаго организма. Напротивъ, въ свящ. бытописанїи есть ясныя указанія на то, что тѣлесная организація согрѣшившихъ Адама и Евы осталась именно неизмѣнною: „и открылись глаза у нихъ обоихъ, и узнали, что они наги, и сшили смоковныя листья, и сдѣлали себѣ опоясанія“ (Быт. 3, 7), т. е. поспѣшили при-крыть, чѣмъ могли, у себя то, что у нихъ было еще отъ са-мага созданія ихъ. Если же допустить, что половые органы у первозданныхъ супруговъ послѣ грѣхопадѣнїя не подвер-глись существенному измѣненію, то необходимо допустить, что и функція ихъ полообщенія осталась неизмѣнною¹⁾. А если половое общеніе между супругами и въ состоянїи рай-ской невинности совершалось такъ же, какъ оно совершается доселѣ, то нѣтъ никакихъ основаній настаивать на томъ, что оно вовсе будто бы не сопровождалось плотскимъ вож-делѣнїемъ. Это вожделѣнїе и тогда не могло не быть, но только оно чуждо было тѣхъ вредноносныхъ элементовъ (тягости и скорби беременности, болѣзни и муки чадородія— Быт. 3, 16²⁾), которые стали присущи ему со времени грѣхо-падѣнїя первыхъ людей и сдѣлали его безпорядочнымъ дви-женіемъ чувственности; на это послѣднее прямо указываетъ

5, 31); допускаетъ возможность брачнаго полообщенія нашихъ праро-дителей еще до момента грѣхопадѣнїя. Задаваясь вопросомъ, какимъ образомъ родъ человѣчскій могъ бы, въ силу известной божествен-ной заповѣди, размножаться, если бы первые люди не согрѣшили, этотъ глубокомысленный богословъ — антропологъ замѣчаетъ, что „бракъ существовалъ бы въ первобытномъ состоянїи, если бы никто и не согрѣшилъ“ („De purt. et concup.“ I, I, c. I. Migne, Patr. curs. compl., t. X, col. 414); и что „рожденіе тѣль“ и тогда „могло бы со-вершаться“ именно „путемъ плотскаго общенія“, но только совер-шенно безстрастнаго. („De bono conjug.“, c. 2. M., t. VI, col. 374).

¹⁾ См. Н. Н. Страховъ. „Бракъ, разсматриваемый въ своей при-редѣ и со стороны формы его заключенія“. Харьковъ, 1893 г., стр. 209.

²⁾ И по словамъ поэта (В. А. Жукѣвскаго), „отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастїя остается уныніе одно“, т. е. полообщенію грѣховнаго чело-вѣка свойственно только тягостное и мучительное состоянїе духа.

испытанный тогда ими стыдъ наготы (Быт. 3, 7), котораго прежде они не чувствовали (Быт. 2, 25) ¹⁾. Въ вожделѣннн, которымъ сопровождалось тѣлесное общеніе безгрѣшныхъ прародителей нашихъ, было лишь то, что дѣлаетъ его пріятнымъ и радостнымъ ²⁾.

Признавая похотливое полообщеніе супруговъ въ связи съ зарожденіемъ дѣтей, какъ необходимое орудіе размноженія человѣческаго рода, безспорно естественнымъ и нормальнымъ явленіемъ, и потому не считая возможнымъ осуждать его, какъ грѣхъ, мы вовсе не защищаемъ дикой страстности въ сношеніяхъ супруговъ, а, напротивъ, утверждаемъ, что они, путемъ разумнаго и умѣреннаго удовлетворенія физическимъ потребностямъ своей природы, должны постепенно отвоевывать себѣ побѣду надъ чувственностію и выводить себя изъ состоянія похоти въ состояніе духовно-нравственной свободы. Одинъ изъ глубокомысленныхъ психологовъ говоритъ, что „половая любовь рѣдко, но можетъ быть совершенно идеальной... Сначала, по ограниченности человѣка, она не свободна отъ нѣкоторой страстности, но *потомъ сбрасываетъ эти оковы* и паритъ въ болѣе чистой области. *Постепенно одухотворяясь*, органическая любовь смѣняется дружбой, въ основаніи которой лежитъ глубочайшее сродство душъ и которая есть любовь одного человѣка къ высшему божественному началу въ другомъ“ ³⁾.

Если и въ обычномъ половомъ общеніи между мужемъ и женой, естественномъ и законосообразномъ явленіи природы, надобно стремиться къ постепенному освобожденію себя отъ чувственныхъ вожделѣннй, то что же мы должны сказать о противоестественныхъ половыхъ сношеніяхъ людей не только другъ съ другомъ, но и съ тѣми или другими представителями животнаго царства? Такъ какъ естественная цѣль (или, вѣрнѣе, слѣдствіе) брака — размноженіе рода человѣческаго можетъ быть достигнута только путемъ соединенія обоихъ половъ, то само собою слѣдуетъ, что всякое

¹⁾ „Страданія любви ни въ какомъ моментѣ, ни въ какой даже самой слабой степени“, — рассуждаетъ о первобытномъ полообщеніи *г. Рун*, — „ему не были свойственны, не были въ немъ возможны“ (ж. „Міръ Искусства“ 1903 г., № 5, стр. 154).

²⁾ *П. Левитовъ*, цитир. ст., стр. 75 и дал.

³⁾ *С. G. Carus*, „Vorlesungen über Psychologie“. Vorles. XIX.

удовлетвореніе половой потребности внѣ этого соединенія есть тяжкое преступленіе противъ природы. Если бы дозволено было неестественное удовлетвореніе половой потребности, то и самое размноженіе было бы подѣ большимъ сомнѣніемъ. Весьма многіе уклонялись бы отъ бремени брачной жизни. Всякій родъ противонатуральнаго удовлетворенія полового влеченія (онанизмъ, педерастія, скотоложество и пр.) прямо идетъ противъ законовъ природы и есть очевидная несправедливость въ отношеніи къ ней. Въ высшей степени позорно для нашего времени, что эти постыдные пороки не только въ широкихъ размѣрахъ практикуются среди насъ, но и открыто защищаются и оправдываются¹⁾. „Итакъ“, — замѣчаетъ по этому поводу *Катрейнъ*, — „звѣрь все болѣе проявляется въ человѣкѣ. Мы опускаемся ниже даже древняго язычества, которое хотя и совершало всѣ эти пороки, но все же стыдилось выставлять ихъ, какъ требованія справедливости и человѣколюбія“²⁾. Съ точки зрѣнія христіанства подобнаго рода стремленія заслуживаютъ самаго строгаго осужденія. „Не обманывайтесь“, — говоритъ ап. Павелъ, — „ни блудники, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложники царства Божія не наследуютъ“ (1 Кор. 6, 9—10). Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ вспомнить и слова апостола: „не участвуйте въ безплодныхъ дѣлахъ тьмы, но и обличайте. Ибо о томъ, что они дѣлаютъ тайно, стыдно и говорить“ (Ефес. 5, 11—12). Но уже одинъ здравый человѣческій смыслъ, какъ замѣчено выше, осуждаетъ подобныя преступленія. Если бы удовлетвореніе сильнѣйшаго изъ чувственныхъ влеченій было предоставлено полнѣйшему произволу, то изъ этого произошли бы самыя пагубныя послѣдствія какъ для каждаго отдѣльнаго человѣка, такъ и для всего человѣческаго общества. Семья была бы уничтожена, и человѣкъ погрязъ бы ниже животнаго. Итакъ, только въ границахъ натуральнаго и при томъ брачнаго общенія обоихъ половъ допустимо удовлетвореніе половой потребности. Но въ какой законный порядокъ должно быть приведено это естественное влеченіе одного пола къ другому? Природой и откровеніемъ оно подчиняется двумъ основнымъ законамъ.

¹⁾ Объ этомъ подробно можно читать у *Катрейна*, „Die katholische Weltanschauung“, S. 413—415.

²⁾ Ibid., S. 415.

Моногамія. Браконерасторжимость и разводъ.

Первый законъ: половое влеченіе въ бракѣ требуетъ строгаго *единства* брачнаго союза одного мужа съ одной женой, или того, что называется *моногаміей*, точнѣе — *моноги- нией* (единоженствомъ). „Этимъ“, — говоритъ проф. А. Бл- левъ, — „присущее человѣку половое чувственное влеченіе получаетъ умѣренное, нормальное удовлетвореніе, беспоря- дочность и излишества предотвращаются, похоть не разжи- гается, разгуль чувственности пресѣкается“¹⁾.

Нравственное единеніе, основанное на взаимной вну- тренней любви, то единеніе, которое дается въ понятіи о существѣ брака, опредѣляетъ его высокое достоинство и составляетъ главнѣйшую его цѣль, возможно лишь между *двумя* лицами различнаго пола: мужъ, „прилѣпляясь къ женѣ“ своей, тогда только въ состояніи выполнить законъ истиннаго супружества, когда отдается ей всецѣло, съ пол- ною вѣрностію, съ устраненіемъ всякой возможности довѣ- рить себя подобнымъ же образомъ другой. Такимъ обра- зомъ, по самому понятію своему, бракъ можетъ быть моно- гамическимъ. Моногамія является, такъ сказать, внѣшней конкретной формой выраженія внутренней нравственной сущности брака.

Вотъ почему, не только у евреевъ, но и у древнихъ языческихъ народовъ обычай и законъ предписывали и освящали единоженство. Такъ было у древнѣйшихъ гре- ков¹⁾ и римлянъ²⁾. И позднѣе, когда греко-римскій міръ подвергся сильному нравственному разложенію, въ част- ныхъ примѣрахъ жизни и образѣ мыслей лучшихъ людей того міра сохраняются еще остатки моногамическаго прин- ципа. Что касается евреевъ, то хотя полигамія у нихъ также существовала и даже законно допускалась (Исх. 21, 9—11; Лев. 18, 18; Втор. 21, 15—17), но она была только терпима, какъ исключеніе изъ общаго правила и допуска- лась по особымъ обстоятельствамъ. Полигамія повидимому

¹⁾ „Любовь Божественная“. М. 1884 г., стр. 383.

²⁾ По преданію, еще первый афинскій царь *Кекропосъ* повелѣлъ: *ἐνὰ ἀνδρά μιᾶς γυναικὸς ἔχειν.*

³⁾ Претору предоставлялось право наказанія за двоеженство — *Светоній, Iulius, p. 52.*

возникла впервые среди кайнитовъ и притомъ уже предъ потопомъ, во время всеобщаго растлѣнія земли (Быт. 6, 3). Ламехъ, потомокъ Каина въ седьмомъ колѣнѣ, человѣкъ необузданнаго нрава, первый нарушилъ законъ единоженства, взявъ себѣ двухъ женъ (Быт. 4, 19). Точнымъ обозначеніемъ эпохи нарушенія заповѣди о моногаміи Моисей, очевидно, хочетъ показать, что она соблюдалась и послѣ грѣхопаденія какъ Адамомъ, такъ и его ближайшимъ потомствомъ. Далѣе, нѣкоторые примѣры многоженства мы встрѣчаемъ въ исторіи патриарховъ, мужей высокой праведности; но этими примѣрами нисколько не оправдывается многоженство вообще, потому что въ нихъ не представляется ни одного изъ тѣхъ побужденій, по которымъ люди преступаютъ законъ единоженства, и многоженство патриарховъ имѣетъ только внѣшнее сходство съ порокомъ этого имени. Кромѣ того, хотя въ словѣ Божіемъ и не осуждается отступленіе патриарховъ отъ общаго закона супружества, но все же оно остается отступленіемъ, которое только по особымъ обстоятельствамъ и при исключительныхъ условіяхъ жизни не осуждено какъ преступленіе¹⁾. Наиболѣе выдающіеся примѣры многоженства представляютъ нѣкоторые изъ еврейскихъ царей; но для нихъ важное значеніе въ этомъ случаѣ имѣло не столько забвеніе закона единоженства, сколько господствовавшій въ то время на Востокѣ придворный этикетъ, къ которому, между прочимъ, относилось и обладаніе большимъ гаремомъ, вытекавшее изъ соображеній политическаго характера²⁾. Что именно такъ надобно смотрѣть на многоженство еврейскихъ царей, на это ясно указываютъ учительныя книги Соломона, въ которыхъ, не смотря на то, что самъ Соломонъ содержалъ многочисленный гаремъ, при изображеніи домашняго семейнаго счастья, повсюду выступаетъ прекрасный образъ *одной* жены, полновластной хозяйки дома (Еккл. 9, 9; Притч. 31, 10—31 и др.; Пѣснь Пѣсней, 6, 8—9).

Вообще полигамія допускалась у тѣхъ или другихъ народовъ всегда только при томъ морально низкомъ состояніи, которое, вслѣдствіе грѣхопаденія, не давало имъ воз-

¹⁾ См. нашу книгу: „Бракъ у древнихъ евреевъ“, стр. 24—26, 44—49.

²⁾ Тамъ же, стр. 62—65.

возможности подняться на высшую степень нравственности¹⁾. Слова І. Христа: „съ начала не было такъ“ (Мѡ. 19, 8), сказанныя относительно развода, приложимы и къ полигаміи. По первоначальному своему божественному установленію бракъ есть моногамическій союзъ; ибо въ намѣреніи Творца было, чтобы и женщина имѣла одного мужа, и мужчина имѣлъ одну жену и не оставлялъ ея, „а если бы Богъ хотѣлъ, чтобы жену оставляли и брали другую, то сотворилъ бы одного мужчину и много женщинъ“²⁾. Словами свящ. бытописателя: „и будутъ два одна плоть“ моногамія означается, какъ самая естественная форма брака: „одна плоть не раздѣльна; моногаміи многоженство противорѣчитъ, какъ нѣчто дѣлимое. І. Христосъ во всей силѣ подтвердилъ и возстановилъ этотъ первоначальный законъ брака (Мѡ. 19, 6). По мысли ап. Павла, подобно тому какъ Христосъ имѣетъ одно только таинственное тѣло—Церковь, такъ и мужъ долженъ имѣть одну только жену, чтобы бракъ сдѣлался великимъ таинствомъ, какъ образъ соединенія Христа съ Церковію (Ефес. 5, 31—33). Христіанство внушило моногамію нравственному сознанию человѣчества, и дало полное оправданіе ей въ томъ, что вновь возстановило нравственное достоинство человѣческой личности и при томъ по отношенію къ обоимъ поламъ одинаково. Отсюда въ христіанской Церкви, съ возвышеніемъ брака до великаго таинства, полигамія совершенно и безусловно запрещается (Ср. І Кор. 7, 2—4; 1 Тим. 3, 2; Тит. 1, 6). Всякій видъ нарушенія закона единоженства у древнихъ христіанъ считался рѣшительно непозволительнымъ. „У насъ цѣломудріе не только въ лицѣ, но и въ умѣ“,—пишетъ *Минуцій Феликсъ*,—„мы охотно пребываемъ въ узахъ брака, но только съ одною женщиною для того, чтобы имѣть дѣтей и для сего имѣемъ только одну жену или же не имѣемъ ни одной“³⁾. Въ этомъ полная противоположность между христіанами и язычниками, которые въ видахъ рожденія большаго числа дѣтей не ограничивались одною женой. „Вы запрещаете прелюбодѣяніе, но совершаете его“,—говоритъ св. отецъ—апологетъ по адресу язычниковъ,—„а мы знаемъ только своихъ

1) *Rothe*, „Theolog. Ethik“, § 319.

2) *Златоустъ*. Вес. 62 на Мѡ. ч. III.

3) „Октавій“, гл. 31. Соч. древн. христ. апологетовъ, изд. Преображенскаго. М., 1867 г., стр. 357.

женъ" ¹⁾). Сообразно съ такимъ взглядомъ Церкви на единство брака, и гражданское законодательство всегда строго оберегало принципъ единоженства; по нашимъ русскимъ законамъ признается только бракъ моногамическій ²⁾).

Поэтому, дурно поступаютъ тѣ изъ христіанъ, которые выступаютъ на защиту полигаміи. Еще въ эпоху нѣмецкой реформаціи нѣкоторые изъ ближайшихъ послѣдователей Лютера (напр. *Карлштадтъ*) смотрѣли на строгую моногамію, какъ на „остатокъ монахизма“, и называли ее нравственностію, основанною на одной слѣпой вѣрѣ ³⁾). Самыми рьяными поборниками полигаміи въ наше время можно считать сѣверо-американскихъ сектантовъ-*мормоновъ* (появивш. съ 1830 г.), которые, во имя естественныхъ влеченій и расположеній природы человѣческой, признаютъ эту форму брака единственно нормальной и законной ⁴⁾). Изъ философовъ новаго времени *Шопенгауэръ*, въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ произведеній („*Parerga und Paralipomena*“), съ явнымъ противорѣчіемъ провозглашенному имъ прежде (въ „*Welt als Wille und Vorstellung*“) принципу аскетическаго воздержанія отъ брака, самымъ рѣшительнымъ образомъ ратуетъ за полигамію, признавая ее наиболѣе правильною формою брака—въ томъ отношеніи, что она ставитъ женщину въ ея естественное подчиненное положеніе („*Parerga*“, т. II, гл. 27).

Такое признаніе за полигаміей самой естественной и законной формы брака—со стороны просвѣщенныхъ христіанъ и между ними крупнаго философа—является непростительнымъ заблужденіемъ. Что полигамія—явленіе нравственно дурное, въ этомъ не трудно убѣдиться всякому. Хотя бракъ уже по внушенію самой природы требуетъ единства для своего совершенства, такъ что, само собою разумѣется, одинъ мужъ только съ одною женою—не больше

¹⁾ Тамъ же, гл. 35, стр. 363—364.

²⁾ Сводъ зак., т. X, ч. I, изд. 1887 г., стр. 20.

³⁾ Bossuet, *Hist. des Variations*, t. I.

⁴⁾ См. о мормонахъ: „Русск. Вѣстникъ“ 1883 г., февраль; „Христ. Чтеніе“ 1878 г., ч. II; „Правосл. Обзорѣніе“ 1878 г., 2-е полугодіе.—Доказательства, приводимыя мормонами въ пользу полигаміи, крайне искусственны и несостоятельны. Желających убѣдиться въ этомъ отсылаемъ къ книгѣ *Н. Н. Страхова*: „Христіанское ученіе о бракѣ и противники этого ученія“, стр. 152—174.

можетъ одновременно вступить въ законный бракъ ¹⁾, однако это требованіе не безусловное. Дѣторожденіе, какъ одна изъ цѣлей брака, возможно и въ полигаміи. Но наличность многихъ или нѣсколькихъ женъ препятствуетъ полному согласію и дружбѣ, которыя должны господствовать въ бракѣ. Сердечная любовь возможна только между равными. Но въ полигаміи нѣтъ нравственнаго равенства. Жена отдаетъ себя исключительно *одному* мужу, но мужъ не исключительно принадлежит *одной* женѣ. Поэтому въ полигаміи рѣдко существуетъ истинная дружба между супругами. Это доказываетъ достаточно опытъ (магометанскіе браки). При полигаміи всѣ стремленія супруговъ сводятся къ чувственнымъ побужденіямъ,—женщина является лишь однимъ только орудіемъ для удовлетворенія похотливыхъ желаній мужа. Полигамія, поэтому, „ведетъ за собою рабство женщины, какъ свое естественное слѣдствіе“ ²⁾, такъ что можно выразить общее положеніе: полигамія и рабство женщинъ совпадаютъ другъ съ другомъ. Далѣе, зависть, ревность и вражда между женами,—и тайная, и явная,—имѣющая цѣлью отвоевать мужа другъ у друга, и т. д.,—все это легко нарушаетъ миръ и согласіе въ семьѣ. Наконецъ, между сводными братьями и сестрами,—дѣтьми полигамическаго брака,—дѣло весьма часто доходитъ до взаимной ненависти и соперничества. Не говоримъ уже о другихъ практически гибельныхъ послѣдствіяхъ многоженства, именно: о преждевременномъ ослабленіи физическихъ силъ мужчины, невозможности правильнаго воспитанія дѣтей, разложенія семейной, а затѣмъ и общественной жизни.

Второй законъ: никакой человѣческой произволъ не можетъ *расторгнуть* законно заключенный бракъ. Брачный союзъ заключается не на время, а на всю жизнь супруговъ. Заключение брака съ мыслию о возможности когда-либо расторгнуть его дѣлало бы невозможною ту задушевность или искренность любви и уваженія брачующихся, которая приводитъ ихъ къ брачному союзу. Такой союзъ, который объемлетъ всю цѣликомъ человѣческую личность, во воѣхъ ея жизненныхъ, какъ духовныхъ, такъ и тѣлесныхъ, отноше-

¹⁾ На это именно указываетъ природа уже тѣмъ обстоятельствомъ, что среднее число мужчинъ и женщинъ почти всегда одинаково (См. „Христ. Чтеніе“ за 1867 г., ч. II, стр. 9).

²⁾ *Trendelenburg*, „*Naturrecht*“ 1860, s. 234.

ніяхъ, не можетъ быть заключенъ на короткое только время. Въ противномъ случаѣ онъ будетъ безнравственнымъ, такъ какъ здѣсь ищется только скоропроходящее чувственное удовольствіе, а оставляется въ сторонѣ высшая, нравственная цѣль брака—всецѣлая и полнѣйшая взаимная преданность супруговъ. Итакъ, кромѣ моногаміи, другимъ существеннымъ свойствомъ брака, непосредственно заключающимся въ самомъ понятіи о немъ, является *нерасторжимость* его. Нерасторжимость брака имѣетъ цѣлью, съ одной стороны, ограничить проявленія чувственности, съ другой дать мѣсто болѣе широкому и глубокому духовному вліянію мужа на жену и жены на мужа. При нерасторжимости брака продолжительное сожитіе супруговъ, привычка, взаимопомощь, заботы о благоустройствѣ семьи,—все это можетъ укрѣплять ихъ брачный союзъ, облегчать тягости жизненнаго пути, а главное—усиливать ихъ взаимную любовь, изъ которой, какъ изъ неизсякаемаго источника, бьетъ живымъ ключемъ любовь къ дѣтямъ, любовь къ родственникамъ, любовь къ отечеству, любовь ко всему человѣчеству, любовь къ Самому Богу¹⁾.

Изъ этихъ именно, указанныхъ нами, основаній исходить въ своемъ ученіи о нерасторжимости брака Самъ І. Христосъ. По Нему, бракъ по первоначальному своему Божественному установленію, въ идеѣ, нерасторжимъ. Онъ указываетъ, что Творецъ изначала создалъ два различныхъ пола (Мф. 19, 4) и этимъ самымъ положилъ основаніе браку, т. е. свободному нравственному союзу двухъ лицъ, союзу до того тѣсному, что супруги становятся какъ бы „одною плотію“ (—ст. Быт. 2, 24); и если они такъ тѣсно соединены въ бракъ, то не должны разлучаться. Библейское выраженіе: „и будутъ два одною плотію“ дѣлается въ особенности понятнымъ при предположеніи нерасторжимости брака, ибо „одна плотъ“ неразрывна органически²⁾. „Итакъ“,—говоритъ *св. Іоаннъ Златоустъ*,—„какъ образомъ творенія, такъ и опредѣленіемъ закона Іисусъ Христосъ показалъ, что мужъ съ женою должны соединиться навсегда и никогда не разлучаться. Изложивъ древній законъ, дѣломъ и сло-

¹⁾ Проф. А. Буляева. „Любовь Божественная“, стр. 387.

²⁾ Saalschutz. „Archäologie der Hebräer. Th. II. Königsberg, 1856, Kap. 62, §—1.

вомъ установленный, Господь потомъ изъясняетъ оный и усиливаетъ сими словами: и мужъ и жена *уже не двое, но одна плоть*. Слѣдовательно, какъ разсѣкать плоть есть дѣло незаконное, такъ противно закону и разлучаться съ женою. И на семъ еще не остановился Господь, но въ подтвержденіе Свое указалъ на Бога сими словами: *что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ*, показывая, что это дѣло противно какъ природѣ, такъ и закону: природѣ, поелику разсѣкается одна и та же плоть,—закону, поелику человекъ покушается раздѣлить то, что Богъ соединилъ и не велѣлъ раздѣлять“¹⁾. Въ этихъ именно послѣднихъ словахъ Спасителя заключается высшее, догматическое, основаніе браконерасторжимости, какъ древняго закона, установленнаго Творцомъ при самомъ созданіи первой человѣческой четы.

Но этотъ древній богоустановленный законъ въ дохристіанскомъ мірѣ съ теченіемъ времени мало-по-малу утратилъ свою силу. То же, что случилось съ моногаміей, постигло и другую характерную черту первобытнаго брака—его нерасторжимость. Общая поврежденность человѣческой природы не замедлила обставить бракъ такими условіями, которыя могли ввести въ него разрушительные элементы, и тѣмъ самымъ поставить его на почву легко и часто расторгаемаго союза. Изъ ряда такихъ условій можно указать на возникшее послѣ грѣхопаденія господство мужа надъ женой, на распространенность многоженства, благодаря которому расторженіе браковъ посредствомъ развода не представляло большого затрудненія. Какъ невыразимо печально обстояло дѣло съ расторженіемъ браковъ въ древнемъ язычествѣ и особенно въ Римѣ! Во времена имперіи царила изумительная свобода и легкость развода въ высшихъ кругахъ греко-римскаго общества: ежедневные разводы были въ порядкѣ вещей, совершались по самымъ пустымъ поводамъ и въ дѣйствительности, можно сказать, безъ всякихъ поводовъ, просто по взаимному желанію супруговъ²⁾, послѣ чего заключались новые браки, такъ что въ сущности вводилось полное, хотя и послѣдовательное многомужество и многоженство³⁾. Бракорасторженіе было

¹⁾ Бес. на Мѡ. ч. III, Бес. 62.

²⁾ „Правосл. Собес.“ 1859 г., ч. III, стр. 331.

³⁾ См. *Friedländer*. „Sittengeschichte der Römer“, Bd. I, с. 5. *Mayer*, „Die Rechte der Israeliten, Athener. und Römer“. Bd. II. Leipzig, 1866, 373—774, 381 и др.

легкомысленной игрушкой въ рукахъ римлянъ. По свидѣтельству *Ювенала*, женщины начинали хлопотать о разводѣ, когда еще не завяли вѣнки, украшавшія двери при входѣ новобрачныхъ¹⁾. Еще *бл. Иеронимъ* видѣлъ, какъ одна жена была погребена своимъ двадцать третьимъ по счету мужемъ, который самъ былъ женатъ двадцать одинъ разъ²⁾. Съ немалою легкостію производился разводъ и въ еврейскомъ народѣ. Уже ко времени Авраама, прервавшаго свое сожителство съ Агарью, онъ вошелъ въ такую силу обычая (Быт. 21, 14), что Моисей долженъ былъ дозволить своему народу легальный разводъ, какъ существующій издревле фактъ, хотя и съ извѣстными ограниченіями, по возможности затруднявшими для него легкомысленное и необдуманное расторженіе брачныхъ узъ³⁾. Онъ именно дозволилъ мужу отпускать свою жену и давать ей разводное письмо во всякомъ случаѣ, когда найдетъ въ ней „что-нибудь противное“ (*ervath dabar*) (Втор. 24, 1—4). Въ наиболѣе испорченныхъ слояхъ іудейскаго общества конца библейскаго времени уже господствовала поразительная легкость въ отношеніи развода, причемъ либеральная школа *Гиллеля* грѣшила въ этомъ направленіи гораздо болѣе, чѣмъ школа *Шаммаи*. Опираясь на чрезвычайно широкое толкованіе вышеозначенныхъ словъ въ законѣ Моисея о разводѣ, именно словъ: *ervath dabar*⁴⁾.—толкованіе, слышкомъ облегчающее расторженіе брака посредствомъ развода, наиболѣе разнузданные изъ іудеевъ, и ихъ покровители—фарисеи считали дозволительнымъ разводъ даже въ томъ случаѣ, когда жена испортила мужу обѣдъ—пересолила или переварила его, или же, если вѣрять гиллелисту *Акибу*, раввинисту перваго столѣтія,

1) *Н. Н. Страховъ*. „Христ. ученіе о бракѣ“, стр. 19.

2) *Epist. 123 ad Ageruch. Migne, Patr. curs. compl. lat. XXII, 1052.*

3) См. нашу книгу: „Бракъ у древнихъ евреевъ“, стр. 77—83.

4) Это еврейское выраженіе, указывающее на причину развода, отличается неопредѣленностію и потому привело къ различнымъ толкованіямъ (см. „Руковод. къ Библейской Археологіи“ *Кейля*, стр. 98, *Зайцева*, „О бракѣ и безбрачій“. „Странникъ“ 1891 г., т. 3, стр. 398 и др.). Подъ этимъ выраженіемъ надобно разумѣть, если не прямо нарушеніе женою цѣломудрія (см. нашу книгу: „Бракъ у древнихъ евреевъ“, стр. 361), то, по крайней мѣрѣ, вообще какіе-либо ея немаловажные недостатки или грубые пороки, непременно имѣющіе непосредственную связь съ половыми отношеніями супруговъ (Ср. Втор. 23, 10; 24, 5 и др.)

мужъ случайно нашелъ другую женщину, которая была красивѣе его жены (*si forte pulchriorem invenerit*)¹⁾.

И вотъ І. Христосъ, въ этомъ вопросѣ стоявшій въ полномъ противорѣчїи со Своими современниками, встрѣчаетъ Себѣ противодѣйствіе съ ихъ стороны. Фарисеи возражаютъ Ему, что „Моисей заповѣдалъ давать женѣ разводное письмо и разводиться съ нею“ (Мѡ. 19, 7). Но Христосъ не измѣняетъ своего отрицательнаго отношенія къ разводу даже тогда, когда ссылаются на авторитеты древности. Онъ отвѣчаетъ фарисеямъ: „Моисей по жестокосердію вашему позволилъ вамъ разводиться съ женами вашими, а съ начала не было такъ“ (—ст. 8). І. Христосъ соглашается съ тѣмъ, что Моисей позволилъ разводъ, какъ временную необходимую мѣру, лишь во избѣжаніе худшихъ золъ. Вѣдь *жестокосердіе* евреевъ, при господствовавшей среди нихъ животной похотливости и половой распущенности, доходило до того, что мужъ, лишенный возможности отдѣлаться отъ жены посредствомъ развода, не останавливался даже предъ убійствомъ ея, лишь бы устранить ее съ своей дороги²⁾. Но соглашаясь съ этимъ, Христосъ отстаиваетъ предъ Своими слушателями то положеніе, что брачный разводъ противорѣчитъ первоначальной мысли откровенія, и потому самому есть зло или грѣхъ. Такъ что кто разводится съ женою и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ; прелюбодѣйствуетъ и тотъ, кто женится на разведенной (Мѡ. 5, 32; 19, 9; Мрк. 10, 11—12; Лук. 16, 18. Ср. Рим. 7, 3). „Не я повелѣваю, а Господь“,—говоритъ ап. Павелъ,—„женѣ не разводиться съ мужемъ и мужу не оставлять жены своей“ (1 Кор. 7, 10—11). Если жена даже не имѣетъ истинной вѣры въ Бога, то и это не даетъ права мужу (вѣрующему) оставлять ее; равнымъ образомъ и вѣрующая жена не должна покидать невѣрующаго мужа (—ст. 12—14). Словомъ жена закономъ связана съ своимъ мужемъ, доколѣ онъ живъ (—ст. 39), что, само собою понятно, имѣетъ силу и для мужа въ отношеніи къ женѣ.

¹⁾ Конечно, здѣсь есть извѣстная доза риторики; но все-же нельзя отрицать широкой свободы въ дѣлѣ бракорасторженія въ то время. Талмудъ посвятилъ цѣлый трактатъ этому жгучему вопросу — *Gittin* (см. *Hamburger's „Real-Encyclopädie zur Bibel und Talmud. Wörterbuch“*, 1870, s. 906 и дал.).

²⁾ См. архим. Геронима, „Виблейская археологія“, вып. 2, стр. 123.

Но какъ ни строго требуетъ христіанство браконерасторжимости, это требованіе его не безусловное¹⁾. Господь І. Христосъ не могъ *въ принципѣ* отвергнуть бракорасторженіе по какимъ бы то ни было причинамъ уже по одному тому, что разводъ былъ дозволенъ, хотя подъ извѣстными условіями, ветхозавѣтнымъ законодателемъ. Какъ исполнитель или усовершенитель ветхозавѣтнаго закона въ его существенныхъ началахъ, Онъ указалъ, вмѣсто прежнихъ слишкомъ льготныхъ условій бракорасторженія, такое условіе, которое затрагиваетъ самое существо брачнаго союза и нарушеніе котораго естественнымъ образомъ ведетъ къ расторженію брака, а именно: супружескую невѣрность мужа или жены, безспорно и фактически выразившуюся въ прелюбодѣянніи того или другой (Мѡ. 5, 32; 19, 9). Указанное Христомъ условіе бракорасторженія оправдывается и существомъ самого дѣла. „Есть браки столь несчастные“,— пишетъ *Мартенсенъ*,— „что тѣ, которые были предназначены взаимно помогать другъ другу, теперь взаимно препятствуютъ возрастанію другъ друга въ добрѣ, мало того, теперь служатъ лишь пособниками нравственнаго разрушенія другъ друга,—браки, въ которыхъ, въ противоположность изреченію Божію, что „не хорошо человѣку быть одному“, нужно сказать, что лучше человѣку быть одному, чѣмъ продолжать состоять въ такомъ союзѣ,—союзѣ, въ которомъ *вѣрность* вырвана съ корнемъ, внутренняя личная связь порвана, причемъ только внѣшніе узы еще связываютъ мужа и жену вмѣстѣ, чтобы они взаимно отравляли существованіе одинъ другого“²⁾.

¹⁾ Впрочемъ. римско-католическая церковь, согласно съ бл. *Августинномъ* (см. его „De sermone Domini in monte, с. XIV, nr. 39. col. 1248—1249, P. C. C. Migne, t. XXXIV. Ср. De conjug. adulter. lib. I, с. I, col. 451; lib. II, с. XIV, col. 480—481), исходя изъ той мысли, что благословеніе Божіе размножаться, данное прародителямъ съ установленіемъ закона: „и будетъ два—плоть едина“, не изгладилось ни грѣхомъ, ни потопомъ, *учитъ о безусловной нерасторжимости* брака даже по винѣ прелюбодѣяннія и объ отлученіи виновнаго супруга отъ ложа и стола (separatio a thoro et mensa), (см. р.-католич. катихизисъ *Отаневича*, стр. 188; *Cathrein*, „Die katholische Weltanschauung“, с. 423 и дал.). Лютеранство, какъ и православная Церковь, признаетъ законность дѣйствительнаго развода и позволяетъ невинной сторонѣ вновь вступить въ бракъ (См. Artic. Smalcaid. р. 35а. Libri symbol. eccl. ev. ed. C. Hase).

²⁾ „Христ. ученіе о нравственности“, т. II, стр. 474.

Когда нравственная связь между супругами, такимъ образомъ, порвалась, то разлученіе ихъ является настоятельною необходимостію. Уступая этой необходимости, І. Христосъ и дозволяетъ расторженіе брака, но только въ самомъ безспорномъ случаѣ полнѣйшаго нравственнаго разрыва между супругами, а именно: въ случаѣ нарушенія однимъ изъ нихъ супружеской вѣрности, при которомъ продолженіе брачной жизни представляется уже профанацией божественнаго установленія и гибельнымъ для душъ обоихъ, состоящихъ въ немъ. Несходство характеровъ, убѣжденій, нравственная неудовлетворенность супруговъ и проч. т. п. допускаютъ еще возможность сомнѣнія въ окончательномъ разрывѣ нравственной связи между ними, почему и не могутъ служить достаточными поводами для бракорасторженія. Что же касается супружеской невѣрности, то она потрясаетъ бракъ въ самой его нравственной основѣ, такъ что чрезъ это онъ самъ собою расторгается.

Православная Церковь, хранительница евангельскаго разума, приняла это ученіе Христова о разводѣ въ его подлинномъ видѣ и въ такомъ видѣ сохраняетъ его издревле; въ лицѣ св. отцовъ и учителей, она всегда стремилась провести въ сознаніе и жизнь своихъ членовъ то воззрѣніе, что бракъ нерасторжимъ на всю жизнь, во всѣхъ случаяхъ, кромѣ вины прелюбодѣянія, совершенно расторгающей его. Даже и тѣ изъ церковныхъ писателей первыхъ вѣковъ христіанства, которые, повидимому, не склонны допускать формальное бракорасторженіе¹⁾, все-таки признаютъ необходимымъ для мужа *совѣтъ* оставлять нераскаянную распутную жену. Такъ св. *Ерма* прямо говоритъ, что необходимо отпустить жену, которая, однажды раскаявшись въ своемъ распутствѣ, снова начинаетъ вести зазорную жизнь. Мужъ обязанъ оставить такую жену, „ибо“, по выраженію св. отца, — „для рабовъ Божіихъ покаяніе одно“²⁾. Послѣдовательное развитіе и примѣненіе этого взгляда само собою привело къ мысли о дозволительности и *формальнаго* раз-

¹⁾ Такъ смотритъ именно на св. *Ерму* католич. ученый *Schwane* въ своей „*Dogmengeschichte der patristischen Zeit*“. München. 1866, s. 1119.

²⁾ „Пастырѣ“, кн. II, запов. 4, стр. 258. Пис. муж. апост. въ переводѣ Преображенскаго.

вода съ супругомъ-прелюбодѣемъ. „Хотя законъ (римскій) даетъ разводъ по всякой винѣ“,—говоритъ св. Григорій Богословъ,—„но Христосъ—не по всякой винѣ, а позволяетъ только разлучаться съ прелюбодѣйцею... потому что она повреждаетъ родъ“¹⁾. Послѣ супружеской измѣны, по замѣчанію св. Иоанна Златоуста, „и мужъ уже не мужъ, и жена не жена“ (μετὰ τὴν πορνείαν ὁ ἀνὴρ οὐκ ἔστιν ἀνὴρ)²⁾. „Знайτε“,—пишетъ св. Астерій Амасійскій,—„что бракъ разрывается только смертію и прелюбодѣянiемъ“³⁾. Значитъ, св. отецъ смотритъ на прелюбодѣяніе, какъ на равносильное по своему дѣйствию смерти, т. е. какъ на совершенно разрушающее бракъ и освобождающее, слѣдовательно, невинную сторону для новаго супружества. Намеки на дозволительность брачнаго сочетанія послѣ отпущенія виновнаго супруга мы находимъ еще у Оригена⁴⁾. Но въ первый разъ ясно высказался по этому предмету въ благопріятномъ смыслѣ св. Епифаній. Вотъ его слова: „не могущій ограничиться одной женой въ случаѣ ея кончины или развода, происшедшаго по какой-либо причинѣ, вслѣдствіе ли блуда или прелюбодѣянiя или порочной вины, и сочетавшійся со второю женою; или жена сочетавшаяся со вторымъ мужемъ, божественнымъ словомъ не признаются виновными и не отлучаются отъ церкви и жизни... Такому человѣку слово Божіе и св. Божія церковь оказываетъ милость, особенно если таковой въ другихъ отношеніяхъ благоговѣнъ и живетъ по закону Божію⁵⁾).

¹⁾ Творенія, ч. III. Москва, 1844 г., стр. 220.—Выраженіе „повреждаетъ родъ“ свидѣтельствуется объ отраженіи въ мировоззрѣніи св. отца греко-римскихъ понятій о большей, сравнительно съ мужемъ, отвѣтственности жены въ дѣлѣ нарушенія супружеской вѣрности. Греко-римское законодательство, исходя изъ того воззрѣнія, что женщина—носительница чистоты крови въ родѣ, жестоко наказывало ее за супружескую невѣрность. (Cod. Justin. lib. IX, t. IX ad legem Iud. de adulter. lex I, imper. Sever. et Antonin).

²⁾ Homil. XIX, epist. I ad Corinth. Migne. LXI, col. 154—155.

³⁾ Homil. Vin Matth. XIX, 3 C. C. P. t. 40. ser. gr. col. 228. Д.

⁴⁾ Commentar in evang. sec. Matth. Migne, t. XVI, 23, 24, col. 1245, 1248—49.

⁵⁾ Advers. haer. lib. II, t. I. haer. 59. P. C. C. Migne, ser. gr. t. XII, col. 1024—1025.—Взгляды древнихъ церковныхъ писателей по вопросу о бракорасторженіи и о дозволительности новаго брака для невинной половины наиболѣе точно и безпристрастно переданы и истолкованы въ сочиненіи *Zhishman'a*: „Das Eherecht der orientalischen Kirche“. Wien, 1863. s. 403 и др.

По ветхозавѣтному закону, какъ и по греко-римскому законодательству, только жена отпускалась и подвергалась строгой отвѣтственности за нарушение вѣрности мужу (Ср. Мѡ. 8, 5); но объ этомъ несправедливомъ постановленіи можно сказать то же, что Господь сказалъ о разводахъ вообще по этому закону: такъ было *по жестокосердію* древнихъ (Мѡ. 19). По ученію же христіанства, совершенно уравнишаго духовно-нравственныя права мужчины и женщины, супружеская невѣрность, допущенная какъ женою, такъ и мужемъ, одинаково ведетъ къ расторженію брака; одинакова и ихъ отвѣтственность за нарушение супружеской вѣрности. *Св. Григорій Богословъ* называетъ несправедливымъ и нелѣпымъ римскій законъ, по которому женщина за нарушение супружеской вѣрности судилась, какъ уголовная преступница между тѣмъ, какъ мужчина за такой же проступокъ оставался почти ненаказаннымъ. „Мужья были законодателями“,—замѣчаетъ св. отецъ,—„и потому законъ обращенъ противъ женъ“¹⁾. *Св. Амвросій Медиоланскій* прямо высказывалъ мысль, что изъ существа христіанскаго брака вытекаетъ общая какъ для мужа, такъ и для жены обязанность—супружеская вѣрность. „Всякое блудодѣяніе“,—пишетъ онъ,—„есть, прелюбодѣяніе и что непозволительно женѣ, то непозволительно и мужу: и отъ мужа и отъ жены требуется одинаковое цѣломудріе“²⁾. Въ женѣ супружеская измѣна, конечно, особенно гнусна и разрушительна для семьи; потому что ей, по преимуществу, свойственно украшаться цвѣтами цѣломудренной стыдливости: „благодать на благодать—жена стыдлива“,—говоритъ библейскій мудрецъ (Сир. 26, 18),—и ея вліяніе на нравственность семьи особенно важно. Но зато мужъ рѣдко бываетъ свободенъ отъ вины паденія своей жены; которое подготавливается обыкновенно неуваженіемъ его къ тому благородному чувству, какое въ началѣ брачной жизни присуще всякой неиспорченной женщинѣ. „Мужья, обращайтесь благоразумно съ женами, какъ съ немогущимъ сосудомъ, оказывая имъ

¹⁾ Творенія, т. I. Москва, 1868 г., стр. 218—219.

²⁾ De Abraham. Patr. e. e. ser. latina, Migne, t. XIV, lib. I. c. 4, n. 25, col. 435.

честь, какъ сонаслѣдницамъ благодатной жизни“ (1 Петр. 3, 7): вотъ самое вѣрное средство въ рукахъ мужа къ предупрежденію нарушенія женою супружеской вѣрности¹⁾.

Хотя супружескую невѣрность христіанство признаетъ наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ полнаго нравственнаго разрыва между супругами, но въ дѣйствительности не рѣдко происходитъ такой разрывъ между ними и въ другихъ случаяхъ. Естественно возникаетъ вопросъ: можно ли считать, кромѣ вины прелюбодѣянія, уважительными причинами для прекращенія брака и еще какіе нибудь другіе случаи? Не подлежитъ сомнѣнію, что указанный І. Христомъ важнѣйшій случай для развода не исчерпываетъ христіанскаго бракорасторженія. Господь только, вмѣсто какихъ-либо частныхъ случаевъ, ведущихъ къ расторженію брака, сообразно съ условіями того времени, представляетъ общее *типическое* событіе, по аналогіи съ которымъ основанная Имъ Церковь была бы въ вправѣ указать и другіе случаи, какъ достаточныя причины развода. Строгое ограниченіе случаевъ дозволеннаго бракорасторженія, сдѣланное Спасителемъ, было необходимо въ то время потому, что только прочный критерій супружеской виновности могъ положить предѣлъ практиковавшемуся у евреевъ половой распущенности и разрыву супружества по всякой незначительной винѣ. Но другіе случаи, которые представляла жизненная практика христіанъ того или другого времени, требовали большей свободы въ дѣлѣ бракорасторженія. Такъ уже ап. Павелъ приводитъ случай, такъ называемаго, „злбнаго оставленія“ (*desertio malitiosa*), когда одинъ изъ супруговъ, по собственному произволу, оставлялъ другого: „если невѣрующій хочетъ развестись, пусть разводится; братъ или сестра (т. е. христіанская сторона) въ такихъ случаяхъ не связаны; къ миру призвалъ васъ Господь“ (1 Кор. 7, 15)²⁾. Очевидно, апостоль, по божественному уполномочію, дозволяетъ здѣсь расторженіе брака въ томъ именно случаѣ, когда одинъ супругъ принималъ христіан-

¹⁾ Въ нашей богословской литературѣ—вопросъ о разводѣ по прелюбодѣянію обстоятельно разсмотрѣнъ и рѣшенъ проф. Н. Н. Глубоковскимъ, см. „Христ. Чтеніе“ 1895 г. № 1 и 2.

²⁾ Ср. Иоанна Златоуста, Бес. XIX на 1 посл. къ Коринте. Спб. 1863 г., стр. 332—333.

ство, а другой упорствовалъ въ язычествѣ и не хотѣлъ жить съ нимъ въ мирѣ. Въ такомъ случаѣ онъ предоставляетъ невинно пострадавшей сторонѣ право вступить въ новый бракъ. Это такъ называемое, *Privilegium Paulinum* ¹⁾. Подобное мы находимъ у апостольскаго мужа *св. Ермы*. Не считая возможнымъ допустить при прелюбодѣяннн продолженіе брачнаго сожитія, онъ расширяетъ при этомъ объемъ самаго понятія „прелюбодѣяніе“, когда видитъ прелюбодѣя не только въ томъ, кто оскверняетъ плоть, но и въ томъ, кто дѣлаетъ „свойственное язычникамъ“, т. е. идолослуженіе ²⁾; и послѣднее, по своему дѣйствию на бракъ, является, по его мнѣнію, равносильнымъ прелюбодѣяннн, т. е. расторгающимъ бракъ ³⁾. Въ послѣдующее время мы встрѣчаемся съ сужденіемъ, хотя и не рѣшительнымъ, знаменитаго александрійскаго учителя—*Оригена*, который, повидимому, готовъ былъ считать нѣкоторые другіе случаи совмѣстной жизни супруговъ (приготовление ядовъ, убійство и т. д.), даже худшими, по сравненію съ супружеской измѣной, преступленіями и, слѣдовательно, расторгающими бракъ; но только при этомъ онъ недоумѣвалъ, какъ ихъ признать таковыми по своему дѣйствию на бракъ, въ виду ясно выраженаго Спасителемъ ученія о нерасторжимости брака, кромѣ вины прелюбодѣяннн ⁴⁾. Какъ бы то ни было, кромѣ супружеской невѣрности, въ церковной практикѣ уважительными причинами развода признаны слѣдующія обстоятельства, какъ совершенно аналогичныя съ фактомъ смерти: неспособность одной половины къ брачному сожитію, безвѣстное отсутствіе какого-либо супруга въ теченіи долгаго времени, такъ называемая политическая смерть одного изъ су-

¹⁾ Cathrein, „Die katholische Weltanschauung“ s. 424.

²⁾ См. у *Zhishman'a*, „Das Eherecht der orientalischen Kirche“, s. 579.

³⁾ „Пастырь“, кн. II, запов. 4, стр. 257—258. Писанія муж. апостол. въ переводѣ Преображенскаго.

⁴⁾ Commentar in evang. sec. Matth. col. 1246—1249. Migne, t. XIV. — По мнѣнію *Zhishman'a*, и *св. Іоаннъ Златоустъ* допускалъ возможность бракорасторженія по другимъ, кромѣ вины прелюбодѣяннн, причинамъ (см. его цитир. соч., s. 116 и дал.). Однако *М. Григоревскій* не соглашается съ этимъ мнѣніемъ крупнаго западнаго изслѣдователя брачнаго права восточной Церкви (см. его „Ученіе св. Іоанна Златоуста о бракѣ“. „Странникъ“. 1899 г., июнь, стр. 217—221).

пруговъ (ссылка за важныя преступленія), которая, подобно дѣйствительной смерти, другого супруга дѣлаетъ свободнымъ отъ брачнаго обязательства. Въ полномъ соотвѣтствіи съ такою церковною практикою опредѣляетъ причины расторженія брака и дѣйствующее у насъ гражданское законодательство ¹⁾).

Но во всѣхъ этихъ случаяхъ, не исключая даже и прелюбодѣянія, разводъ не заповѣдуется, не вмѣняется въ обязанность, а только дозволяется. Разводъ вообще, какъ мы знаемъ, есть отступленіе отъ идеи брака, отъ общаго закона, и потому онъ есть зло, которое заповѣдывать нельзя. Но это зло допускается по необходимости, во избѣжаніе большаго зла, которое предупредить тѣмъ нужнѣе, что ему можетъ подвергнуться невинно потерпѣвшая сторона. Поэтому-то разводъ совершается исключительно только по непреклонному требованію супруга пострадавшаго; а самъ судъ никогда не начинаетъ дѣлать о разводѣ, хотя бы и зналъ о существованіи уважительной для него причины. Да онъ и не долженъ начинать ихъ. Могутъ быть случаи, когда потерпѣвшая половина проститъ грѣхъ виновнаго супруга и не будетъ спѣшить съ формальнымъ разводомъ. И въ особенности, если супруги имѣютъ дѣтей, то сколько настоятельныхъ побужденій для пострадавшей половины къ этому прощенію и терпѣнію! „Мы часто говоримъ о невинной сторонѣ и ея незаслуженныхъ скорбяхъ“, — пишетъ *Мартенсенъ*, — „но эта сравнительно невинная сторона никогда ли не пренебрегала тѣмъ, благодаря чему могъ бы быть отвращенъ послѣдній неидеальный разрывъ? Не обнаруживалъ-ли онъ или она холоднаго, жестокаго духа, когда должна бы проявляться готовность къ прощенію“? ²⁾ Въ данномъ случаѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія сужденіе преосвящ. *Оеофана*: „только одинъ законный поводъ къ разводу указанъ — невѣрность супруговъ“, — говоритъ онъ: — „Но какъ быть, если откроется что-либо подобное? *Потерпи*. У насъ есть всеобщая заповѣдь — другъ друга тяготы носить; тѣмъ охотнѣе должны исполнять ее взаимно другъ къ другу такія близкія лица, какъ супруги. Нехотѣніе потер-

¹⁾ Свод. зак., т. X, ч. I, стр. 45, 48—50, 52, 54, 56, т. IX, стр. 347, п. 1.

²⁾ „Христ. ученіе о нравственности“, т. II, стр. 475.

пѣть раздуваетъ непріятности, и пустяки возгромождаются въ раздѣляющую стѣну“¹⁾. Прощеніе согрѣшившимъ противъ насъ и примиреніе съ ними также крайне необходимы въ брачной жизни, какъ и при принесеніи жертвъ къ алтарю (Мѡ. 5, 23—24). Лишь послѣ неудачныхъ попытокъ къ новому сближенію и примиренію съ согрѣшившимъ намѣреніе невиннаго супруга развестись будетъ чистымъ, безъ этого же, цѣпляясь за единичный случай, онъ обнаружитъ лукавство своего сердца, забвеніе того, что *установленіе Божіе*, подѣ которое онъ поставилъ себя самого, нужно поддерживать до послѣдней возможности²⁾. Могутъ быть даже случаи, когда потерпѣвшая, невинная половина не только примирится съ падшимъ супругомъ, но и путемъ увѣщаній приведетъ его къ раскаянію и доброй жизни. Объ этомъ ап. Павелъ говоритъ: „невѣрующій [мужъ освящается женою вѣрующею, и жена невѣрующая освящается мужемъ вѣрующимъ“ (1 Кор. 7, 14), и на этомъ основаніи онъ такимъ не совѣтуетъ расторгать бракъ. А *св. Ермъ* прямо называетъ „великимъ грѣхомъ“ нежеланіе со стороны мужа принять къ себѣ отпущенную, прелюбодѣйную, но покающуюся и пожелавшую возвратиться къ нему жену свою³⁾. Изъ этого, однакожъ, никакъ не слѣдуетъ, будто-бы невинный супругъ [съ христіанской точки] зрѣнія не долженъ искать развода съ неисправимо развратною своею половиною. Мириться съ упорствомъ въ распутствѣ и полною нераскаянностію такой половины, *систематически* попирающей божественное установленіе, и продолжать тѣлесное общеніе съ нею значить уже потворствовать злу и даже соучаствовать въ немъ. „Или не знаете“,—говоритъ ап. Павелъ,—„что совокупляющійся съ блудницею (упорной въ своемъ прелюбодѣянніи) становится одно тѣло съ нею“ (1 Кор. 6, 16).

Между тѣмъ *гр. Л. Толстой* утверждаетъ, что разводъ съ женою, какую бы развратную жизнь она ни вела, рѣшительно не позволителенъ съ христіанской точки зрѣнія. По его мнѣнію въ числѣ золъ челоувѣческой жизни не малую

¹⁾ См. его „Мысли на каждый день года“. Спб. 1880 г., стр. 470.

²⁾ *Завыловъ*. „Къ вопросу о бракѣ и брачномъ вопросѣ“, „Странникъ“ 1891 г., т. III, стр. 48.

³⁾ „Пастырѣ“, кн. II, запов. 4, гл. I, стр. 257.

роль играет половой соблазнъ, выражающійся въ существующемъ среди людей распутствѣ. Источникъ этого соблазна Толстой видитъ въ томъ, что покинутыя жены соблазняютъ другихъ мужчинъ и вносятъ въ міръ развратъ. Чтобы этого не было, надобно, разъ соединившись съ своею женою, никогда не покидать ее, хотя бы она измѣнила мужу самымъ грубымъ образомъ. Объ этомъ будто бы и говоритъ І. Христосъ, *безусловно* запрещаая брачный разводъ въ слѣдующемъ изреченіи нагорной проповѣди: „кто разводится съ женою своею, кромѣ (παρεχτός) вины (λόγος) любодѣянiя (πορνείας), тотъ подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать“ (Мѣ. 5, 32. Ср. 19, 9) ¹⁾.

Но для толкованiя приведенныхъ словъ Спасителя о бракорасторженіи въ толстовскомъ смыслѣ нѣтъ достаточныхъ основанiй. Спорнымъ выраженіемъ здѣсь является: „кромѣ вины любодѣянiя“. Толстой относитъ это выраженіе къ мужу и переводитъ: „кромѣ вины (виновности, преступности) безнравственности (блуда, распутства)“; а нужно относить его, какъ и относитъ Церковь, къ женѣ и переводитъ: „кромѣ (исключая, за исключеніемъ) причины (вины) любодѣянiя (жены)“. Толстой опирается на то, что греческое слово „παρεχτός“ можетъ быть понимаемо только въ смыслѣ „кромѣ“, греческое слово „λόγος“ означаетъ вину лишь въ смыслѣ „виновности“, преступности“; а слово *πορνείας*, переведенное по славянски и по русски словомъ „любодѣянiя“, значить только „блудъ“, „распутство“. Затѣмъ, по мнѣнію Толстого, всѣ эти слова надо отнести къ мужу, такъ какъ говорится о мужѣ, что онъ подаетъ поводъ женѣ къ прелюбодѣянiю, коль скоро разводится съ нею. Наконецъ, пониманіе выраженiя: „кромѣ вины любодѣянiя“, въ обычномъ смыслѣ указанiя на дозволенность развода въ случаѣ нарушенiя женою супружеской вѣрности, представляется ему малосмысленнымъ, такъ какъ мужъ одинаково подаетъ поводъ женѣ прелюбодѣйствовать, по какой бы причинѣ онъ не разводился съ нею. Однако, ни одно изъ этихъ основанiй толстовскаго пониманiя даннаго выраженiя не представляется достаточнымъ. Слово „παρεχτός“ значить не только „кромѣ“, но и „исключая“, „за исключеніемъ“. Слово *λόγος*,

¹⁾ См. его „Woran besteht mein Glaube?“ Leipzig, 1885, s. 8—97.

сверхъ прямого значенія, означаетъ „причину“, „основаніе“, „условіе“ и т. п., но отнюдь не „виновность“, „преступность“ и въ греческой литературѣ въ такомъ значеніи никогда не употребляется. Слово „πορνεία“, дѣйствительно, означаетъ „блудъ“, „распутство“, въ смыслѣ порочнаго состоянія или порочнаго свойства; но оно также значитъ и „прелюбодѣяніе“, какъ единичный преступный актъ блуда или распутства ¹⁾. Итакъ, въ самомъ благопріятномъ для Толстого случаѣ надобно перевести спорное выраженіе такъ: „кромѣ причины (основанія, условія) блуда или распутства“. Но въ такомъ случаѣ само собою понятно, что выраженіе это относится не къ мужу, а къ женѣ, указывая именно условіе, при которомъ первый, не отвѣчая за дальнѣйшее поведеніе послѣдней, можетъ развестись законнымъ порядкомъ: относя его къ мужу, получимъ безсмыслицу. Что же касается того, будто отнесеніе этого выраженія къ женѣ является страннымъ, такъ какъ, по увѣренію Толстого, мужъ, разводящійся съ нею хотя бы вслѣдствіе нарушенія ею супружеской вѣрности, все-таки подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать, то такой странности на самомъ дѣлѣ здѣсь нѣтъ. Вѣдь, по смыслу евангельскаго текста, мужъ можетъ развестись съ своею женою именно потому, что она уже прелюбодѣйствуетъ. Какъ же онъ можетъ подавать поводъ къ совершившемуся уже факту прелюбодѣянія, разводясь съ нею?

Не подтверждается произвольная мысль Толстого о безусловной нерасторжимости брака и контекстомъ рѣчи, къ которому онъ обращается для повѣрки себя. Коль скоро въ извѣстномъ изреченіи нагорной бесѣды нельзя видѣть безусловнаго запрещенія развода, а, напротивъ, надо видѣть указаніе на уважительную причину его, то и другія параллельныя мѣста, на которыя ссылается Толстой, очевидно, слѣдуетъ понимать въ духѣ этого изреченія. Таковы: Мрк. 10, 4—12; Лук. 16, 18 и 1 Кор. 7, 1—16. Евангелисты Маркъ и Лука въ этихъ мѣстахъ вовсе не приводятъ именно того изреченія Христова, въ которомъ выражается дозволеніе мужу развестись съ женою въ случаѣ ея прелюбодѣянія, а прямо называютъ разводъ прелюбодѣяніемъ.

¹⁾ См. объ этомъ въ лексиконѣ Пассова.

Но, очевидно, они дѣлають такъ потому, что находили это изреченіе уже записаннымъ у еванг. Матѳея, отъ котораго Евангеліе явилось раньше: не можемъ же мы заподозрить въ словахъ Спасителя о разводѣ, переданныхъ этими евангелистами, явное противорѣчіе. Нисколько не говоритъ въ пользу мысли Толстого и ссылка его на указанное мѣсто въ посланіи ап. Павла къ Коринѳянамъ. Апостоль допускаетъ возможность развода даже въ словахъ изъ той-же главы и того-же своего посланія, на которыя ссылается Толстой: „если жена *разведется*“,—учить онъ,—„то должна оставаться безбрачною, или примириться съ мужемъ своимъ“ (1 Кор. 7, 11). Хотя здѣсь не указывается опредѣленно условій, при которыхъ дозволителенъ этотъ разводъ, [но послѣдній видимо предполагается¹⁾]. Наконецъ, едва ли можно согласиться и съ разсужденіемъ Толстого, будто бы дозволеніе развода служить единственною причиною существующаго въ мірѣ полового соблазна и разврата. Кто-же не знаетъ, что не одни разведенные супруги страдаютъ половой неудовлетворенностію, побуждающею иногда людей предаваться распутству? Есть много мужчинъ и женщинъ, которые не находятъ или перестаютъ находить удовлетвореніе половой потребности и въ брачномъ союзѣ, напр., вслѣдствіе болѣзни одного изъ супруговъ. Затѣмъ, есть множество людей, которые, по условіямъ жизни, не могутъ вступить въ бракъ и потому опять часто должны испытывать неудовлетворенность, заставляющую нерѣдко ихъ вступать въ преступныя связи. Совершенная недозволительность бракорасторженія въ подобныхъ случаяхъ можетъ лишь поддерживать половую неудовлетворенность и, стало быть, зло, отъ нея происходящее. Распутство существуетъ не потому, что допускается законный разводъ, но потому, что люди не желаютъ бороться съ своими злыми плотскими помыслами, исходящими изъ ихъ сердца (Матѳ. 15, 19). Допущеніе бракорасторженія на надлежащемъ основаніи, напротивъ, есть своего рода мѣра для предупрежденія безпорядочныхъ половыхъ связей.

Не настаивая на безусловной нерасторжимости брака тамъ, гдѣ отъ такой нерасторжимости происходило бы яв-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. у проф. А. Гусева, „Основные религіозныя начала гр. Л. Толстого“, Казань, 1893 г., стр. 140—168.

ное зло, а, напротивъ, на основаніи евангельскаго и апостольскаго ученія точно опредѣляя, когда и по какимъ причинамъ можетъ совершаться его расторженіе, православная Церковь въ то же время никому не позволяетъ произвольно расторгать то, что соединено Самимъ Богомъ, и сама избѣгаетъ, вопреки клеветѣ Толстого, всякихъ послабленій въ дѣлѣ бракорасторженія, располагая къ тому же, хотя не всегда успѣшно, и государственное законодательство ¹⁾. Склонность искать расторженія брака по недостаточнымъ для того побужденіямъ показываетъ въ человѣкѣ сильное преобладаніе плотскихъ вожделѣній; а легкость разводовъ въ какомъ бы то ни было гражданскомъ обществѣ служить несомнѣннымъ и печальнымъ признакомъ его нравственнаго разложенія ²⁾. Можно слышать иногда укоризненные жалобы, быть можетъ, и не всегда тщетныя на ригоризмъ церковныхъ правилъ о разводахъ ³⁾; но отнюдь нельзя дѣлать Церкви упрека въ томъ, будто бы она потворствуетъ половому соблазну своею снисходительностію къ человѣческимъ слабостямъ. Толстой не безъ умысла замалчиваетъ то, что по требованію церковныхъ законоположеній, супругъ, ищущій и на законномъ основаніи развода, предварительно подвергается увѣщанію со стороны пастырей Церкви оставить свое намѣреніе и примириться съ виновною половиною. Гдѣ же тутъ поблажка бракорасторженіямъ? Вѣрная ученію и духу своего Божественнаго Основателя, Церковь, какъ хранительница высшихъ нравственныхъ благъ челоуѣчества, должна всячески противодѣйствовать своеволю людей, которое всего опаснѣе для общественнаго и частнаго благосостоянія нашего можетъ быть тѣмъ, гдѣ дѣло касается основъ семейной жизни. И тѣмъ болѣе она должна противодѣйствовать всякому произволу и легкомыслію въ дѣлѣ

¹⁾ См. объ этомъ „Правосл. Обзорніе“ 1883 г., кн. 4, стр. 688 и далѣе.

²⁾ По словамъ *фонъ Эттингена* „частый разводъ угрожаетъ общественной нравственности“ и „пригружаетъ нравственное сужденіе общества относительно святости половыхъ отношеній вообще“. *Moralstatistik.* 1882 s. 148).

³⁾ *Градовскій*. „Жизнь и законъ“. „Журн. гражд. и уголов. права“ 1879 г., сент.—окт. ср. *Н. Н. Страхова*. „Бракъ, разсматриваемый въ своей природѣ и со стороны формы его заключенія“. Харьковъ, 1893 г., стр. 227.

бракорасторженія, что распатанность семейныхъ узъ по современнымъ наблюденіямъ представляется поразительною и сдѣлалась эпидемическимъ социальнымъ зломъ ¹⁾).

LXVII.

Второбрачіе. Безбрачіе.

Кромѣ развода, бракъ сплошь и рядомъ расторгается *смертно* одного изъ супруговъ. Возможенъ ли для оставшагося въ живыхъ супруга новый—*второй бракъ*? Если смотрѣть на дѣло съ идеально-нравственной точки зрѣнія, то на этотъ вопросъ долженъ быть данъ только отрицательный отвѣтъ. Безспорно то, что христіанскій бракъ, основывающійся на чистой и возвышенной любви и на полной гармоніи двухъ личностей разнаго пола, только въ томъ случаѣ можетъ привести къ дѣйствительному восполненію свойствъ одного супруга свойствами другого, когда онъ осуществляется однѣми и тѣми же личностями. Это понятно и психологически. Чѣмъ болѣе и тѣснѣе взаимное общеніе супруговъ, тѣмъ болѣе они духовно сживаются другъ съ другомъ и тѣмъ сильнѣе скрѣпляются узы любви, связывающія ихъ между собою; чѣмъ дольше живутъ они въ брачномъ сожитіи, тѣмъ болѣе узнаютъ другъ друга, оказываютъ взаимное вліяніе и, наконецъ, изъ двухъ различныхъ характеровъ получается полная жизненная гармонія. Если представить теперь одного изъ супруговъ вступившимъ въ бракъ послѣ смерти другого, то можно ли говорить о гармоническомъ развитіи силъ и способностей его во второмъ бракѣ и о новомъ взаимномъ восполненіи характеровъ супруговъ?

Проникнутый этимъ идеальнымъ пониманіемъ *нравственной* природы брака, ап. Павелъ, сказавши о женѣ (а это, само собою разумѣется, относится и къ мужу), что, по

¹⁾ Фр. Г. Пибоди. „І. Христосъ и социальный вопросъ“. Перев. С. Никитскаго. Изд. 2. М. 1907 г., стр. 105.—Какъ нынѣ обстоитъ дѣло—именно по части разводовъ, показываетъ статистика. Во Франціи съ 1884 по 1900 г. было расторгнуто 109, 752 брака, въ Пруссіи съ 1900 по 1903 г.—41,719 браковъ (4,755 въ 1900 году и 7,539 въ 1903 году), въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ съ 1870 по 1890 г.—320,000 браковъ. Только въ одномъ 1903 г. въ этихъ Штатахъ было разведено 60,000 браковъ (см. у Катрейна, „Die katholische Weltanschauung“, s. 422).

смерти своего мужа, она свободна выйти, за кого „хочетъ“, лишь бы это сдѣлано было ею „въ Господѣ“, т. е. съ воздержаніемъ, съ честностію и съ должнымъ настроеніемъ ¹⁾, присовокупляетъ; „но она (будетъ) блаженнѣе, если останется такъ, по моему совѣту; а думаю, и я имѣю Духа Божія“ (1 Кор. 7, 39—40. Ср. ст. 8); онъ находитъ состояніе вдовства болѣе удобнымъ для упражненія и преуспѣванія въ христіанской добродѣтели (ст. 32 — 33). „Объясняя это“,—разсуждаетъ *св. Іоаннъ Златоустъ*,—„апостоль не прибавилъ такъ: *когда скончается мужъ ея*, она свободна выйти, за кого хочетъ, но (*аще умретъ хоμληθῆι*, упокоится),—какъ бы утѣшая ее во вдовствѣ и внушая оставаться при прежнемъ и не соединяться со вторымъ супругомъ. Не умеръ мужъ твой, а спишь. Кто не ожидаетъ спящаго? Поэтому онъ и говоритъ: *аще же умретъ*, свободна есть за него же хочетъ посягнуть“ ²⁾. Хотя брачныя узы предназначены только для этой земной жизни и не будутъ продолжаться въ жизни будущаго вѣка, когда люди не будутъ „ни жениться, ни выходить замужъ“ (Мѣ. 22, 30), однако оставшійся въ живыхъ супругъ, если его связывали съ умершимъ искреннее чувство и взаимная преданность, всегда будетъ жить въ духовномъ общеніи воспоминанія о немъ, и вырвать съ корнемъ это воспоминаніе не въ состояніи никакое сообщество съ другимъ супругомъ. Вступленіе во второй бракъ указываетъ на то, что нравственныя узы, соединявшія вступившаго въ него съ умершимъ супругомъ, не были прочными и глубокими, въ противномъ случаѣ измѣна ему была бы слишкомъ тяжелою для овдовѣвшаго супруга. Только при вѣрности оставшагося въ живыхъ супруга разъ данному обѣту, осуществляется идеаль истинно-христіанской нравственной любви, не прекращающейся и со смертію кого-либо изъ супруговъ. Въ жизнеописаніи блаж. *Макрины*, составленномъ братомъ ея *св. Григоріемъ Нисскимъ*, разсказывается, что она, побуждаемая родителями, послѣ смерти своего жениха избрать себѣ другого, отвѣчала: неприлично и незаконно не уважать разъ сдѣланнаго выбора и принуждать себя обращаться къ дру-

¹⁾ Творенія св. Іоанна Златоуста, т. III, кн. 1. Спб. 1897 г., стр. 220—222.

²⁾ Творенія, т. III, кн. I, стр. 216.

тому, когда бракъ по естеству есть одинъ, какъ одно рожденіе и одна смерть; при томъ же и прежній скончавшійся женихъ „живъ у Бога въ надеждѣ воскресенія,“— онъ только какъ-бы „удалился на время“, и было бы „безразсудно не соблюсти вѣрности къ отсутствующему жениху“¹⁾.

Не соотвѣтствуя христіанскому понятію о бракѣ, какъ о такомъ союзѣ любви и тѣснаго внутренняго единенія супруговъ, который не прекращается и смертію одного изъ нихъ, второй бракъ, разрывающій нравственную связь овдовѣвшаго супруга съ умершимъ, естественно не можетъ соотвѣтствовать по своему *нравственному* характеру и указанному ап. Павломъ первообразу супружескихъ отношеній—таинственному союзу единого Христа съ единою Церковію (Еф. 5, 32). Только супружескій союзъ лицъ, не знавшихъ до него иного сопряженія, способенъ соединить въ себѣ всѣ наиболѣе благопріятныя условія для того, чтобы развиться и окрѣпнуть въ истинное подобіе союза Христа съ Церковію. Въ словахъ Апостола о тайнѣ супружества *св. Григорій Богословъ* видитъ именно заповѣдь о единобрачїи: „Мнѣ кажется“,—замѣчаетъ св. отецъ,—„что здѣсь слово Божіе не одобряетъ двоеженства; ибо если два Христа, то два и мужа; двѣ и жены; а если одинъ Христосъ, одна глава Церкви, то и одна плоть, а всякая другая да будетъ отринута. А если удерживаетъ (слово Божіе) отъ второго брака; то что сказать о третьемъ?“²⁾.

Съ этой точки зрѣнія не трудно понять, почему Церковь издревле не дозволяетъ второго брака своимъ священнослужителямъ (епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ) и не допускаетъ къ рукоположенію вторображенцевъ. По мысли Церкви не рукоположеніе должно предшествовать браку, а, наоборотъ, бракъ—рукоположенію; ибо добрымъ пастыремъ духовныхъ овецъ можетъ быть лишь тотъ, кто такъ или иначе напередъ рѣшилъ важнѣйшій вопросъ своей личной жизни—о бракѣ или безбрачїи, намѣреваясь вмѣстѣ съ тѣмъ исполнить завѣтъ ап. Павла: „соединенъ ли ты съ женою? не ищи разрѣшенія, остался ли безъ жены? не ищи жены“.

¹⁾ Творенія, ч. VIII, стр. 131. Москва, 1872 г.

²⁾ Творенія, ч. III. Москва, 1844 г., стр. 220. Ср. „Строматы“ Климента Александрійскаго въ перев. Н. Корсунскаго. Ярославль, 1892 г., вѣ. III, гл. 12, стр. 366—368.

(1 Кор. 7, 27). Въ основѣ категорическаго запрещенія Церковію второго брака для священнослужащихъ лицъ лежитъ не „безжалостность“ ея къ несчастнымъ людямъ, не аскетическое отреченіе ея отъ любви къ жизни, какъ думаютъ наши „неохристиане“, ¹⁾ но ясное и опредѣленное ученіе объ этомъ слова Божія и точное послѣдованіе ея этому ученію. 17-е правило апостольское, 3 и 6 правила Трульскаго вселенск. собора и 12 пр. св. Василія Великаго, говоряція о второбрачїи (девторогами), какъ препятствїи къ полученію священнаго сана, прямо основываются на извѣстныхъ словахъ ап. Павла: „епископъ долженъ быть... *одной жены мужъ*“ (1 Тим. 3, 2); „для того я оставилъ тебя въ Критѣ, чтобы ты... наставилъ... пресвитеровъ..., если кто... *одной жены мужъ*“ (Тит. 1, 5—6); „діаконъ долженъ быть *мужъ одной жены*“ (1 Тим. 3, 12) ²⁾. Дарованіемъ священства, по словамъ св. *Епифанія Кипрскаго*, не могутъ быть украшаемы второбрачные ³⁾, какъ проявившіе во второбрачїи невоздержаніе ⁴⁾, которое должно быть чуждо лицамъ священнаго чина (Тит. 1, 8. Ср. 1. Тим. 2, 12: 3, 2, 10) ⁵⁾.

Изъ этого, равно какъ изъ того, что Церковь съ древнѣйшихъ временъ измѣняла для второбрачныхъ самый об-

¹⁾ См. „Новый Путь“ 1903 г., январь. „Записки ред.-философ. собраній“, стр. 55—56.

²⁾ Что выраженіе: „одной жены (*μίας γυναίκος*) мужъ“ нельзя понимать въ смыслѣ запрещенія священнослужителямъ лишь одновременнаго двоеженства (а не и послѣдовательнаго), какъ объясняетъ его епископъ серб. *Никодимъ Миланскій*, одинъ изъ рьяныхъ поборниковъ разрѣшенія второбрачїи лицамъ благаго духовенства (см. его „Рукоположеніе, какъ препятствіе къ браку“ въ „Богословск. Вѣстникъ“ 1907 г. февраль, стр. 383, мартъ, стр. 430),—объ этомъ см. нашу книгу: „Современное декадентство и христианство“, стр. 175—176.

³⁾ Творенія въ русск. перев. ч. II. Москва, 1864 г., стр. 317.

⁴⁾ Творенія, ч. III, стр. 35—36.

⁵⁾ *Св. Іоаннъ Златоустъ*. Творенія т. II, кн. 2, стр. 847. Спб. 1905 г.—Многочисленные свидѣтельства древне-церковныхъ писателей о второбрачїи, какъ препятствїи къ вступленію въ разрядъ священнослужителей собраны *Binghamомъ* въ „*Origin, sive antiq. eccles. t. II, lib. IV, cap. 5, p. 153—158. Palaae, 1725.*—О запрещенїи посвящать второбрачныхъ въ іерархическія степени специально трактуетъ *Sachsse* въ „*Die lehre von defectus sacramenti*“. Berlin, 1881.

рядъ вѣнчанія¹⁾ и налагала на нихъ болѣе или менѣе продолжительную эпитемію²⁾, слѣдуетъ, что она видѣла во второмъ бракѣ недостатокъ христіанскаго воздержанія, и потому поставляла его ниже перваго брака, смотря на него, какъ на снисхожденіе къ немощи человѣческой. „Вдовство лучше и выше, второй бракъ хуже и ниже“,—замѣчаетъ *св. Іоаннъ Златоустъ*³⁾. „Мы“,—говоритъ св. отецъ,—„предпочитаемъ ему и уважаемъ первый бракъ, какъ гораздо лучшей... Второй бракъ есть знакъ,—не скажу, сладострастія; нѣтъ,—но души слабой и весьма плотяной, привязанной къ землѣ и неспособной никогда помыслить великаго и высокаго“⁴⁾. Первый бракъ имѣетъ въ своемъ основаніи глубокія искреннія, возвышенно-идеальныя сердечныя чувства и расположенія, и въ этомъ заключается его особая нравственная цѣнность. Во второмъ же бракѣ, въ которомъ болѣе всего преобладаетъ чувственность, сердечныя чувства уже значительно утрачиваютъ свою свѣжесть, такъ какъ святая прелесть первой любви никогда больше не повторяется: „искреннюю любовь, этотъ залогъ нерастлѣннаго дѣвства“, по выраженію *св. Амвросія Медиоланскаго*, „питаетъ только юность, исполненная святой невинности и предести“⁵⁾. Поэтому трудно себѣ представить, чтобы во второмъ бракѣ,

¹⁾ При вѣнчаніи второбрачныхъ правосл. Церковь сперва возноситъ отъ лица ихъ, отъ лица совершителей тайнства и отъ лица всѣхъ при этомъ присутствующихъ *покалныя* молитвы, испрашивающія имъ у Бога прощеніе ихъ половыхъ грѣховъ и вожделеній (см. послѣдованіе о второбрачныхъ въ *Требникѣ*, 115 и др.).—И гражданскіе законодатели, смотря на бракъ, какъ на нѣчто священное и однажды только заключаемое, лишали второй бракъ, какъ замѣтилъ *св. Іоаннъ Златоустъ*, „всякаго блеска, такъ что вечера его не украшали ни флейты, ни рукоплесканія, ни пѣсни, ни пляски, ни брачныя вѣнцы, ни другое что—либо подобное“ (Творенія, т. I, стр. 384. Спб. 1895 г.).

²⁾ I прав. Лаодикійскаго собора, 4 пр. св. Василія Великаго. См. объ этомъ *Binterim*, „Die vorzügl. Denkwürd“, Bd. VI, Th. I, s. 359—360.

³⁾ Творенія, т. III, кн. I, стр. 220. Спб. 1897 г.

⁴⁾ Творенія, т. I, стр. 382—384.—У римлянъ женщина „многобрачная“ (*multarum partiarum*) не пользовалась уваженіемъ (*Cicero ad Attic. XIII, 29*) и только вдовы были удостоиваемы вѣнцовъ цѣломудрія (*Valer. Maxim. II, I, 3*).

⁵⁾ „О вдовицахъ“, гл. XV, § 88. Перев. Казанск. дух. Акад. 1901 г., стр. 109.

Книги, поступившія въ Редакцію:

Б. И. Гладковъ. Библия въ общедоступныхъ разсказахъ. Часть первая. Пятокнижие Моисея. Ц. 3 р. Петроградъ.

Д-ръ Н. Е. Островскій. Объединеніе религіи и науки, школы и жизни. Кіевъ 1916 г.

Свящ. Ал. Введенскій. Молитвы, Заповѣди и Символь вѣры съ объясненіемъ. Ц. 15 к. Одесса.

Проф. И. И. Соколовъ. Православный Греческій Востокъ. Вып. 3-я. Петроградъ. 1916 г.

Е. Доннертъ. Богъ. Можемъ ли мы еще вѣрить въ Бога. Перев. Ф. А. Гильберта, подъ ред. Ал. Введенскаго. 1915 г.

Проф Н. Боголюбовъ. Философія религіи. Т. I. Ц. 3 р. Кіевъ, 1915.

А. Туберовскій. Воскресеніе Христова. Т. I. Ц. 2 р. 75 к. Сергіевъ Посадъ, 1916.

Александръ Введенскій. Сектанты о сектантахъ. Ц. 1 р. 25 к. Одесса, 1915.

Его-же. Борьба съ сектантствомъ. Ц. 2 р. Одесса, 1915.

Начиная съ настоящаго номера, нашъ журналъ вводитъ особый отдѣлъ — библиографическій. Въ виду этого Редакція обращается къ издателямъ съ просьбой присылать ей вновь выходящія книги и объщаетъ давать о нихъ отзывы или, по крайней мѣрѣ, объявлять въ спискѣ книгъ, поступившихъ въ Редакцію.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РЪЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. ЦѢНА за 8 книгъ **8 рублей** съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г.Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адреса лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено. Редакція проситъ доставлять ей свои статьи переписанными на ремингтоновой машинѣ и, по возможности, четко и на одной сторонѣ полулиста. Рукописи, написанныя неразборчиво, прочитываться не будутъ.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами. На просмотръ полученныхъ рукописей Редакція назначаетъ срокъ до 3-хъ мѣсяцевъ и **не позже** этого извѣщаетъ авторовъ о судьбѣ ихъ рукописей.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ **удостоверенія мѣстной почтовой конторы** о томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи **не позже**, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О пережѣвѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ; за пережѣву адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: **въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.**

Контора редакціи ж. «В. и Р.» открыта ежедневно отъ 10-ти до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы:
I. Богословско-
философскаго
журнала.
II. Журнала
Пастырь и
Паства.

Редакторъ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
И. д. редактора Магистръ богословія П. Ш. Красиль.
Архимандритъ Митрефанъ.